

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
ПОЗНАНИЕ СУЩЕСТВА ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ ЕГО ТЕЛА, ДУШИ И
ЛУХА
О РАННИХ СОСТОЯНИЯХ ЗЕМЛИ

GA 347

*Десять лекций, прочитанных для работающих
на строительстве Гётеанума в Дорнахе с 2 августа по 30 сентября 1922 г.*

Перевел с немецкого Александр ДЕМИДОВ

МАРИЯ ШТАЙНЕР

Введение к выходу в свет публикаций из лекций Рудольфа Штайнера для работающих на строительстве Гётеанума с августа 1922 г. по сентябрь 1924 г.

Эти лекции можно было бы назвать диалогом, поскольку их содержание по настоянию Рудольфа Штайнера всегда определяли сами рабочие. Им было разрешено самим выбирать темы, он побуждал их задавать вопросы и делать сообщения, поощрял их самопроявление, их возражения. Рассматривалось и дальнейшее и ближайшее. Особенно интересными оказались терапевтические и гигиенические стороны жизни; видно, что об этих вещах рабочим приходилось заботиться каждый день. Но также затрагивались и все явления природы, бытие минералов, растений и животных, причем это рассмотрение выводило в космос, к первоистоку вещей и существ. В конце рабочие попросили дать им введение в духоведение, в познавательную основу для понимания Мистерии христианства.

Общая духовная работа сложилась на основе нескольких курсов, которые доктор Роман Боос проводил для интересующихся по окончании работ на стройке; позднее эти курсы проводились и дальше другими членами Антропософского Общества. Позднее рабочие попросили Рудольфа Штайнера принять их и утратить жажду знаний — и, если возможно, посвятить этому один час обычного рабочего времени, пока они еще бодры и могут сохранять восприимчивость. Это происходило в утренние часы после перерыва в работе. Могли прийти также некоторые служащие строительной конторы и еще двое или трое из узкого рабочего круга доктора Штайнера. Обсуждались практические вещи, например, разведение пчел для тех, кто интересовался пчеловодством. Когда Рудольфа Штайнера уже не было среди нас, экспериментальная агрогруппа опубликовала для своих членов конспект этих лекций в виде брошюры.

Многие проявляют большое желание ознакомиться с этими лекциями. Однако они были рассчитаны на особую аудиторию, и в той особой ситуации были импровизацией на темы, продиктованные обстоятельствами и настроением рабочих-слушателей; при этом они не предназначались для печати. Именно та форма, в которой они были прочитаны, позволила сохранить свежесть и непосредственность, которые не хотелось бы потерять. Была создана особая атмосфера взаимодействия того, что жило в душе спрашивающего и в душе дающего ответ. Не хотелось бы упускать этот колорит, эту окраску в ходе педантичной редакторской работы. Поэтому мы отважились по возможности ограничить ее. Пусть не все здесь соответствует стилистическим литературным канонам, зато во всей своей непосредственности сохраняется настоящая жизнь.

ПОЗНАНИЕ СУЩЕСТВА ЧЕЛОВЕКА
В ОТНОШЕНИИ ЕГО ТЕЛА, ДУШИ И ДУХА

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 2 августа 1922 г.

Доброе утро, господа! Сегодня мы посвятим время тому, чтобы добавить кое-что к уже слышанному вами. Это даст нам возможность лучше понять человека и оценить его по достоинству.

Видите ли, я уже говорил в общих чертах о том, в чем состоит процесс питания и процесс дыхания у человека. Мы видели также, что питание по большей части связано с жизнью человека, что питание состоит в том, что мы принимаем в себя питательные вещества, которые в нашем кишечнике находятся после этого уже в

безжизненным состоянии; затем эти питательные вещества наша лимфатическая система вновь оживляет, а потом они уже в живом состоянии переходят в кровь. Затем, будучи внутри крови, как вы знаете, эта ожившая пища приходит в соприкосновение с кислородом, содержащимся в воздухе. Воздух вбирается человеком. Кровь изменяется. Это тот процесс, который протекает в груди. В то же самое время он дает нам возможность ощущения.

Итак, между процессом в кишечнике и процессом в крови задействована жизнь. И, в свою очередь, в процессах, протекающих в крови, между кровью и воздухом оказывается задействованным то, что проявляется как наше душевное начало. Ну, а теперь нам надо заняться рассудком; надо попытаться понять, каким образом у человека становится возможным рассудок. Видите ли, узнать об этом стало возможным только тогда, можно сказать, приблизительно шестьдесят лет тому назад. В прошлом, 1921 году можно было бы отпраздновать шестидесятилетний юбилей этого события. Его никто не праздновал, так как у современных людей отсутствует стремление учреждать празднование чисто научных юбилеев. Открытие, сделанное в 1861 году, которое можно было бы отметить в связи с его шестидесятилетием, является важнейшим научным открытием. Так что только последние пятьдесят-шестьдесят лет стало возможным говорить о вещах, о которых я хочу сказать сегодня. Открытие же это состоит в следующем. Недавно я сказал вам, как можно наблюдать за человеком: не надо экспериментировать самим, надо только внимательно принимать к сведению то, что является экспериментом самой природы над человеком, когда тот в какой-либо форме заболевает. Если после наблюдения удастся понять, что произошло в физическом теле человека, когда он был болен, то такой эксперимент, такой опыт предоставлен нам самой природой, и мы на основе такого эксперимента могли бы продвинуться в познании.

Тогда, в 1861 году было открыто — открытие сэра Лала Брок, — что у людей, имевших дефекты речи, при посмертном патологоанатомическом исследовании обнаруживаются те или иные повреждения левой третьей лобной извилины.

Как известно, если мы исследуем мозг, если мы снимаем костную крышку черепа, костную оболочку, то мы можем увидеть этот мозг. Этот мозг имеет извилины: вот одна извилина, вот другая, вот здесь расположена третья извилина (изображается на доске). Эту извилину, поскольку она располагается здесь, на виске, называют височной извилиной. Так вот, в любом случае, если человек имеет отдельные расстройства речи или если он вообще не может больше говорить, то в этой левой лобной извилине что-то не в порядке.

Подобные симптомы могут возникнуть у человека, перенесшего так называемое кровоизлияние в мозг. Кровоизлияние в мозг (apoplexia cerebri), инсульт, состоит в том, что кровь, которая в нормальном состоянии должна протекать по сосудам, вырывается из сосуда и изливается в окружающие сосуд ткани, где она присутствовать не должна. Такое кровоизлияние вызывает удар, паралич. Итак, если кровь изливается ненормальным образом в область этой височной извилины, если эта височная извилина полностью выходит из строя, то как следствие человек не может больше говорить, наступает афазия. (Афазией называется расстройство речи, при котором больной не может правильно строить речь — моторная или амнестическая афазия, либо не может понимать речь — сенсорная афазия. Моторная афазия возникает при очагах в левом полушарии мозга, в задней части третьей лобной извилины. Наблюдается также при локализации очага во второй лобной извилине. Сенсорная афазия возникает при очагах в левой верхней височной извилине. Амнестическая афазия возникает при очагах в левой теменной доле. Афазия встречается при различных заболеваниях мозга, локализирующихся в этих областях; часто при сосудистых заболеваниях, черепно-мозговых травмах, опухолях, сифилисе мозга, арахноидите. Факты речи могут быть врожденными, как алексия, заикание, истерическая афония и др. Терапевтический справочник. М., 1946, — примеч. перев.)

Видите ли, это очень интересная взаимосвязь. Мы можем сказать: человек говорит постольку, поскольку в его физическом теле левая височная извилина находится в здоровом состоянии. И теперь нам надо понять, что же это, в сущности, означает: что человек имеет здоровую левую височную извилину. Но чтобы это понять, нам придется рассмотреть кое-что еще.

Если умирают маленькие дети, и мы исследуем у них в мозгу указанное место — левую височную извилину, — то этот, так сказать, мозговой телефонный кабель представляет собой довольно однородную кривизну: именно до того, как ребенок научится говорить, все это представляет собой довольно гомогенную кривизну. Но по мере того, как ребенок учится говорить, у этой левой височной извилины образуется все больше и больше мелких извилин. Они прорабатываются все более и более искусно. Так что можно сказать: если у совершенно маленького ребенка эта левая

лобная извилина выглядит примерно так (изображается на доске), то у ребенка, который научился говорить, и у взрослых она выглядит так: она искусно проработана. Так что с мозгом нечто происходит примерно в то время, когда ребенок учится говорить. Не надо объяснять это как нечто сверхъестественное, это происходит в жизни обычным образом. Смотрите, если я передвину стол отсюда сюда, то ведь никто не скажет, что стол сам передвинулся. И точно так же я не имею права говорить: мозг сам по себе образовал эти извилины; я обязан как следует поразмыслить, что же произошло, что тут послужило причиной. Я должен задуматься над тем, отчего же, как нарочно, это образование возникло именно в левой височной извилине. Видите ли, если ребенок учится говорить, то его тело при этом приходит в движение. Приходит в движение та часть его тела, где расположены органы речи. До этого, пока ребенок еще не может говорить, он представляет собой некое барахтающееся кричащее существо, и так далее. Пока он только вопит, кричит, его левая извилина представляет собой кашлицу, которую я вам только что изображал. Но чем больше он научается не только кричать, но от крика переходить к отдельным звукам, тем более проработанной оказывается эта лобная извилина. Так что можно сказать: если ребенок только кричит, следовательно, у него в указанном месте находится мозговая кашлица. Однако вот он начинает не только кричать, но также издавать отдельные звуки. И тогда постепенно эта общая однородная кашлица преобразуется в прекрасно проработанную левую долю мозга.

Дело, господа, обстоит так: вы знаете, когда младенец кричит, крики его состоят по большей части из того, что называют гласными звуками, это А, Е. Итак, если ребенок только кричит, ему не нужна дифференцированно расчлененная левая лобная извилина; то, что производит он из себя при этом крике, не нуждается в искусной проработке его мозга. Если быть немного повнимательней, можно заметить, что крики, издаваемые ребенком, очень похожи на звук А. Только позднее ребенок начинает присоединять к своему крику звуки У и И. Постепенно ребенок, как вам известно, учится произносить согласные. Сначала ребенок кричит А; затем он учится присоединять М. Получается МА или ВА. Так постепенно из крика ребенок производит слова; при этом он присоединяет к гласным согласные.

Каким же образом возникают эти согласные? Вам надо только обратить внимание на то, как вы произносите М. Вы должны при этом двигать губами. Этому вы должны были научиться в детстве с помощью подражания. Если вы произносите Л, то вы должны двигать языком. Так что вам приходится что-то приводить в движение. Вы, следовательно, должны от беспорядочного барахтанья, которое только и делает малыш, переходить к упорядоченным движениям органов речи, к движениям, которые выполняются с помощью подражания. И чем больше присоединяет ребенок этих согласных — Л, М, Н, Р и так далее, к появляющимся только при криках гласным, тем больше дифференцируется, расчленяется эта левая лобная извилина, тем более искусно она прорабатывается. Те же самые силы, с помощью которых ребенок научается согласным, прорабатывают эту левую лобную извилину.

Теперь мы можем спросить: каким же образом ребенок учится говорить с самого начала? Ребенок учится говорить только посредством подражания. Он учится говорить, двигать губами, и при этом он исходит из чувства подражания тому, как другие люди двигают губами. Тут все является подражанием, имитацией. Это означает, что ребенок замечает, видит, воспринимает то, что происходит вокруг него. И посредством этого восприятия — следовательно, посредством этой духовной работы над восприятием — разрабатывается мозг. Как скульптор работает с деревом, мрамором или бронзой, точно так же скульптурно прорабатывается и мозг благодаря тому, что ребенок двигается. Органы, которые он приводит в движение, распространяют свою подвижность вплоть до мозга. Когда я с помощью языка произношу звук Л, то язык посредством нерва приходит в связь с мозгом, связывается с другими органами. Это Л проходит вплоть до моей левой лобной извилины и создает там внутри такие фигуры. Это Л, следовательно, создает такую фигуру, где одно примыкает к другому, причем эта левая лобная извилина формируется подобно кинематике. Звук М создает вот такие закругленные извилины. Итак, вы видите, в чем состоит работа над этой левой височной извилиной. Тут работает то, что благодаря восприятию приводится ребенком в движение, — то, что он испытывает. С тех пор, как стало известно о связи между

разрушением левой мозговой извилины при мозговом инсульте и потерей речи, стало возможным узнать и о том, что постоянно работает у ребенка над этой левой лобной извилиной, когда он учит согласные звуки. Это связано с тем, что глаза и все другие органы отмечают происходящее во внешнем мире. Что же происходит тогда во внешнем мире?

Видите ли, когда мы говорим, во время нашей речи мы дышим. Ведь мы дышим постоянно. И когда мы дышим, в тело человека проникает то, что возникает из дыхания, проникает этот толчок при вдохе, как я его называл вам; он проникает в человеческое тело, затем поднимается через спинномозговой канал вверх (изображается на доске) и входит в мозг. Итак, когда ребенок кричит, еще не умея выговаривать согласные, только кричит и дышит — в это время наверх всегда прорывается результат дыхания, этот толчок при вдохе. Он проникает наверх и входит в мозг.

Спросим себя: что же, собственно, входит в мозг? В мозг входит кровь. Она проходит всюду, это я объяснял вам в последние дни. Итак, посредством дыхания кровь все снова и снова подталкивается в мозг. Однако повсеместное проталкивание крови с помощью дыхания происходит, начиная с момента рождения ребенка, даже с еще более раннего времени, хотя в последнем случае эта работа производится иным образом. Когда ребенок рождается, он начинает дышать. Тогда поднимается вверх тот толчок воздуха, который подталкивает кровь в мозг.

Таким образом, мы можем сказать: поскольку кровь с помощью дыхания подталкивается в мозг, постольку ребенок может только кричать. Он начинает говорить тогда, когда не только кровь подталкивается туда, но когда, скажем, с помощью глаз или каких-либо других органов, например, ушей, ребенок начинает подмечать что-то, когда он начинает что-то воспринимать. Следовательно, когда ребенок начинает подмечать, запоминать движения других людей, он имитирует эти движения в себе; и тогда вверх поднимается не только поток крови: тогда от ушей, например, сюда постоянно входит другой поток (изображается на доске). Вы видите, это другой поток. Этот другой поток проходит по нервам.

Итак, в левой височной извилине, в так называемой речевой извилине, как и во всем человеческом теле, встречаются кровеносные сосуды и нервные тяжи. На нервные тяжи воздействует то, что воспринимается извне, то, что подмечается вовне. Движения, которые ребенок делает, произносятся согласные звуки, проникают через кровь в его левую речевую извилину. Эта последняя разрабатывается очень хорошо; при этом дыхательный толчок совместно с кровью сочетается с тем возбуждением, которое приходит от ушей или от глаз, так что единая кашицеобразная масса, находящаяся здесь в промежутке между кровью (капиллярами и др. — примеч. перев.) и нервами, удивительным образом прорабатывается. Итак, вы можете видеть, что наш мозг — по крайней мере в этой его части, а в других его частях происходит то же самое — формируется благодаря совместному осуществлению двух видов деятельности; одной — по восприятию, а другой — связанной с толчками, подгоняющими кровь к мозгу. Однако вам необходимо уяснить следующее: ребенок обучается речи вышеописанным образом; это означает, что разрабатывается его левая лобная извилина. Но, господа, когда производят патологоанатомическое исследование трупа, вскрытие, и рассматривают правую лобную извилину, располагающуюся симметрично, то она оказывается сравнительно непроработанной. Следовательно, здесь мы имеем левую лобную извилину; она прекрасно проработана, о чем я говорил вам. Однако правая в течение всей жизни остается по большей части такой же, какой она была у ребенка, она остается неразработанной, нерасчлененной. Я мог бы сказать: если бы мы имели только правую лобную извилину, то мы могли бы только кричать. Лишь благодаря тому, что мы так искусно разработали левую лобную извилину, мы можем говорить.

Только в том случае, если человек левша, если, следовательно, он имеет привычку выполнять свою работу не правой, а левой рукой, возникает нечто необычное: если такой человек переносит левосторонний инсульт, то он не теряет дар речи. Если же затем его приходится подвергать вскрытию, то обнаруживается, что у него, то есть у левши, проработана именно правая лобная извилина, тогда как у обычных граждан, у обычных людей (то есть у праворуких — примеч. перев.) прорабатывается левая лобная извилина.

Следовательно, движения руки и кисти принимают чрезвычайно значительное

участие в этой проработке мозга. Почему это происходит? Видите ли, это происходит вот отчего: если кто-то привык много работать правой рукой, то он при этом делает не только ту непосредственную работу, которую он выполняет с помощью правой руки, но он тогда привыкает и дышать правой стороной сильнее, применять с правой стороны большую силу дыхания. Он привыкает яснее слышать с правой стороны и так далее. Это показывает нам то, что человек, привыкший использовать правую руку, имеет общую тенденцию развивать с правой стороны большую деятельность, чем с левой. Но при этом как нарочно происходит то, что левая лобная извилина разрабатывается в том случае, если он право-рукий, тогда как правая лобная извилина разрабатывается, если он левша. Но почему это происходит?

Смотрите, господа: здесь (изображается на доске) у тела находится правая рука, здесь расположена левая височная извилина. Теперь давайте проверим, как идут нервы. Нервы идут так: здесь повсюду внутри проходят нервы. Если бы у вас не было этих нервов, вы не могли бы здесь, например, ощущать ни тепла, ни холода. Все это связано с нервами. Здесь вы повсюду имеете нервы, они поднимаются вверх через спинной мозг, входят в головной мозг. Но курьез состоит в том, что нервы, находящиеся в правой руке, идут к левому полушарию мозга, а нервы, находящиеся в другой, левой, руке, входят в правую половину мозга. Здесь внутри нервы перекрещиваются. Нервы перекрещиваются в мозгу; если я, например, выполняю какие-либо гимнастические или эвритмические упражнения правой рукой, то я при этом получаю ощущение вследствие того, что нерв становится передаточным звеном для этого ощущения. Но я ощущаю это левым полушарием мозга, поскольку нервы перекрещиваются.

Представьте себе, что ребенок охотнее делает все правой рукой. Тогда он и дышит немного сильнее правой стороной, слышит немного лучше и даже видит немного острее с правой стороны. Человек больше напрягает свою правую сторону и посредством выполняемых движений развивает левую сторону мозга.

Вам надо представить, что у каждого из нас есть свойство немного жестиковать при речи: «Ах!» (соответствующий жест), а если мы отказываемся от чего-либо, то «Э!». Мы делаем жесты во время речи. Эти жесты становятся ощутимыми посредством наших нервов; жесты правой руки, которые мы делаем при речи, тоже ощущаются с помощью левого полушария мозга. И к тому же, если мы праворукие, то мы имеем тенденцию выговаривать гласные и согласные правой стороной нашей гортани сильнее, сильнее произносить звуки; деятельность, произведенная нами при этом, тоже сильнее ощущается нами с помощью левой половины мозга. А на этом основано то, что мозг, который первоначально был кашицей, прорабатывается все больше.левой половиной тела мы пользуемся меньше: вот почему правая половина мозга разрабатывается меньше, она остается кашицеобразной. Если же кто-то является левшой, то происходит обратное.

Из этого вытекают важные следствия для педагогики. Представьте себе; немного леворуких детей всегда имеется в школе, и о них можно сказать так: в то время, как у всех остальных очень хорошо развита левая височная извилина в мозгу, у этих леворуких, у левшей полностью формируется и разрабатывается правая височная извилина. Когда я обучаю ребенка письму, я задействую его правую руку. Дети, которые являются праворукими, при этом только усиливают в своей левой лобной извилине то, что они уже начинали разрабатывать, обучаясь речи. Однако те дети, которые являются леворукими, левши — если я буду принуждать их непременно писать правой рукой, — будут разрушать все то, что выстроили они в своей правой височной извилине благодаря речи. Они разрушают в себе все это; но поскольку при письме все же нельзя было бы допустить, чтобы левша писал левой рукой, моя задача состоит в том, чтобы медленно и постепенно переносить у леворуких детей все, что они делали левой рукой, в правую, для того, чтобы они сначала выучились работать другой рукой, и только затем, значительно медленнее, чем другие дети, приступали к письму. Это ничего, если они начинают писать немного позже.

Если я, обучая леворуких детей письму, начну вести процесс обучения в таком же быстром темпе, то я сделаю этих детей глупее; ведь я тем самым буду разрушать у них то, что они уже выработали и образовали в правой половине мозга. Следовательно, я обязан принять к сведению, что леворуким детям я должен преподавать письмо иным образом, нежели детям, которые являются праворукими.

Тогда в будущем они не станут глупее, но станут даже более разумными вследствие того, что я медленно буду переводить у них ле-ворукость в праворукость и не стану вносить путаницу в их мозг, обучая сразу же писать правой рукой.

Видите ли, если хотят с помощью письма повлиять на человека в целом, то в педагогическом смысле результат оказывается вообще противоположным желаемому. Сейчас существует сильная тенденция обучать человека всегда делать все обеими руками. Гем самым в его мозг вносится путаница. При этом обнаруживается лишь то, как мало знают люди, придерживающиеся подобной тенденции — дать человеку возможность делать то же самое как правой, так и левой руками. Впрочем, если такая цель была бы поставлена, пришлось бы сделать и нечто другое. Что же надо было бы сделать? Сначала, господа, надо было бы изменить всего человека в целом! Пришлось бы очень медленно переводить одну деятельность с левой стороны на правую сторону, а деятельность с правой стороны медленно ослаблять. Что бы произошло в этом случае? Видите ли, тогда могло бы произойти так, что под этой поверхностью (изображается на доске) левая височная извилина была бы разработанной, но снаружи, на наружной стороне оставалась бы кашицей. То же самое наступило бы и на правой височной извилине. Вместо того, чтобы два рода деятельности распределить по правой и левой стороне, я тем самым разделил бы каждую из височных извилин напополам: на внешнюю половину и на внутреннюю половину. Тогда внутренняя половина стала бы более приспособленной к речи, внешняя же половина осталась бы больше приспособленной к выкрикиванию гласных и согласных. Но ведь речь в целом является сочетанием криков и артикуляции, членораздельного произношения. Это осталось бы на всю жизнь (то есть одна из форм моторной афазии — примеч. перев.).

Итак, вы видите, что беспорядочное вмешательство по отношению к человеку не остается без последствий. Если хотят развивать педагогику в целом, особенно педагогику общеобразовательной школы, необходимо знать человека в целом. Ибо все, что предпринимается в этой области, приводит к изменениям в человеке. Является поистине преступным, когда ежедневно бездумно вмешиваются в человека, ориентируясь только на внешние проявления, не видя при этом, как обстоит дело в действительности.

Лишь у небольшого количества людей используются обе лобные извилины; обычно правая лобная извилина в большей степени пронизана кровеносными сосудами, тогда как в левой извилине кровеносных сосудов меньше, она больше пронизана нервами. Вообще во всем нашем мозге правая его часть больше служит для производительной деятельности крови, для повсеместной циркуляции крови, тогда как левая половина служит в большей степени для приема информации, для восприятия.

Только когда мы узнаем, что мозг формируется под воздействием внешних влияний, мы сможем составить себе понятие и о том, насколько сильными являются эти влияния. А эти внешние влияния являются, конечно, необыкновенно сильными; ведь мы знаем, что под воздействием этих внешних влияний находится все то, что происходит в мозгу. Следовательно, благодаря изучению происходящего в мозгу тогда, когда человек говорит, можно составить себе представление о том, чем же вообще является этот человеческий мозг. Видите ли, исследуя этот мозг все дальше, мы откроем и то, что его наружная оболочка, наружный, внешний слой мозга пронизан кровеносными сосудами значительно в большей степени, чем внутренняя часть мозга. Так что мы можем сказать: снаружи мозг более обогащен кровью, а внутри он больше обогащен нервами. Итак, внутри мозг обогащен нервами; там внутри располагаются вот такие нервные тяжи.

Но как будет обстоит дело с ребенком, который учится говорить обычным образом, то есть с ребенком-правшой, праворуким, как будет у такого ребенка образовываться мозг? Видите ли, если взять еще совсем юный мозг ребенка, то вокруг него располагается насыщенное кровью покрывало (изображается на Доске). Это вид спереди. Эта сторона для человека правая, а вы, следовательно, видите ее слева; эта сторона находится от человека слева. Вот тут образуются все эти нервные тяжи, волокна. А поскольку это так, господа, поскольку тут внутри располагаются эти нервные тяжи, то если извлечь внутреннюю ткань мозга, она будет выглядеть белой, тогда как насыщенная кровью, располагающаяся вокруг мозговая ткань, — если извлечь ее наружу, — выглядит красновато-серой.

Если ребенок развивается дальше, если он учится говорить и, следовательно,

разрабатывает тем самым свою левую височную извилину, что происходит тогда? Видите ли, тогда происходит то, что эти нервные тяжи вытягиваются сюда все больше; здесь же их меньше, здесь в первую очередь образуется кровеносная система (изображается на доске). Итак, внутренняя часть мозга у нормально развивающегося ребенка некоторым образом сдвигается влево; другие части сдвигаются соответственно. Мозг сдвигается в эту сторону, влево, и здесь, с левой стороны, он становится все белее и белее. Он сдвигается сюда. Именно на таких несколько искусственно создаваемых вещах покоится все человеческое развитие.

А теперь от речи перейдем к дальнейшему. Видите ли, есть языки, в которых, скажем, очень много согласных; есть такие языки, в которых очень много гласных: А, Э, И и так далее. Есть и другие языки, в них звуки как бы выдавливаются наружу: С, В, так что гласных звуков почти не заметно. Что тут, в сущности, происходит?

Если кто-либо живет в одной местности — ведь это зависит от местности, так как языки различаются в соответствии с той или иной областью Земли, — итак, если кто-либо живет в местности, в которой образуется больше согласных, то что это означает? Это означает, что он в большей степени живет во внешнем мире, так как эти согласные образуются на основе внешнего. Итак, если кто-нибудь живет во внешнем мире, его белая часть мозга больше сдвигается влево. Если же кто-то живет в большей степени в своем внутреннем мире, тогда эта белая часть мозга смещается меньше. Человек при этом больше предрасположен, чтобы из своего внутреннего мира извлекать наружу гласные звуки. В различных местностях Земли это происходит по-разному.

Давайте возьмем следующее, господа. Представьте себе, что тут располагается Земля (изображается на рисунке), и в различных точках Земли стоят люди. Я хочу нарисовать это совершенно схематично; тут один человек, тут еще один человек. Итак, тут на Земле стоят различные люди. Именно так мы и стоим на Земле, хотя на этом рисунке не соблюдена пропорциональность, но стоим мы именно так. И человек, находящийся, скажем, здесь, обретает язык с преобладанием гласных, а другой обретает язык с преобладанием согласных.

Что же должно происходить в указанной местности? Ну, происходить-то там может очень многое, но я хотел бы выделить для вас одно из того, что может там происходить. Представьте себе, что здесь находятся высокие горы (изображается на доске), а здесь находится равнина. Итак, здесь — высокие горы, здесь — равнина. Фактически если где-либо есть плоская равнина, то можно заметить, что речь там изобилует гласными звуками. Если же где-либо высоко, подобно башням громоздятся горы, то там речь имеет тенденцию изобиловать согласными звуками.

Но, видите ли, дело не обстоит так просто, и мы должны задать себе вопрос: откуда же возникают эти горы, как возникают равнины? Дело обстоит так: (изображается на доске) здесь повсюду простирается земное царство; здесь светит Солнце. Когда-то вся наша Земля представляла собой кашницу, и горы должны были еще сначала выйти из этой кашицы наружу. Итак, Земля является в своей основе кашницей, а здесь горы поднимаются наружу.

Господа, так что же поднимает эти горы, извлекает их наружу? Горы извлекают наружу силы космоса, те силы, которые действуют извне! Так что мы можем сказать: здесь воздействуют некоторые силы из космоса, они и вытягивают горы наружу. Это мощные силы, поэтому и возникает гора. А сюда приходят на более слабые космические силы, и поэтому никаких гор здесь не возникает. Здесь в древние эпохи земная почва меньше вытягивалась наружу. И те люди, которые рождались на такой земной почве, где эти силы действовали меньше, говорили, используя гласные звуки; но те люди, которые рождались на такой почве, где эти силы действовали мощнее, говорили, используя согласные. Следовательно, это связано со всеми силами космоса.

Но как можем мы указывать на нечто подобное? Господа, мы могли бы уяснить, что тут имеется в виду, взглянув на часы. Допустим, нам надо идти на работу или пора уходить. Однако никогда при этом мы не стали бы говорить так: «Это слишком! Эта проклятая большая стрела, эта страшная тетка, гонит меня на работу!» Такое нам не приходит в голову, хотя стрелка указывает, что пора приниматься за работу; однако мы ведь не станем возлагать на нее вину или считать ее причиной. Ведь этого мы не делаем, не так ли? Стрелка тут не виновата.

Точно так же, господа, мы могли бы посмотреть на Солнце и сказать: если мы стоим здесь, то Солнце в известный момент находится, скажем, перед созвездием

Овна. Тут мы имеем дело с направлением, откуда воздействуют мощные силы. Дело тут не в Овне; но он (подобно стрелке часов — примеч. перев.) служит нам указателем направления, по которому действуют мощные силы. В то же самое время человек стоит здесь. Для него актуально следующее: если Солнце переместится сюда (изображается на рисунке), стоит тут, например, в Деве, в созвездии Девы. На этом направлении силы действуют слабо. Чтобы не описывать весь этот процесс в целом, я могу сказать: если кто-то родился в местности, где в определенное время, скажем, во время его рождения Солнце стояло в созвездии Овна, тогда он учится говорить, используя преимущественно согласные; если же он родился там, где Солнце стоит в созвездии Девы, то он учится говорить, используя преимущественно гласные звуки.

Итак, вы видите, я могу использовать весь зодиакальный круг в качестве часов, по которым я могу предсказывать, что происходит на Земле. Только я должен уяснить, что действует не само созвездие: созвездие служит для считывания. Отсюда вы видите, зодиакальный круг может рассказать нам очень многое. Он может рассказать нам и нечто, из чего мы поймем, почему языки на Земле различны.

Мы можем сказать: посмотрим на Землю. Представьте себе: здесь находится Земля, а здесь мы поставили стул — этого не может быть, но мы можем это допустить гипотетически, — поставим стул здесь, в космосе, и взглянем оттуда на своего рода языковую карту, на различные наречия Земли. Тогда мы получим некую картину. А теперь мы поворачиваем стул и смотрим отсюда в космос; тут мы получаем картину из звезд. Эти картины соответствуют друг другу, находятся во взаимном соответствии. Если кто-нибудь стал бы таким образом разглядывать Южное полушарие Земли и отмечать там наречия, а затем, повернув стул, смотреть на Южное звездное небо, то вид его был бы иным, нежели в Северном полушарии. Кто-нибудь мог бы зарисовать звездное небо и изучить закономерности, связывающие определенное созвездие с наречиями, находящимися под этим созвездием.

Так вы видите, когда мы начинаем наблюдать духовную жизнь человека, иначе говоря, каким образом с помощью речи образуется рассудок, то для того, чтобы это хоть немного понять, мы должны взглянуть вверх на звездное небо. На Земле мы не найдем для объяснения этого никаких закономерностей. Вы могли бы долго размышлять, почему наречия различны, но объяснения вы бы не получили.

Видите ли, если вы хотите знать, что происходит в вашем животе, вам следует обратиться с таким вопросом к земной почве, к тому, что находится здесь, внизу. Если в какой-либо местности разводят главным образом капусту, то вы могли бы интерпретировать это так: в этой местности на смену отрезанным кочанам капусты должны зародиться новые. Итак, если вы хотите узнать, как питаются в какой-либо местности, вы должны задаться вопросом, относящимся к земной почве. Если вы хотите узнать, как дышится в какой-либо области, вы должны задаться вопросом, относящимся к тому, что происходит вокруг в воздухе, в атмосфере. Если же вы хотите узнать, что происходит внутри этой черепной коробки, что происходит в коробке, где находятся мозги, вам следовало бы задать вопросом, как располагаются звезды там, вовне. Вы должны присоединить человека ко всей Вселенной. В этом случае вы увидите, что лишь суеверием является то, когда на основе древних пережитков, оставшихся от древних человеческих знаний говорят упрощенно: если Солнце стоит в Овне, произойдет то-то и то-то. Это не так. Но если знают связи в целом, то тогда подобные вещи перестают быть тривиальным суеверием, тогда они становятся наукой.

Вот то, что может вести нас от понимания примитивных технологий к пониманию, благодаря которому постигается происходящее и открываются его связи со всей Вселенной.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 5 августа 1922 г.

Доброе утро, господа! Сегодня я продолжу о том, о чем мы говорили с вами, поскольку эти вещи могут быть хорошо поняты, только если углубляться в них все дальше и дальше.

Видите ли, с человеком дело обстоит так: свою пищу он берет из земного царства, оно его питает; царство воздуха, то, что окружает Землю, обеспечивает его дыхание, благодаря которому он вообще может жить, благодаря которому он

получает возможность стать чувствующим, ощущающим существом. А благодаря тому, что он берет силы у мира в целом, он, как мы видели, становится мыслящим существом, и только благодаря этому он, в сущности, становится полноценным человеком.

Итак, человек должен уметь пропитать себя, он должен уметь дышать, чтобы стать чувствующим существом, — и он должен уметь вбирать силы из космоса, чтобы благодаря этому стать мыслящим существом. Сам по себе он может стать мыслящим человеком в той же малой степени, в какой может он обрести дар речи, будучи предоставлен самому себе. Человек не может мыслить сам себя, так же, как он не может есть самого себя.

Давайте теперь поближе рассмотрим, как, собственно, происходят эти вещи. Начнем с того, что уясним как протекает следующий процесс: сначала мы принимаем питательные вещества, затем в лишемом жизни, мертвом состоянии они переходят внутрь нашего пищеварительного тракта, а затем они снова становятся живыми под действием нашей лимфатической системы. Через лимфу они поступают в кровь, которая обновляется с помощью дыхания. Кровь и, соответственно, сила крови, то есть толчок, получаемый ею при дыхании, поднимаются через спинной мозг вверх в головной мозг и соединяются там с тем, что является мозговой деятельностью.

Вам надо рассмотреть хотя бы только то, почему ребенок питается иначе, нежели взрослый человек; даже отсюда вы сможете извлечь весьма многое для познания человека в целом. Ребенок должен, как вам известно, в начальный период своей жизни пить много молока. В первое время он питается исключительно молоком. Что, в сущности, означает, что ребенок питается одним молоком? Это мы сможем представить себе, уяснив предварительно из чего состоит это молоко.

Молоко состоит, — об этом обычно не задумываются, — на 87% из воды. Даже если мы, будучи детьми, пьем молоко, то мы тем самым выпиваем 87% воды, и только оставшиеся 13% состоят из чего-то другого. В этих оставшихся 13% белок составляет всего 4,5%; 4% в молоке составляют жиры, а в оставшейся части содержатся другие вещества, соли и так далее. Указанные вещества составляют самое существенное из всего, что принимает ребенок в молоке. Но главным образом он принимает воду.

Я ведь говорил вам, что человек вообще состоит в основном из жидкости. И ребенок должен постоянно наращивать количество этой жидкости. Он должен расти, и поэтому ему нужно очень много воды. Эту воду он и принимает в молоке.

Вы могли бы сказать: ничего бы не изменилось оттого, если бы мы подсыпали ребенку эти 13% пищи, а остальную воду давали ему выпить. Но видите ли, человеческое тело совсем к этому не приспособлено. То, что мы получаем с молоком, является не только обычными 13% белков, жиров и так далее; ведь все это — белки, жиры — растворено в молоке, растворено в той воде, которая содержится в молоке. Дело, следовательно, обстоит так, что если ребенок пьет молоко, он в уже растворенном виде получает вещества, в которых он нуждается. А это совсем не то, как если бы тело должно было выполнить сперва работу, которая необходима для растворения.

Если вы вспомните, что я до сих пор уже говорил о питании, тогда вы скажете: питательные вещества, которые мы принимаем через рот, мы тоже должны сперва растворить. Природа позволяет нам получать через рот твердые питательные вещества; затем мы растворяем их с помощью нашей собственной жидкости. Последующие части тела, желудок, кишечник и так далее вообще могут использовать только растворенное. Ребенок же должен сперва приобрести способность растворять; он должен сначала получить такую способность. Он, следовательно, не в состоянии с самого начала заботиться об этом самостоятельно. Он должен получать то, что предварительно растворено. Вы можете в этом убедиться: ребенок истощается, если его рацион перегружен каким-либо искусственным питанием сложного состава.

Вы могли бы сказать: и все же можно ли производить искусственное молоко? То есть если бы эти 13% белков, жиров и так далее я стал смешивать с водой, так чтобы все это внешне походило на молоко; было бы это молоко так же полезно для ребенка, как и то, которое он получает естественным образом? Ни в коем случае, господи! Ребенок стал бы хилым, если бы он получал такое искусственное молоко. И если бы люди производили только то, в чем имеется потребность, следовало бы решительно отказаться о производства такого молока. Такое средство могло бы

нанести вред всему человечеству.

Ведь кто мог бы в этом случае обеспечить именно такое растворение, которое необходимо ребенку? Видите ли, только сама жизнь может это сделать. При необходимости тут можно было бы использовать животных, но не всех. Однако в самом начале, когда ребенок приспособлен лишь к тому — поскольку он еще не способен правильным образом растворять, — чтобы получать указанные питательные вещества, белки, жиры, уже нужным образом растворенные, в этот период правильным вскармливанием ребенка может быть только вскармливание молоком, взятым от самого человека.

Из других видов молока ближайшим к человеческому является молоко ослицы; так что если нет возможности проводить вскармливание ребенка материнской грудью или женским молоком, то возможно в дальнейшем вскармливать ребенка молоком ослицы. Хоть это и весьма комично, но фактически ослиное молоко больше всего похоже на молоко человека, и, следовательно, если невозможно обеспечить вскармливание ребенка женским молоком, то можно по необходимости содержать ослиное стойло и ослицу, чтобы таким образом обеспечивать ребенка молоком. Впрочем, то, что я говорю сейчас, есть не более чем гипотеза, предназначенная для того, чтобы вы видели, как связаны эти вещи в природе.

Если вы сравните теперь молоко как средство питания, например, с куриным яйцом, то вы обнаружите, что куриное яйцо содержит примерно 14% белка, то есть гораздо больше, а точнее, в четыре раза больше, чем молоко. Если начинают давать ребенку питание, содержащее гораздо больше белков, то ребенок уже должен обладать указанной силой для растворения. Он должен уметь растворять самостоятельно.

Отсюда вы видите, как необходимо для ребенка получать жидкое питание. Но что же это за жидкое питание? Это то жидкое питание, которое уже участвовало в жизненных процессах и, по возможности, еще участвует в них, еще живет; это условие выполняется, если ребенка прикладывают к материнской груди.

В случае ребенка очень заметно, что если он пьет молоко и это молоко проходит через рот и пищевод в желудок — только тут оно впервые умерщвляется в человеческом теле, — то это молоко затем снова может стать живым в кишечнике. Так что на примере ребенка мы непосредственно видим, что жизнь пищи должна сперва подвергнуться умерщвлению. Поскольку эта жизнь претерпела пока лишь незначительные изменения, ребенку нужно мало сил, чтобы возобновить ее, когда он пьет молоко; меньше, чем если в качестве пищи используется нечто иное. Итак, вы видите, какое непосредственное отношение к жизни имеет человек.

Но отсюда вы можете усмотреть и еще кое-что. Пытаемся правильным образом обдумать, почему так происходит? Давайте начнем с этого пункта мыслить как можно точнее. Видите ли, мы сперва говорим: ребенок должен принимать живое питание, которое он сам может и умертвить, и оживить снова, а затем скажем, что человек состоит по большей части из жидкости. Смеем ли мы утверждать, что человек состоит из воды, из той самой воды, которую мы находим вовне в природе, в безжизненной природе? Ведь тогда эта вода, которую мы находим в безжизненной природе, могла бы и в ребенке работать так, как она работает во взрослом человеке, который уже сосредоточил в себе достаточное количество жизненных сил!

Отсюда вы видите, что вода, 90% которой содержится в каждом из нас, не является обычной безжизненной водой, но она проникнута жизнью. Итак, то, что человек несет в себе в качестве воды, является чем-то иным; он несет в себе ожившую воду. И эта оживленная, живая вода представляет собой воду, какую мы находим в безжизненной природе, но пронизанную тем началом, которое проявляется во всем мире как жизнь. Жизнь так же не может реализоваться в безжизненной воде, как человеческое мышление не может реализоваться в трупe умершего. Следовательно, если вы говорите «вода», то при этом речь может идти как о воде, находящейся в ручье, так и о воде, находящейся в человеческом теле. Вам должно стать понятным, что разница тут такова, как если бы вы сказали: здесь речь идет о трупe, а здесь — о живом человеке; вода в ручье является трупом той воды, которая находится в человеческом теле.

Поэтому мы говорим: человек имеет в себе не только это мертвое, физическое, нет, он имеет в себе также жизненную телесность, жизненное тело. Так в результате точного, правильного мышления, мы находим: человек имеет в себе

жизненное тело. Как оно действует в человеке, мы можем уяснить, если будем наблюдать, как человек в действительности связан с природой. При этом мы должны обращать особое внимание на то, что сначала встречается нам при наблюдении **в**не, в природе, а потом — когда мы видим то же самое внутри человека. Когда мы наблюдаем внешнюю **при**роду, мы повсюду обнаруживаем ее составные части, частицы, из которых состоит также и человек, однако человек перестраивает эти частицы на свой лад.

Для того чтобы понять это, перейдем к простейшим животным. Слушая меня, вы заметите, что мне — касаясь человека и того, что в нем находится, — уже приходилось говорить подобным образом, то есть так, как я должен говорить сейчас об этих мельчайших, простейших существах живой природы. Видите ли, в воде, в морской воде имеются очень маленькие живые существа, простейшие животные. Эти простейшие представляют собой, в сущности, лишь маленькие слизистые комочки, они так малы, что их можно увидеть только в сильный микроскоп. Здесь я, конечно, изображаю их в увеличенном виде (см. рисунок 1, слева). Эти маленькие комочки плавают повсюду в окружающей их воде, в жидкости.

Если бы не происходило ничего иного, если бы слизистые комочки были просто окружены водой, то они, эти слизистые комочки, оставались бы в покое. Однако если, скажем, какая-нибудь маленькая крупинка какого-то вещества подплывает ближе, например, подплывает вот такая маленькая крупинка (см. рисунок 1, справа), то это животное, если ему ничего не мешает, начинает распускать свою слизь, обволакивает эту крупинку слизью, так что эта последняя оказывается внутри слизи.

Рисунок

Очевидно, что эта слизь распространяется **по**тому, что она перемещается. Тем самым этот комочек приходит в движение. Итак, благодаря тому, что это простейшее живое существо, этот маленький комочек живой слизи обволакивает своей собственной слизью крупинку, благодаря этому он приходит в движение. А эта чужеродная крупинка будет теперь **ра**створяться тут внутри. Она растворится — и таким образом окажется, что это простейшее животное **по**глодило эту крупинку.

Впрочем, такое животное может пожрать и большее количество таких крупин. Представьте себе, что здесь находится животное, здесь крупинка, здесь тоже одна крупинка, и здесь еще одна (см. рисунок 2). Тогда это простейшее простирает свои щупальца и сюда, и сюда, и сюда. Куда ему пришлось больше всего

Рисунок

простирает щупальца, где, следовательно, была самая большая из крупинок, туда оно и перетягивается и тянет за собой другие крупинки. Итак, это простейшее животное **пр**иводит себя в движение таким образом, что одновременно с движением оно питается.

Когда я описываю вам, господа, этот маленький комочек слизи, плавающий в море и одновременно **пр**итающийся, вспомните о том, как я описывал вам так называемые белые кровяные тельца у человека. Они делают в человеке совершенно то же самое. В **чел**овеческой крови тоже плавают такие же простейшие **жив**отные, таким же образом они и движутся, и питаются. Мы можем прийти к пониманию, что же это, в **сущ**ности, плавает в человеческой крови, если мы направим наш взгляд на маленьких простейших животных, которые плавают вовне, в море. Их-то мы и носим в себе.

А теперь, после того, как мы вспомнили, что живые существа, которые распространены во внешней **при**роде, плавают в нашей крови, что они, следовательно, всевозможными способами живут в нас, давайте внесем ясность в вопрос о нашей нервной системе: как она создается, а точнее, как создается наш головной мозг. Наш мозг ведь тоже состоит из мельчайших **ча**стиц. Если я изображаю эти мельчайшие частицы, то они выглядят как своего рода клубочковидная уплотненная слизь. От этой слизи отходят такие лучи (см. рисунок), которые состоят из того же самого вещества, что и слизь. Вы видите, это и есть клетка, как ее **на**зывают, клетка мозга. Ее окружают соседние клетки. Она простирает свои ножки или ручки и прикасается ими к другим клеткам. Вот третья такая клетка; она протягивает сюда свои ножки, прикасается сюда. **Но**жки могут быть очень длинными, могут вытягиваться до половины тельца. Они тоже граничат с одной **кле**ткой. Если мы рассмотрим наш мозг под микроскопом, то окажется, что

он состоит из таких точек,

Рисунок

в которых слизистая масса находится в более плотном состоянии. Затем отсюда отходят толстые древообразные ответвления, они всегда смыкаются друг с другом. Если вы представите густой лес с плотными, соприкасающимися друг с другом кронами деревьев, с далеко выступающими сучьями, то вы получите представление о том, как выглядит мозг под микроскопом, как выглядит он при сильном увеличении.

Однако теперь, господа, вы могли бы сказать: он описал нам эти белые кровяные тельца, которые живут в крови. Но судя по описанию мозга, здесь все очень похоже; здесь обитают точно такие же тельца, как и в крови. Значит, если бы я мог, не умерщвляя человека, Удалить у него все белые кровяные тельца, извлечь его мозг и поместить эти тельца в его черепную коробку, то я тем самым изготовил бы для него мозг из его белых кровяных телец.

Однако достойно внимания то, что прежде чем изготавливать для него мозг из этих белых кровяных телец, я должен был бы наполовину умертвить как-нибудь из них. В этом и состоит основная разница между белыми кровяными тельцами и клетками мозга. Белые кровяные тельца полны жизнью. Они постоянно движутся друг около друга в человеческой крови. Я говорил вам, что они, как и кровь, постоянно волнуются и бурлят, протекая по сосудам. Тут они даже выходят наружу. Здесь они, как я уже излагал, становятся гурманами и идут вплоть до поверхности тела. Они расползаются по всему телу.

Но если взглянуть на мозг, то там эти клетки, эти тельца остаются на своем месте. Они находятся в покое. Они лишь простирают свои ответвления и касаются ими своих ближайших соседей. Следовательно, то, что присутствует в теле как белые кровяные тельца, находится в постоянном движении, но в мозгу останавливается, успокаивается, а фактически наполовину умирает.

Представьте себе, что такое циркулирующее в море животное съело слишком много. Если оно ест слишком много, происходит следующая история; оно простирает свой отросток, свою «руку», набирает то там, то тут и пожирает слишком много, но перенести этого оно не может; оно теперь делится на две части, которые расходятся, так что вместо одного мы имеем два. Оно размножилось. Эта способность размножения свойственна и нашим кровяным тельцам. Некоторые из них отмирают, а другие возникают путем размножения, деления.

Однако вышеописанные мною мозговые клетки не могут размножаться; тогда как белые кровяные тельца живут в нас полной самостоятельной жизнью, клетки мозга, взаимопроникающие друг в друга, не могут размножаться так, как они. Из одной мозговой клетки никогда не выйдет двух мозговых клеток. Когда мозг человека увеличивается, когда он растет, то всегда в этот мозг должны перемещаться клетки из центрального тела. Клетки должны вращаться туда. Никогда не происходит в мозгу так, чтобы клетки мозга размножались, делились; они только накапливаются там. И во время нашего роста туда всегда должны поступать клетки из других частей тела, для того чтобы мы, когда мы растем, имели достаточно крупный мозг.

Даже из того, что эти мозговые клетки не способны размножаться, регенерировать, вы видите, что каждая из них наполовину мертва. Они всегда находятся в умирании, эти мозговые клетки, они всегда отмирают. Если мы рассматриваем все это действительно правильно, то мы имеем в человеке удивительную противоположность; в своей крови он несет клетки, исполненные жизненностью — это белые кровяные тельца, которые постоянно хотят жить, — тогда как в его мозгу он несет клетки, которые, собственно, постоянно стремятся умереть, которые всегда находятся на пути к смерти. Верно и то, что человек из-за своего мозга всегда находится на пути к смерти, мозг постоянно находится в опасности умереть.

Вы, господа, наверное, слышали или, быть может, переживали сами — хотя, впрочем, всегда очень неприятно переживать это самому, — что человек может оказаться обессиленным, может впасть в обморочное состояние. Если человек впадает в обморочное состояние, состояние обессиливания, то это состояние сопровождается падением. Вы теряете сознание.

Что же тут происходит с человеком, если он таким образом теряет сознание? Вы, наверное, знаете, что люди, которые очень бледны, как, например, девушки, страдающие хлорозом (имеется в виду хлороз ранний, Chlorosis juvenilis, заболевание крови в основе которого лежит нарушение образования гемоглобина; заболевают им исключительно девушки в период наступления половой зрелости. Жалобы связаны с наличием общей слабости; резкая бледность кожи лица и так далее, течение хроническое, предсказание благоприятное — примеч. перев.), легче всего впадают в обморочное состояние. Почему? Видите ли, они впадают в обморочное состояние по той причине, что у них слишком много белых кровяных телец по сравнению с красными. У человека должно быть совершенно такое соотношение — на это я вам уже указывал — между белыми и красными кровяными тельцами для того, чтобы он мог правильным образом обладать сознанием. Итак, что же означает, если мы теряем сознание? Это происходит при обморочном состоянии, но ведь и во сне мы тоже теряем сознание. Это означает, что деятельность белых кровяных телец становится слишком интенсивной, она чересчур сильна. Если же белые кровяные тельца действуют чересчур интенсивно, если, следовательно, человек имеет в себе слишком много жизни, тогда он теряет сознание. Так что это очень хорошо, что человек в своей голове имеет такие клетки, которые постоянно хотят умереть; ибо если бы тут, в мозгу, стали бы жить эти белые кровяные тельца, то мы вообще не смогли бы иметь никакого сознания, мы были бы тогда постоянно спящими существами. Мы бы всегда спали.

Вы могли бы задать вопрос: а почему постоянно спят растения? Растения постоянно спят просто по той причине, что они не имеют внутри себя таких живых существ, поскольку они вообще не имеют крови, поскольку они не обладают той жизнью, которая, как самостоятельная жизнь, есть внутри нас.

Если мы захотим сравнить наш мозг с чем-нибудь, находящимся во внешней природе, то мы должны будем сравнить его с растением. Этот мозг в своей основе постоянно уничтожает нашу собственную жизнь и вследствие этого непосредственным образом создает сознание. Следовательно, мы получаем о мозге самые противоречивые понятия. Ведь это действительное противоречие: растение не получает сознания, а человек получает сознание. Это нечто такое, что мы должны будем обосновать лишь в ходе длительного рассуждения. И мы хотим пойти сейчас тем путем, на котором это можно объяснить.

Каждую ночь мы становимся бессознательными, когда засыпаем. При этом в нашем теле должно происходить нечто, что нам сейчас надо понять. Что же все-таки происходит тогда в нашем теле? Видите ли, господа, если бы во время сна в нашем теле все оставалось точно таким же, как и во время бодрствования, то мы бы не спали. Во время сна наши мозговые клетки начинают жить немного интенсивнее, чем они живут во время бодрствования. Постепенно они становятся похожими на клетки, обладающие собственной жизнью в нас. Так что вы можете представить: когда мы бодрствуем, тогда эти мозговые клетки остаются в полном покое, но если мы спим, тогда они могут, хотя и незначительно, смещаться со своих мест — поскольку они все же локализованы, поскольку они удерживаются извне и не могут свободно перемещаться, не могут плавать кругом, так как они тотчас же натолкнутся бы на что-нибудь, однако они получают в некотором смысле волю к самодвижению. Мозг становится внутренне беспокойным. Вследствие этого мы приходим в бессознательное состояние, то есть из-за того, что мозг стал внутренне беспокойным.

Теперь мы должны спросить: откуда появляется в человеке его мышление? То есть отчего происходит так, что мы можем улавливать, принимать силы, приходящие в нас из самого отдаленного космоса? С помощью наших органов питания мы можем принимать вместе с веществами только земные силы. С помощью нашего дыхания мы можем улавливать, принимать только воздух, точнее кислород. А чтобы с помощью нашей головы мы могли улавливать все силы из дальнего мира, необходимо, чтобы тут, внутри нас, все было спокойно, чтобы наш мозг находился в полном покое. Однако если мы спим, мозг становится подвижным, и тогда мы меньше принимаем силы, которые находятся там, вовне, в отдаленном космосе; тогда-то мы и становимся бессознательными.

Однако теперь вся эта история развивается так: представьте себе, что в двух местах выполняется какая-то работа. Здесь, скажем, работу выполняют пять рабочих, а здесь — двое. Эти рабочие объединяются в группы, и каждая группа

выполняет свою часть работы. Допустим, однако, что стало необходимым немного упорядочить работу, так как выпущено слишком много деталей одного сорта, а других изготовлено слишком мало. Что мы в этом случае сделаем? От пяти рабочих мы возьмем одного и предложим ему перейти к тем двум работникам. Тогда у нас здесь будет три рабочих, а от пяти останется четверо. Если мы не хотим увеличивать количество, мы перераспределяем рабочих из одной бригады в другую. Человек тоже имеет лишь вполне определенное количество сил. Он должен перераспределить их. Итак, если во сне, ночью, мозг становится подвижным, работает интенсивнее, необходимо, чтобы из оставшейся части тела было получено содействие: эта работа должна получить поддержку. Но откуда можно взять ее? Видите ли, для этого может быть привлечена некоторая часть белых кровяных телец. Некоторая часть белых кровяных телец ночью начинает жить с меньшей интенсивностью, чем днем. Мозг живет более интенсивно. Но некоторая часть белых кровяных телец живет менее интенсивно. Так восстанавливается равновесие.

Но я уже говорил вам: из-за того, что мозг несколько притормаживает жизнь, делает ее тише, человек начинает мыслить. Следовательно, если эти белые кровяные тельца успокаиваются, утихают ночью, то тогда человек должен был бы начать мыслить любым местом, где белые кровяные тельца пришли в состояние покоя. Он должен был бы в этом случае начать мыслить с помощью своего тела.

Давайте спросим себя: а может быть, человек действительно мыслит ночью посредством своего тела? Это весьма щекотливый вопрос, не правда ли? Может ли человек ночью мыслить посредством своего тела? Он об этом не знает. Он может только сказать, что он ничего не знает об этом. Но если я не знаю о чем-то, то это еще не доказательство, что этого нет; в ином случае не было бы всего, чего еще не видели люди. Итак, если я чего-то не знаю, это еще не доказывает, что этого нет. На деле человеческое тело может мыслить ночью, просто об этом не знают и поэтому полагают, что оно не мыслит.

Надо исследовать, есть ли у человека какие-либо признаки того, что он — в то время как днем он мыслит с помощью головы — ночью начинает мыслить с помощью печени, с помощью желудка и иных органов, возможно, даже с помощью кишечника.

Некоторые признаки этого есть. У каждого человека есть признаки, что это так. И все же давайте попытаемся представить, как происходит то, что хотя и существует, но о чем мы ничего не знаем. Представьте себе, я стою тут, говорю с вами, мое внимание обращено к вам; это означает, что я не вижу, что находится позади меня.

Тут может произойти нечто курьезное. Я, например, могу иметь привычку в перерыве между выступлениями присаживаться на стул. И вот сейчас, пока мое внимание направлено к вам, кто-нибудь мог бы убрать мой стул. Я бы этого не увидел, но, тем не менее, это ведь произошло; и если мне захочется присесть, я тут же обнаружу следствия!

Видите ли, дело обстоит так, что человек должен выносить суждения не только об обычных, тривиальных вещах, известных ему непосредственно, но и о том, о чем он может узнать окольным путем. Стоит Мне только быстро обернуться, и мне уже, по всей вероятности, не придется падать на пол. Если бы я повернулся, я бы воспрепятствовал этому падению.

Давайте же рассмотрим человеческое мышление в теле. Видите ли, этот вопрос охотно обсуждают естествоиспытатели, когда они говорят о границах человеческого познания. Что же они полагают при этом? Естествоиспытатели, говоря о границах познания, полагают, что если чего-нибудь нельзя увидеть — ни в микроскоп, ни в телескоп, ни просто так — того и нет. Но с познанием такого рода эти люди очень часто садятся на пол, поскольку если мы чего-то не видим, то это еще не доказывает, что этого нет. Это уж без сомнения так.

То, что я должен осознать, не должно быть всего лишь выдуманно мною, но я должен особо подтвердить наблюдением то, что было помыслено мною. Мышление могло бы оказаться для меня таким процессом, который протекает всегда, иногда в голове, иногда во всем теле. Если я бодрствую, мои глаза открыты. Эти глаза видят не только внешнее, нет, эти глаза воспринимают и то, что внутри. Точно так же, если я что-то пробую на вкус, я ощущаю вкус не только того, что находится снаружи, но я воспринимаю также и мой внутренний организм; так, если у меня, например, заболевание, вызванное общим состоянием тела, то тогда у меня могут вызывать

отвращение вещи, которые в ином случае были бы приятны на вкус. Следовательно, внутреннее всегда играет определенную роль. Внутреннее восприятие тоже должно существовать. Представьте, что мы совершенно нормальным образом проснулись. Тогда клетки нашего мозга успокаиваются медленно. Они очень медленно приходят в состояние покоя, и дело обстоит так, что я лишь постепенно овладеваю органами чувств, постепенно учусь использовать органы чувств снова. Пробуждение происходит вполне размеренно, в соответствии с ходом и образом жизни. Так может происходить в одном случае.

Но может быть также и другой случай, когда я в связи с какими-то обстоятельствами успокаиваю свои мозговые клетки слишком быстро. Я успокаиваю их значительно быстрее. Происходит нечто иное, если я слишком быстро привожу их в состояние покоя. Если, скажем, кто-то распоряжается переместить рабочих, о которых я говорил; когда здесь пятеро, то он забирает одного из пяти и ставит его на другое место, — итак, если кто-то распоряжается, то при обычных обстоятельствах это проходит довольно гладко. Однако, допустим, что кому-то приходится уволить одного, другой должен куда-то пристраивать уволенного — тут вся эта история может принять дурной оборот, если эти двое начнут спорить о том, правильно это или нет. Когда в моем мозгу мозговые клетки слишком быстро приводятся в состояние покоя, тогда белые кровяные тельца, которые во время сна только что находились в покое, не могут прийти в движение столь же быстро. При этом возникает, что — в то время как я в своем мозгу уже пришел в состояние покоя, как я уже успокоил в мозгу всю подвижность, которая была во сне, — тут внизу, в крови, эти белые кровяные тельца еще не желают просыпаться. Они еще стремятся немного побыть в застывшем состоянии, в покое. Им не хочется вставать.

Было бы просто чудесно, если бы эти белые кровяные тельца, которым еще хочется полежать в постели — я говорю, разумеется, лишь фигурально, — без помех могли всё воспринимать. Тогда они сразу же увидели бы самих себя, как в ином случае видят себя успокоившиеся мозговые клетки; тогда мы стали бы воспринимать чудеснейшие мысли. Именно в тот момент, когда мы слишком быстро просыпаемся, мы стали бы воспринимать чудеснейшие мысли. Это нетрудно понять тому, кто понимает целостную связь человека и природы. Если бы не было никаких помех, то человек, просыпаясь быстро, смог бы воспринимать в своем теле удивительные мысли. Но он не может этого. Почему же он этого не может? Знаете ли, здесь, между этими ленивыми, еще спящими белыми кровяными тельцами и между тем, чем мы могли бы их воспринимать — а это мы можем слышать только головой, — вклинивается весь процесс дыхания. В этом процессе задействованы уже красные кровяные тельца. Тут осуществляется процесс дыхания, и сквозь призму этого дыхательного процесса нам приходится смотреть на мыслительный процесс, который происходит в нас здесь (внизу — примеч. перев.).

Представьте себе, что я просыпаюсь; вследствие этого мой мозг успокаивается. Здесь внизу (изображается на доске), будучи включенными в кровь, находясь белые кровяные тельца. Если бы я стал воспринимать и их, когда они находятся в покое, у меня возникло бы при этом внутреннее созерцание прекрасных мыслей. Однако в этот промежуток вклинивается весь процесс дыхания (то есть между воспринимающим органом — мозгом — и передающими элементами — покоящимися белыми кровяными тельцами в нижней части тела — вклинивается процесс дыхания и создает помехи для восприятия — примеч. перев.). Это точно так же, как если бы я хотел рассмотреть что-то, но мне пришлось бы смотреть через мутное стекло; я вижу все это неотчетливо, расплывчато. В роли мутного стекла выступает в данном случае дыхательный процесс. Тем самым все мышление, осуществляющееся в теле здесь, внизу, становится для меня расплывчатым. Что же при этом возникает? Сновидения. Вследствие этого и возникают сновидения, грезы, неотчетливые мысли, которые я воспринимаю, если активная деятельность мозга в моем теле слишком быстро приходит в состояние покоя.

И опять-таки: при засыпании, если я делаю это нерегулярно, когда мозг слишком медленно становится активным, происходит такая история: из-за того, что мозг слишком медленно набирает активность, и, следовательно, еще способен кое-что воспринимать, я могу наблюдать при засыпании то мышление, которое уже начало осуществляться тут, в нижней части, так как наступило состояние сна. Вот так и происходит, что человек при пробуждении и засыпании воспринимает в качестве сновидений то, что в течение всей остальной ночи остается недоступным

для его наблюдения.

Ведь сновидения мы воспринимаем, в сущности, только в момент пробуждения. То, что мы воспринимаем сновидения только в момент пробуждения, вы можете довольно легко представить себе, если когда-нибудь рассмотрите сновидения по порядку. Допустим, я сплю, и около моей кровати стоит стул. Я могу увидеть такой сон: я студент и встречаю где-то другого студента, которому говорю какую-то грубость. Другой студент, который должен на это отреагировать, в соответствии с кодексом чести и поведения студента он обязан отреагировать на эти грубые слова; дело доходит до того, что он вызывает меня на дуэль. Даже в случае каких-то мелочей студенты должны были вызывать друг друга на дуэль.

И вот снится следующее: выбираются секунды, все идет в лес и там, на воле, приступают к делу, начинают стрелять. Вот стреляет первый. Я еще слышу выстрел, однако просыпаюсь и опрокидываю стул, стоящий у кровати. Вот это и был «выстрел»!

Да, господа, если бы я не опрокинул стул, то я вообще не увидел бы этого сновидения, тогда сновидение бы просто не состоялось! Сновидение облеклось именно в такую картину, и это произошло только в момент пробуждения, так как разбудил меня именно опрокинутый стул. Следовательно, в этот единственный момент пробуждения возникла эта картина, и Неясно, что во мне происходит. Отсюда вы можете видеть, что образы, присутствующие в сновидении, возникают только в один-единственный момент, когда я просыпаюсь, точно так же, как и при засыпании в один-единственный момент должно возникать, что образно выступает в сновидении.

Но если образуются такие картины, и я под воздействием этих картин могу нечто воспринимать, то при этом должны присутствовать и мысли. Для чего мы обсуждаем все это? Мы занимаемся этим, чтобы научиться понимать сон и бодрствование. Итак, спросим себя: как обстоит дело во сне? Во сне наш мозг проявляет более сильную активность, чем при бодрствовании; при бодрствовании наш мозг покоится. Да, господа, если бы мы могли сказать, что наш мозг при бодрствовании более активен, тогда мы высказались бы как материалисты; ведь тогда получилось бы, что мышление есть физическая активность мозга. Но, будучи разумными людьми, мы не можем говорить, что мозг при бодрствовании более активен, чем во сне. Именно во время бодрствования он приходит в состояние покоя.

Итак, телесная деятельность ни в коем случае не может дать нам мышления. Если бы телесная деятельность давала нам мышление, то тогда при мышлении эта телесная деятельность должна бы быть интенсивнее, нежели при отсутствии мышления. Но именно при отсутствии мышления телесная деятельность проявляется более интенсивно. Следовательно, мы можем сказать: у меня есть легкие; эти легкие могли бы стать бездейственными, ленивыми, если бы снаружи в них не поступал кислород и не побуждал их к активности. Но и мой мозг тоже остается бездейственным, ленивым в течение дня; в этом случае к мозгу тоже должно подступать нечто внешнее и побуждать его к активности. Поэтому мы должны признать, что как кислород приводит легкие в движение, активизирует их деятельность, точно так же есть в мире нечто такое, что в течение дня побуждает мозг к мышлению, причем это нечто не находится в самом теле, не принадлежит самому телу.

Итак, мы должны сказать: если бы мы развили настоящую естественную науку, то мы бы пришли к признанию бестелесного, душевного начала. Мы видим, что оно есть. Мы видим, как оно некоторым образом влетает при пробуждении: ведь из тела не может прийти то, что проявляется как мышление. Если бы оно приходило из тела, то именно ночью удавалось бы мыслить лучше всего. Мы должны были бы только лечь и заснуть, и тогда в наш мозг пришло бы мышление. Но ведь мы этого не делаем. Итак, мы некоторым образом видим, как влетает то, что является нашим душевным и духовным существом.

Так что можно сказать: естественная наука добилась в новое время крупных успехов, но она ознакомилась только с тем, что, в сущности, не имеет прямого отношения к жизни и мышлению: естественная наука не понимает жизни и еще менее она понимает мышление. И если человек развивает истинную естественную науку, то не из предрассудков, а на основе этой истинной естественной науки он имеет право сказать: точно так же, как для дыхания необходимо наличие кислорода, для мышления необходимо наличие душевного начала.

Но об этом в следующий раз; ведь подобные вопросы не решаются так просто. Во многих из вас возникнут силы, противодействующие тому, что я сказал. Но если кто-то иначе говорит на эту тему, то это лишь означает, что он не уяснил себе, что происходит в человеке. Речь идет не о том, чтобы распространять какие-либо предрассудки, а о том, чтобы внести полную ясность. Вот о чем идет речь.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 9 августа 1922 г.

Вопрос: Один из слушателей привез из отпуска камни. Спрашивают о том, есть ли в камнях жизнь или была ли в них жизнь когда-то, и каким образом они возникали.

Доктор Штайнер: Относительно этих камней я, может быть, сделаю сообщение в другой раз, хотя, возможно, что я присоединю его к нашей сегодняшней теме.

Господа, я хочу сказать следующее: мы видели, что в нас, людях, в сущности, имеет место своего рода отмирание жизни. Мы видели, что в нашей крови находятся циркулирующие в своем движении живые — белые кровяные тельца, — которые проникают сквозь кровеносные сосуды вплоть до нашей кожи. Я говорил вам: этим крохотным животным особенное, подобное гурманству, удовольствие доставляет проникать к поверхности кожи, в то время как в ином случае они находятся только внутри человеческого тела. Это придает их жизни, так сказать, остроту, подобную пряной приправе. Это живые клетки, и они ползают повсюду. Я говорил, что противоположность им составляют клетки нервной системы, а именно те, которые находятся всюду, эти клетки, в сущности, постоянно отмирают, постоянно переходят в мертвое состояние. Эти клетки в мозгу таковы, что они только слегка начинают оживать, когда вы спите. Тогда они начинают слегка оживать. Они при этом не могут сдвинуться со своего места, поскольку они очень стеснены другими клетками: они не в состоянии стать такими же подвижными, как белые кровяные тельца, но, тем не менее, ночью, когда вы спите, они немного оживают. При этом происходит также и то, что когда эти клетки получают от тела немного больше жизненных и волевых сил, белые кровяные тельца должны становиться спокойнее. А вследствие последнего, как я уже сообщал вам, все тело в целом получает способность мыслить.

Давайте теперь поставим такой вопрос: «Откуда же, собственно, приходят эти мысли?» Не правда ли, люди, которые хотели бы мыслить исключительно с точки зрения материализма, говорят так: «Несомненно, мысли возникают в мозгу или в нервной системе человека. Тут и вырастают мысли, подобно кочанам капусты в поле». Если бы люди могли как следует дойти до конца, что значит «как кочаны капусты в поле»! Никаких кочанов капусты в поле расти не будет, если их туда сначала не посадят. Следовательно, нечто должно сперва вырасти. Конечно, каждый волен рассматривать человеческий мозг как своего рода паутину для мыслей. Но подумайте-ка вот о чем: если есть прекрасные грядки с кочанами капусты, и тот, кто постоянно растил их, куда-нибудь отлучится и не найдет никого, чтобы его заменить на огороде, то и в этом случае на грядках никакой капусты не вырастет.

Следовательно, надо сказать так: если кто-то и впрямь полагает, что мысли производятся из мозга, то следовало бы сперва спросить: откуда они приходят? Растут как капуста на грядке! Этот вопрос надо сначала правильно сформулировать. И тогда мы можем сказать следующее: то, что мы тут видим, фактически возникает вовне, во внешней природе. И я бы хотел объяснить вам, что же возникает там во сне, в природе. Я говорил вам: внутри человека мы откроем и пойдем все, если постигнем все, что окружает человека как среда. Когда мы рассматриваем растения и так далее, мы тем самым понимаем кое-что, находящееся в человеке. Вот перед нами камень. Давайте методически рассмотрим его как породу. Вы видите — тут, внизу, сзади и сверху порода очень мягкая. Мы можем ее колупнуть ножом. Наружный же, облегающий слой просто похож на уплотненную землю. Значит так: я сейчас зарисовать только нижний слой — внизу находится эта мягкая порода, а здесь, как будто бы в порода из нее, располагаются на этой мягкой

Рисунок

породе кристаллы, кристаллы, которые как будто бы проросли. Я должен

нарисовать многое, не так ли, но этого теперь достаточно. Итак, тут находятся вот такие маленькие кристаллы; они располагаются тут внизу, как если бы они прорастали тут, однако они прямо-таки страшно твердые. Вы не сможете выколупать их ножом, нож их не возьмет, в лучшем случае, взявшись за один из них, вы сможете извлечь его целиком, расколупать же вам его не удастся. Это, следовательно, очень твердые кристаллы, те, что располагаются здесь.

Спросите себя: откуда же в более мягком земном царстве, которое лишь немного спеклось до стадии конгломерата, появляются эти кристаллы? Тело этих кристаллов прекрасно сформировано; здесь мы имеем продолговатую форму, увенчанную сверху маленькой пирамидальной вершиной. Внизу тоже могла бы быть пирамидальная вершина, если бы кристалл не внедрился в землю. Если бы здесь порода была мягкой, то это было бы у каждого кристалла, но, будучи включенной в земную основу, она разрушается.

Откуда же происходят мелкие кристаллы? Известно, что когда растение растет, то снаружи, вокруг растения, находится углекислый газ, углекислота. В ином случае растение расти не сможет. К растению должно иметь доступ то вещество, которое мы выдыхаем. И затем, если углекислый газ подступает к растению, растение всасывает этот углекислый газ, удерживает углерод, содержащийся в углекислом газе, а кислород снова выделяет. Такова разница между растением и человеком. Люди вдыхают кислород и выдыхают углекислый газ, кислород мы удерживаем, тогда как углекислый газ отдаем. Растения связаны с Землей. Когда растение умирает, то углерод возвращается в почву, а затем превращается в черный каменный уголь, который мы спустя сотни лет добываем из Земли.

Но есть и другие вещества. Есть вещество, которое в некотором отношении очень похоже на уголь и все же отличается от него. Это кремнезем, кремний. Допустим, что вы имеете почву, богатую кремнием, в ней содержится много кремнезема. Поскольку кислород действует повсюду, он действует и здесь. Тут, надо всем этим, сейчас находится кислород. Этот кислород сначала не реагирует с кремнием. Но со временем в ходе земного развития внезапно обнаруживается, что кислород соединился с кремнием. И подобно тому, что возникало в случае углекислого газа (рост растений — пр. пер.), когда мы его выдыхали, при правильном соприкосновении находящегося в Земле кремния с кислородом возникает кварц, кремниевая кислота; возникают именно такие кристаллы. Необходимо только, чтобы кремний, кремнезем из Земли связался с кислородом, и тогда возникают такие кристаллы, которые находятся тут.

Но сам по себе кислород не способен соединиться с кремнием. Вы можете иметь много кремнезема, кремния, а над ним будет кислород, но, тем не менее, ничего образовываться не будет. Так почему же образуются эти прекрасные формы? Они образуются только и именно потому, что из космоса на Землю со всех сторон приходят силы, и эти силы содействуют соединению кремнезема, кремния, с кислородом. Благодаря этому возникают такие кристаллы. Так что эти кристаллы возникают из-за того, что другие небесные тела со всех сторон оказывают влияние на Землю. Следовательно, мы можем сказать: эти кристаллы в сущности создает мир. Вы, однако, могли бы сказать следующее: что это ты рассказываешь нам? Образец, который дал нам Эрбсмель, доказывает прямо противоположное! Образец породы действительно такой: тут внизу рыхлая земля (см. рисунок 5), тут, сверху, снова рыхлая земля. Тут все вокруг заполнено рыхлой землей и эти кристаллические образования здесь располагаются не только так,

Рисунок

что они вырастают снизу вверх, как я только что описывал (изображается на рисунке), но и вот так: они растут сверху. Вы могли бы сказать, что им следовало бы расти только снизу. Но вот тут находятся те, которые растут сверху навстречу первым. Сейчас вы могли бы сказать: «Но это же нельзя объяснить космическим влиянием, ведь если объясняют, что силы идут только снизу вверх, то необходимо допустить, что эти самые силы исходят из внутренней части Земли и затем направляются в космос».

Вы видите, что здесь есть очевидное противоречие. За этим что-то должно быть. И я хочу сказать вам, что же за этим стоит.

Такие горные породы не возникают на равнинных участках Земли, они возникают в горах. Если же они возникают на равнинных землях, то и здесь, как и в горах, слои земли перемещаются, лежат и сверху, и снизу. Допустим, что образец был извлечен из горы. Представьте себе, мы имели бы вот такую гору, я хочу здесь изобразить склон этой горы. Когда вы поднимаетесь туда (см. рисунок б) идете вверх, то вы должны миновать и вот этот уступ на дороге, где земля или скала нависает; вам повсюду будут встречаться уступы нависающей земли, если вы поднимаетесь в горы.

Рисунок

Представьте теперь, что в очень, очень далекие времена, то, что я здесь обозначил коричневым цветом, переместилось сюда, отложилось тут, и вот это отложилось здесь (см. рисунок). Согласно моему объяснению вследствие действия космических сил здесь образовались кристаллы — как я это только что объяснял — и здесь тоже такие кристаллы. Так что под воздействием сил космоса вырастали и те кристаллы, которые внизу, и те, которые тут, наверху.

Затем, позднее, произошло так, что те, которые находились наверху, обрушились вниз и прикрыли кристаллы, находившиеся внизу. Итак, вы видите: если верхний слой обрушивается вниз, то он падает так, что основа оказывается сверху, а кристаллы, которые первоначально росли вверх, оказываются внизу (см. рисунок). Обрушиваясь, они падают сверху и перегреваются, упав на те, что находились внизу; вот так они накладываются друг на друга. Те, что обрушились, наваливаются сверху, таким образом, находившиеся наверху уступа, оказываются внизу.

В горах это происходит постоянно. Тот, кто изучает это, найдет, что в горах постоянно происходят такие осыпи грунта, при которых верхний слой нависает на нижний. При изучении горного дела это вызывает интерес.

Если идешь по равнине, то ощущаешь: только в последние тысячелетия дело обстояло так, что один слой накладывался на другой. Об Альпах этого сказать нельзя. Хотя Альпы в течение долгого времени тоже возникали подобным образом, но затем более высокие части обрушивались на более низкие, так что Альпы представляют собой перемешанные друг с другом земные пласты.

Вот почему так трудно изучать Альпы; тут повсюду приходится догадываться, какую предысторию имеет то, что располагается наверху. Часто положение не соответствует тому, что было при возникновении; допустим, один пласт находился внизу, а другой пласт находился сверху, но затем в результате толчка то, что было сверху, обрушилось вниз и накрыло то, что было внизу. Так в горах тысячелетие за тысячелетием возникало это взаимопроникновение пластов, как его называют, так осуществлялись эти вещи. Объяснить их можно только тем, что в горах происходили переборски грунта. Итак, можно сказать: нижний слой возникает на самом склоне (см. рисунок); верхний тоже возникает на том же склоне; здесь сзади возник уступ породы, возвышение, так что эта часть упала сюда и отложилась здесь. Так что такое явление, когда сверху и снизу кристаллы противостоят друг другу, можно объяснить только, когда знают о перемещениях и переборках грунтов, происшедших на Земле в течение тысячелетий.

Следовательно, во всем царстве безжизненного вещества есть силы, которые действуют из космоса, и действуют на нас так, что мы должны что-то делать в себе, чтобы эти силы нам не мешали.

Ибо, видите ли, господина кремния, который так распространен на Земле, содержится также и в нас. Его совсем не так много, но мы несем в себе вещество, из которого могли бы возникнуть ужасно твердые камни. Но если бы в нас стали возникать такие твердые породы, какие принес нам господин Эрбсмель, то нам бы пришлось плохо! Если, например, ребенок, в котором тоже уже содержится кремний, не мог бы ничем помочь себе, когда в нем стали бы откладываться маленькие кристаллы — а они могут быть совсем крошечными, — то это была бы весьма плохая штука! Иногда это происходит как проявление болезни.

Как вы знаете, сахар тоже может образовывать кристаллы. Посмотрите на крупнокристаллический сахар: он тоже состоит из кристаллов, расположенных попеременно друг с другом. Мы имеем в себе очень много сахара. Однако люди на Земле употребляют в пищу не одинаковое его количество. Количество употребляемого сахара различно. В России, например, люди едят очень мало сахара, в Англии — очень много сахара, разумеется, в среднем. Но в зависимости от

этого люди отличаются друг от друга. Русский характер отличается от английского характера. Русские — это совсем иные люди, нежели англичане. И это во многом происходит оттого, что русские получают вместе с пищевыми продуктами мало сахара. Англичане едят такие вещи, которые содержат очень много сахара, они употребляют пищевые продукты с высоким содержанием сахара.

Это связано с тем, что, как я говорил вам, космические силы оказывают свое воздействие на все. Человек имеет в себе много сахара. Сахар стремится кристаллизироваться. Что мы можем сделать для того, чтобы он не кристаллизовался, не превращался в кристаллы?

Видите ли, я рассказывал вам, что в нас содержится много воды, живой воды; она растворяет сахар. Вот была бы история, если бы вода перестала растворять сахар! Стали бы образовываться маленькие кристаллы, такие же, как в крупнокристаллическом сахаре, и эти маленькие остроугольные кристаллы мы бы имели в себе, если бы сахар не растворялся постоянно. Нам, людям, необходим сахар в качестве нашей пищи, но использовать его мы можем только в том случае, если мы постоянно растворяем его. Он нам нужен. Почему же мы должны его иметь? Потому что мы должны совершать деятельность по его растворению! Мы живем не только благодаря этому, но это является одной из наших жизненных функций — то, что мы растворяем сахар! А следовательно он должен поступать в наш организм; мы должны вводить его в себя.

Если же у нас не хватает сил, чтобы растворять этот сахар, тогда образуются эти совсем маленькие кристаллики, и они выводятся с мочой. Тогда возникает сахарная болезнь, диабет. И объяснение, почему люди заболевают сахарной болезнью, состоит в том, что у них слишком мало сил, чтобы растворять сахар, который они съедают. Они должны получать сахар, но если у них слишком мало сил, чтобы растворить его, возникает сахарная болезнь. Сахару нельзя позволять заходить так далеко, чтобы он переходил в форму маленьких кристалликов, он именно должен быть растворен. Человек должен иметь силу, чтобы растворять сахар. В этом состоит его жизнь.

Если задуматься над этим, можно также понять и то, что мы нуждаемся не только в силе, позволяющей растворять сахар, мы нуждаемся и в той силе, которая позволяла бы нам постоянно растворять маленькие кристаллы — кристаллы кварца, которые постоянно стремятся образоваться в нас: их гораздо меньше, но они, эти кристаллы кварца, постоянно стремятся образоваться в нас. Однако им нельзя позволять образовываться в нас. Если бы они стали образовываться уже в детстве, у ребенка, то ребенок стал бы жаловаться: это ужас, меня везде колет! Меня колет повсюду!

Что же происходит, если ребенок испытывает повсюду покалывания? Видите ли, это могло бы произойти в том случае, если бы перестали растворяться маленькие кремниевые кристаллы, которые возникают в нервах. Происходит их отложение. Вы не должны представлять себе, что это происходит в большом масштабе. Они совсем маленькие, эти кристаллы, их даже с помощью микроскопа не сразу можно обнаружить; их размер составляет меньше десяти тысячной доли миллиметра. Если в нервной системе скапливается много таких совсем крошечных кристаллов, человек начинает ощущать повсюду маленькие покалывания, уколы, которые он не может объяснить. Его всюду покалывает. Кроме того, начинаются небольшие воспалительные процессы вследствие того, что происходит. Возникают совсем незначительные воспаления. Тогда у человека ревматизм или подагра. Подагра есть не что иное, как отложение таких мельчайших кристаллов. Из-за этого возникают боли, которые испытывает человек. И то, что у человека при подагре возникают подагрические узлы, происходит в результате воспалительных процессов. Если вы укололись иглой, возникнет воспаление. Эти маленькие острия стремятся вылезти наружу, они стремятся к поверхности. Тогда возникают небольшие воспалительные процессы, и в результате этих воспалительных процессов образуются подагрические узлы.

Это процессы, действующие исключительно внутри человека. Но отсюда вы видите, что мы, в сущности, всегда должны иметь в себе силы, которые противодействуют, например, подагре: в ином случае мы бы постоянно страдали от нее. Но нам нельзя этого допускать. Следовательно, постоянно на заднем плане должно существовать нечто такое, с помощью чего мы могли бы этому противодействовать.

Что это значит? Видите ли, это значит вот что: тут, Приходя из космоса,

действуют силы. Они стремятся образовать в нас не крупные, но микроскопически малые кристаллики. Если эти силы приходят сюда и образуют здесь эти кристаллы, то они, эти силы, действуют также и в нас в целом, так что мы, будучи постоянно пронизаны этими силами, должны в нашем внутреннем организме развить ответные силы, которые бы постоянно сводили на нет вышеуказанное влияние. Мы постоянно должны работать, противодействуя этим силам. Мы должны, следовательно, иметь в себе силы, которые нейтрализуют вышеуказанные, противодействуя им. В нас тоже входят силы космоса; но им мы должны противодействовать и особенно сильно противодействовать в нервах. В нервах постоянно образывались бы одни минеральные субстанции, если бы мы не стали противодействовать их образованию. Минеральные субстанции должны возникать, ибо, видите ли, иначе дети будут оставаться слабоумными и рано умирать. При посмертном вскрытии таких умственно отсталых детей часто обнаруживается, что в них слишком мало того, что называют мозговым песком. Каждый должен иметь в себе немного мозгового песка. Он должен возникать, этот мозговой песок, и он должен все снова и снова растворяться.

Но его откладывается чересчур много, если у нас слишком мало сил, чтобы растворять его. Но, господина, деятельность, которую вы постоянно совершаете в мозгу, состоит в том, что вы постоянно откладываете в мозгу этот песок, когда в вашу кровь поступают питательные вещества. Этот мозговой песок, находящийся внутри (изображается на доске), точно так же конце подвергается воздействию космических сил, как и тот, что находится вовне, в природе. Таким образом, находясь внутри, он постоянно стремится образовать крошечные кристаллы (кристаллы могут вырастать на крупинках мозгового песка подобно тому, как они нарастают в горах на кремнеземах). Но нельзя допустить такого образования. Если же мы не имеем в себе мозгового песка, мы становимся слабоумными. Если бы образовывались кристаллы, то мы постоянно впали бы в обморочные состояния, мы получили бы своего рода мозговой ревматизм, мозговую подагру. Во всем остальном теле это причиняет нам боль, но если мозг содержит в себе эти кристаллы, то человек не может ничего делать и падает в обморок. Итак, мозговой песок необходим, но необходимо постоянно растворять его. Это непрерывный процесс, состоящий в том, что мозговой песок откладывается и растворяется, откладывается и растворяется.

Если отложилось слишком много песка, то он может повредить стенки мозговых сосудов. Тогда происходит кровоизлияние. Тогда возникает удар, не только обморок, но удар, кровоизлияние в мозг, геморрагический инсульт.

Именно изучая болезненные процессы, видят, что, в сущности, представляет собой человек.

Ибо при заболевании в нас происходит то же самое, что и в здоровом человеке, но происходит оно чересчур сильно, интенсивно. Болезнь есть не что иное, как то, что мы нечто образуем в себе слишком уж сильно.

То же самое происходит и в жизни, господина. Вы видели, что если взять маленького ребенка, коснуться рукой его щеки нежно и слабо, то это будет ласка, вы ласкаете его. Если же это касание рукой совершенно слишком сильно, то это уже совсем не ласка, это пощечина.

Видите ли, вообще во всем мире это так. Те вещи, которые в одной ситуации могут восприниматься как ласка, в другой могут оказаться пощечиной. Так же обстоит дело в жизни и с тем, что должно находиться в мозгу. Так эта нежная работа мозгового песка может превратиться в пощечину, нанесенную по всей жизни, если эта работа стала чересчур интенсивной, когда, следовательно, в нас слишком ослабли силы, без которых мы не можем растворять находящиеся в нас минеральные субстанции. Тогда, следовательно, мы будем постоянно находиться в обессилленном, обморочном состоянии, а если отложение слишком уж сильно, если эти кристаллики постоянно травмируют наши сосуды, мы получаем геморрагический инсульт, кровоизлияние в мозг. Следовательно, эти кристаллики в нас должны постоянно растворяться. Все эти процессы, о которых я рассказываю вам, постоянно протекают в нас.

Сейчас я хочу сказать вам кое-что еще: мы хотим внести полную ясность в эти вещи. Допустим, что здесь находится человек — я изображаю его довольно схематично, — здесь находится его мозг, здесь его глаза, а здесь я хочу изобразить то, на что он смотрит; итак, скажем, здесь перед глазами находится растение.

Рисунок

Теперь вы направляете внимание на это растение. Видите ли, если обратить внимание на растение, это, конечно, можно сделать только в дневное время, когда растение освещено солнечными лучами, отчего оно выглядит ярким, тем самым получишь световое воздействие на глаз. Но благодаря зрительному нерву, который идет от глаза назад, световое воздействие проникает в мозг. Итак, когда смотришь на растение, то через глаз направляешь себя на это растение, а от растения исходит световое воздействие, которое в результате проникает через глаз в мозг.

Господа, если таким образом разглядываешь растение, например цветок, то обращаешь внимание на этот цветок. Но это означает очень многое: то, что на цветок обращено внимание. Когда обращают внимание на цветок, тогда, в сущности, забывают также и себя самого. Вы ведь знаете, что можно, обратив на что-либо внимание, совсем забыть себя самого. В тот момент, когда человек хотя бы немного позабудет себя, чтобы поглядеть на цветок, в мозгу тут же возникает сила, содействующая выделению, отложению небольшого количества мозгового песка. Следовательно, смотреть на что-то означает выделять, осаждать мозговой песок изнутри вовне.

Это выделение мы должны представлять как специфически человеческий процесс. Вы уже заметили, что человек потеет не только, когда он очень напрягается, но и когда перед ним находится что-то страшное, ужасное; таким образом, человек выделяет не только мозговой песок, он выделяет другие соли вместе с водой через свою кожу. Это выделение. Но смотреть означает постоянно выделять мозговой песок. И здесь нам надо растворить этот мозговой песок. Так как если бы мы снова и снова не растворяли его, у нас в мозгу возник бы из мозгового песка очень маленький, крохотный цветок! Смотреть на цветок означает, в сущности, что в нас из мозгового песка образуется совсем маленький, крошечный цветок, который только перевернут вверх ногами, так как картинка в глазу тоже перевернута.

Дело обстоит так: если мы смотрим на стул — ведь не только цветы приходится нам разглядывать, — благодаря тому, что мы смотрим, внутри образуется немножко мозгового песка; и если мы сейчас преданемся лишь этому созерцанию, созерцанию, то внутри нас возникнет совсем маленький, микроскопических размеров образ этого стула, состоящий из кремниевого песка. А если бы я тут, в этом помещении, стал бы как человек развивать некоторую силу при созерцании, то во мне как картинка из крошечных кусочков кремния сложился бы вид этого помещения, хотя и перевернутый, с полом наверху. Поистине колоссально то, что мы постоянно создаем в себе. Только мы, люди, так устроены, что не позволяем этому реально возникнуть. Мы снова растворяем все это, причем делаем это помимо нашего сознания. В этом отношении мы как люди устроены совершенно специфически. Мы образуем свой взгляд на мир. Этот мир постоянно стремится создать в нас такие же образования, которые в нем есть, только в перевернутом виде. И если бы мы даже не присутствовали при этом, если бы мы даже не смотрели, в нас все равно постоянно складывались бы такие образы, как результат космического воздействия, особенно ночью, когда мы спим, когда мы не реагируем на встречных сил, чтобы это растворить. Такие образования строятся преимущественно во время, когда Земля не освещена Солнцем, не озарена светом; они образуются под действием сил, приходящих из гораздо более отдаленных областей. Мы всегда подвержены этим силам. Так что мы можем сказать: когда мы спим, то в нас под воздействием космоса постоянно стремятся возникнуть всевозможные минеральные, лишённые жизни образования; когда мы смотрим, в нас точно так же хотят возникнуть образования, подобные нашему ближайшему окружению. Когда мы спим, мы имитируем космос, мы подражаем ему. В космосе все упорядочено по принципу кристаллов. То, что мы видим здесь, в кристаллах, является таковым потому, что силы в космосе организованы в том же порядке как и в кристаллах. Одни из них идут так, другие — этак, так что кристаллы образованы из всего космоса. Но то же самое хочет произойти и в нас самих. И когда мы воспринимаем, когда мы смотрим на наше непосредственное окружение, тогда то, что находится в нашем непосредственном окружении, хочет сформировать, запечатлеть себя в нас. Мы должны постоянно препятствовать тому, чтобы все это в нас оттердело, мы должны постоянно растворять все это.

Вот какой своеобразный процесс происходит, год за годом. Представьте себе, что здесь внутри этот цветок стремится воссоздать свое безжизненное подобие из кремния. Но нельзя позволить ему возникнуть, в ином случае мы ничего не узнали бы об этом цветке, но в голове у нас возникла бы подагра. Все это, следовательно, непременно должно быть растворено.

Я хочу сделать этот процесс еще более наглядным для вас, сказав следующее: допустим, что здесь у вас есть горшок с теплой водой, кто-то завязывает вам глаза, а после этого он приносит какой-то предмет, который может раствориться в этой теплой воде. Вы только должны окунуть свою руку в эту теплую воду. Предмета вы не видите, так как глаза у вас завязаны. Но вот другой спрашивает вас: ты окунул свою руку в воду, чувствуешь ли ты там что-нибудь? — Да, это теплая вода. — Чувствуешь ли ты теперь что-нибудь? — Да, теперь вокруг пальцев стало холодно.

Что же могло произойти? Тот, другой, опустил предмет в воду, и он растворился! И это растворение, происходящее вокруг пальцев, вызвало то, что эта теплая вода стала холоднее. Человек ощутил это растворение вокруг его пальцев, и он может сказать: тут что-то растворяется.

Это, однако, постоянно происходит, когда мы растворяем внутри себя какой-то предмет и должны затем снова растворять его. Мы чувствуем, что происходит растворение и затем говорим, поскольку мы почувствовали растворение: да, тут снаружи находится предмет, который, тем не менее, строит в нас образ, и этот образ мы растворили. Поскольку мы растворили его, мы знаем, как выглядит предмет. У нас возникает соответствующая предмету мысль вследствие того, что мы сперва должны были растворить образ предмета. Благодаря этому приходит мысль. Если бы мы имели только этот образ, мы падали бы в обморок. Когда же мы настолько сильны, что растворяем этот образ, то мы тем самым узнаем о нем. В этом состоит разница между падением в обморок при виде чего-либо и знанием об этом.

Рассмотрите любого, скажем, немного болезненного человека; может произойти так, что раздается страшный удар грома. Тогда в нем от этого удара грома, теперь уже не при посредстве глаза, но благодаря уху, происходит выпадение, отложение мозгового песка, и строится некий образ. Он не может достаточно быстро растворить его. Он может при этом впасть в обморочное состояние, потерять сознание. Если же он здоров, он не теряет сознание; это означает, что он достаточно быстро растворил свой мозговой песок.

Итак, обморочное состояние означает, что мозговой песок не растворяется достаточно быстро. Отсутствие же обморочного состояния означает противоположное. Мы всегда должны, глядя на вещи вокруг нас, достаточно быстро растворять мозговой песок.

Тем самым мы подходим к тому, какое положение занимает человек по отношению к силам всего космоса. В последний раз я сказал вам: так как человек занимает по отношению к силам космоса такое положение, что его мозговые клетки, являясь совершенно нежизнеспособными, постоянно хотят умереть, он должен владеть и управлять ими. Сейчас мы даже найдем ту силу, которая постоянно растворяет мозговые клетки. Мозговой песок постоянно умерщвляет клетки. То, что тут замешивается мозговой песок, постоянно делает клетки мертвыми. И мы должны развивать противодействующую встречную активность. Видите ли, причина, по которой мы вообще являемся людьми, состоит в том, что мы можем развивать эту встречную работу, некоторым образом противодействуя образованию мозгового песка.

У животных этого не происходит. Животное не может так интенсивно, как люди, противодействовать мозговому песку. Поэтому у животного нет такой головы, как у нас, или по крайней мере у высших животных. Мы имеем голову, которая может растворять все, что постоянно входит в нас. Это растворение, что входит, вызывает у человека способность ощущать таким образом, что он говорит: «Я». Происходит сильнейшее растворение мозгового песка, когда мы говорим: «Я». При этом мы пронизываем нашу речь сознанием. Следовательно, мозговой песок растворяется, растворяется вообще весь содержащийся в нем песок. У животного всего этого не происходит. Поэтому животное издает крики или нечто подобное, а не настоящую речь. Поэтому никакие животные не имеют возможности ощутить самих себя, сказать себе «Я», как человек, поскольку человек в гораздо большей мере растворяет мозговой песок.

Так мы можем сказать: мы противодействуем в нас не только тому, что

находится на Земле, мы противодействуем также и космическим силам. Космические силы способствуют внутренней кристаллизации. Мы бы внутренне превратились в горную породу со сложными перемешанными друг с другом кристаллов. Мы внутренне противодействуем этому. Мы постоянно растворяем это. Своими растворяющими силами мы постоянно противодействуем силам космоса.

Мы растворяем не только кремниевую кислоту, ведь именно она образует здесь эти кристаллы — мы растворяем все, что возможно; мы растворяем составные части сахара и так далее.

Мы могли бы и дальше продолжать эту тему. Допустим, что какой-то человек хотя и ничего об этом не знает — ведь такие вещи играют для человека роль инстинкта — но все же ощущает в себе нечто неопределенное. Представьте, что человек ощущает: ах, я думаю неправильно, я не могу правильно сочетать мои мысли.

В таком положении особенно легко может оказаться журналист, который каждый день пишет по статье. Да, господа, писать каждый день по статье это значит растворять страшно много мозгового песка! Ведь это препротивная история, каждый день писать статью, ибо это означает растворять страшно много мозгового песка. И вот тогда, желая написать статью, по крайней мере, раньше было так — начинаешь грызть конец ручки. Это особенно относится к журналистам, это они грызут конец ручки, чтобы набраться сил. Не правда ли, когда человек что-то кусает, грызет, он тем самым стягивает в свою голову последние силы всего тела, чтобы эти силы оказались в голове, когда растворено много мозгового песка.

Все это происходит инстинктивно. Конечно, журналист не скажет: я грызу свою ручку, чтобы пришли мысли. Это может идти и дальше. Благодаря этому инстинкту он направляется в кафе и пьет черный кофе. Они, журналисты, совершенно не думают об этом, поскольку им ничего не известно об этом процессе. Но когда они напиваются черного кофе, то — черт возьми! — дело пошло, они снова могут писать, если напились черного кофе.

Почему это происходит? Это происходит потому, что вместе с черным кофе принимается так называемый кофеин. Это ядовитое вещество, оно содержит очень много азота. Азот есть и в воздухе. Мы можем получить его и тут. При дыхании мы всегда получаем известное количество кислорода и азота. Однако тот, кому надо растворить мозговой песок, нуждается для растворения в силе, совершенно особым образом заключенной в азоте. Мы извлекаем из азота эту силу, чтобы растворить в себе мозговой песок.

Поэтому ночью, во время сна, мы более подвержены действию азота, нежели во время бодрствования; мы говорим так: поскольку мы вдыхаем больше кислорода, мы живем гораздо быстрее (т. е. жизненные процессы ускоряются — примеч. перев.); если бы мы вдыхали больше азота, то мы стали бы жить гораздо медленнее, мы стали бы больше находиться здесь. Мы могли бы больше растворять.

Журналист, пьющий кофе, совершенно бессознательно считается с этим азотом, который он при определенных обстоятельствах получает для себя, и благодаря именно этому азоту, получаемому в качестве одной из составляющих кофеина, он обретает возможность образовывать больше мозгового песка, а также и способность больше растворять его. Теперь ему уже не нужно грызть ручку, он может писать ей, потому что его мысли снова сочетаются и правильным образом примыкают друг к другу.

Итак, вы видите, как тут работает человеческое "Я". Поскольку в желудок поступила содержащая азот пища, кофеин, человеческое "Я" отправляет этот азот в мозг и благодаря последнему обстоятельству растворение мозгового песка облегчается; тем самым мы получаем возможность сочетать мысли друг с другом.

У некоторых людей есть свойство сочетать мысли слишком сильно, так что они не могут освободиться от своих мыслей. Они имеют предрасположенность постоянно работать со своим мозговым песком. Им было бы хорошо возбудить и противодействующий процесс. В то время как одному погруженность в мысли позволяет развить их последовательный ход, другому приходится звать на помощь кофе и кофеин. Однако тот, кто не хочет соблюдать строгую последовательность в мыслях, хочет, чтобы они были блестящими, сверкали подобно бриллиантам, кто, как говорится, хочет запудрить людям мозги, хочет казаться в высшей степени одухотворенным, тот пьет чай. При этом возникает противоположное воздействие. Это отрывает мысли друг от друга. Таким образом тоже поддерживается растворение

мозгового песка, но оно иного вида.

Фактически все эти процессы, происходящие в человеке, в высшей степени интересны и сложны. Все продукты питания действуют по-разному; всему, что хочет возникнуть, мы всегда должны добавить и противоположное. Мы должны поддерживать процесс растворения. То, благодаря чему мы постоянно внутренне растворяем себя как человека, это и есть сейчас наше высшее духовное начало.

Видите ли, если человек в течение некоторого времени употребляет пищу, с которой он получает слишком мало продуктов с высоким содержанием азота, то он легко становится сонливым; один господин задавал мне вопрос по этому поводу.

Это, следовательно, основывается на том, что в продуктах питания, употребляемых нами, мы получаем слишком мало азота. Вот почему мы должны, если становимся слишком сонливыми, попытаться употреблять пищу, богатую азотом. Это, конечно, можно делать различным образом. Можно попытаться есть творог, белок, то есть яйцо. Тогда положение с азотом в нас снова улучшится. Надо работать над человеком, надо, чтобы человек был в состоянии посредством своего "Я" работать в этом направлении.

Сегодня для начала я скажу вам: грядка может быть подготовлена, кочаны капусты могут расти на ней, но они все же не вырастут, если не будет человека, который ухаживает за этими кочанами. Но грядка, пашня, должна быть подготовлена правильно. Так и наш мозг должен содержать необходимые вещества, чтобы наше "Я" могло работать внутри него. Но это "Я" связано с наиболее отдаленными силами космоса, а эти силы хотят другого. Эти силы космоса постоянно хотят сделать из нас совершенно твердые камни, и мы должны все снова и снова растворять себя. Если бы мы не могли растворять себя, мы не смогли бы мыслить, мы не смогли бы прийти к "Я"-сознанию. В этом растворении реализуется то, что мы называем "Я"-сознанием.

Видите ли, господа, на эти вопросы необходимо отвечать в самую первую очередь, если мы хотим продвинуться в науке к истинному миропониманию, если мы хотим знать об отношении человека к миру. В высочайшей степени важным является для человека некоторое понимание того, что связано с осуществляемыми им процессами растворения. Мы видим, когда человек умирает, он полностью растворяется как физический человек. Если не знать, что в каждый момент бодрствования в нас происходит растворение, то никогда не понять, что же означает то растворение, которому подвергается человек после смерти.

Следовательно, прежде всего необходимо знать, господа, что мы имеем возможность осуществлять в себе процесс растворения, причем благодаря тому, что можем оказывать в себе противодействие мировым силам. Растворение не теряет своей интенсивности, так как вместе с пищей мы снова и снова получаем вещества, посредством которых мы растворяем. Но если человек теряет возможность растворять те вещи, которые имеются в нем, то он начинает растворять самого себя. Тогда человек становится трупом; тогда он растворяет самого себя.

Когда мы соберемся снова, мы должны будем поставить вопрос: что происходит в случае, когда человек растворяет самого себя? Сегодня мы, по крайней мере, углубились в эту тему настолько, что знаем: происходит непрерывный процесс растворения, и если у нас нет сил — из-за недостатка азота в нас, — чтобы растворять те вещи, которые образуются в нас под воздействием космоса, наше "Я" становится бессильным, впадает в обморочное состояние или в состояние сонливости. Сонливость означает, что мы не можем растворять достаточным образом, что силы отложения берут верх. В этом случае эти силы становятся интенсивнее.

Однако как невозможно вынести суждение о духовном начале того, кто спит, хотя он телесно находится здесь и может проснуться, так же нельзя судить о духовном начале на основе того, что внешним образом происходит с телом. Ибо как с машиной не может произойти ничего без участия человека, так и с человеком ничего не происходит без участия духа. Именно это научно, господа, а иное — ненаучно. Я не хочу навязывать вам что-либо; овладеть этим материалом сможет только тот, кто с полной серьезностью и с действительно научной точки зрения будет рассматривать эти вещи.

В начале сентября мы продолжим наши рассуждения. Вы увидите, как эти вещи приведут к дальнейшему пониманию человека, как различными окольными путями они приведут к пониманию того, что представляет собой человек в

повседневной жизни. Вы будете понимать человека совсем иначе, когда мы продолжим этот разговор, исходя из того, что мы уже обсуждали на протяжении некоторого времени. Человек все снова и снова возникает, он же и растворяет себя. Эту мысль можно продолжить дальше. Это мы хотим рассмотреть в ближайшее время. Тогда вы увидите, каким интересным объектом изучения для настоящего ученого является человек.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 9 сентября 1922 г.

Господа, поскольку эту нашу лекцию отделяет от предыдущей довольно значительный промежуток времени, мне хотелось бы вернуться к тому, что мы обсуждали в последний раз. Тогда я попытался главным образом изложить вам, в каком отношении друг к другу в жизни находятся сон и бодрствование. Я говорил вам, что в мозгу у нас содержатся маленькие образования, называемые клетками, а также рисовал вам их формы. Клетки имеют (см. рисунок 8) белковое тело и отростки, расположенные звездообразно. Но эти отростки неодинаковы. Один из них длиннее, другой короче. Вблизи находится другая такая клетка, у нее тоже есть такие отростки, затем третья, тоже с отростками, и эти отростки, эти нити, исходящие из круглых клеток, пересекаясь друг с другом, образуют сеть. Так что мозг в сущности представляет собой некое сетчатое изделие, невооруженным глазом его не увидеть, надо исползовать сильное увеличение, он построен в виде сетки, и в этой сетке размещаются маленькие шарики.

1

Рисунок

Видите ли, эти мозговые клетки, в сущности, наполовину мертвы. Это бросается в глаза наиболее сильно. Ведь такие маленькие существа, как эти мозговые клетки, проявляют подвижность, если они живые. Я рассказывал вам о других клетках, о белых кровяных тельцах, которые плавают подобно маленьким животным. Они и являются животными; те выглядят точно так же. Но они плавают кругом и питаются. В крови есть нечто, чем они могут питаться, они вбирают это в себя. Они протягивают свои щупальца и всасывают это в свое собственное тело. Все они стремятся, плывут сквозь наше тело, подобно ручейкам. Так в нашей крови плавают, циркулируя повсюду, наполовину мертвые и наполовину живые клетки.

Дело обстоит так, что когда мы бодрствуем, эти мозговые клетки действительно становятся почти совсем мертвыми. И только благодаря тому, что клетки мозга являются мертвыми, мы можем мыслить. Если бы мозговые клетки были более живыми, мы мыслить не могли бы. Это можно увидеть из следующего. Во время сна эти мозговые клетки немного оживают; именно тогда, когда мы не думаем, когда мы спим, мозговые клетки начинают немного оживать. От этого, однако, они не приходят в движение, поскольку расположены рядом друг с другом и не могут уступить друг другу место. В ином случае, если бы они начали передвигаться, мы бы вообще не смогли проснуться.

Если кто-либо страдает слабоумием и, следовательно, не в состоянии мыслить, при исследовании после смерти его мозговых клеток обнаруживается следующее: эти мозговые клетки у человека, ставшего слабоумным, начали жить, бурно разрастаться. Они стали мягче, чем должны они быть у нормального человека. Поэтому в случае приобретенного слабоумия говорят о размягчении мозга, и выражение «размягчение мозга» не так уж плохо.

Если без предубеждения изучать живого человека, то говорят так: жизнь, которая есть в нем, эта телесная жизнь, не может вызывать его мышления, ибо именно отмирание должно возникать в мозгу, когда человеку приходится мыслить. Дело именно в этом. Если бы современная наука развивалась правильным образом, если бы она правильно функционировала, тогда эта наука не могла бы стать материалистической, поскольку тогда она из самих свойств человеческого тела увидела бы, что духовное в нем проявляет наиболее оживленную деятельность именно тогда, когда телесное отмирает, как это происходит в мозгу. Можно было бы строго научным образом указывать на душу и дух.

Ночью, когда мы спим, мозговые клетки становятся немного живее. Поэтому мы в это время не можем мыслить. А белые кровяные тельца приобретают большую

подвижность, когда мы бодрствуем. В этом состоит различие между сном и бодрствованием. Следовательно, мы бодрствуем, когда наши мозговые клетки находятся в подавленном, расслабленном состоянии, почти мертвы; тогда мы можем мыслить. Мы засыпаем и не можем мыслить, когда наши белые кровяные тельца немного умирают, приглушаются, в то время как клетки мозга немного оживают, проникаются жизнью. Следовательно, человек должен — в смысле своего тела — нести в себе немного смерти, если ему надо мыслить, если ему надо жить душой, жить душевно.

Видите ли, господа, нет ничего удивительного в том, что современная наука не проникает в эти вещи, ибо она развивалась совершенно особым образом. Если у вас будет возможность увидеть то, что мне приходилось наблюдать, например, в Оксфорде — именно в Оксфорде мне довелось прочесть ряд лекций, а Оксфорд является одним из главных высших учебных заведений Англии, — вам бросится в глаза, что это высшее учебное заведение в Оксфорде устроено совершенно иначе, нежели наши высшие учебные заведения здесь, в Швейцарии, в Германии или в Австрии. Это высшее учебное заведение в Оксфорде, университет, носит еще совершенно средневековый характер, абсолютно средневековый характер. Этот средневековый элемент там настолько силен, что люди, получающие там ученую степень доктора, получают при этом мантию и берет. У каждого университета свой собственный покрой и мантии, и берет. Можно отличить бакалавра или доктора Оксфорда от бакалавра или доктора Кембриджа, поскольку покроем мантии и беретом там другой. Причем эти мантию и берет люди обязаны надевать в торжественных случаях, при этом каждый знает: кто из присутствующих имеет отношение к какому университету. Это именно так, ведь в Англии вообще сохранилось много таких средневековых традиций, например у судей; находясь при исполнении служебных обязанностей, они еще обязаны носить парик; парик есть знак сопричастности, принадлежности этому. Так что вы видите, тут еще вполне сохраняются средневековые традиции. На континенте, в Швейцарии, Австрии, Германии это уже не имеет места. Там не получают мантии, а судьи больше не носят париков. Насколько мне известно, и в Швейцарии этого тоже не делают. Все это для человека с континента выглядит весьма забавно. Он формулирует это просто: у, ну, тут еще царит глубокое средневековье. Все эти бакалавры, все эти доктора шествуют по улице в своих мантиях и беретах и так далее. Но это означает и нечто совсем другое. Видите ли, наука там тоже еще находится в формах, которые были присущи средневековью. Это означает, что все развиваемое там носит в высшей степени симпатичный характер, если сравнивать это с современной высшей школой, где все предано забвению — хотя, поймите меня правильно, я вовсе не желал бы снова вводить мантии и береты, — итак, по отношению к тому, что представляют собой другие высшие учебные заведения, все вышеописанное имеет в высшей степени симпатичный характер, это нечто цельное. Средневековье действительно сохраняется во всех формах. Это нечто цельное. Однако в средние века можно было изучать все что угодно, за исключением проблем, выходящих за пределы внешнего мира; это религия считала своей монополией. И это до сих пор чувствуется в Оксфорде. Лишь только кто-либо заговорит откровенно, захочет сказать что-то о сверхчувственном мире, он натолкнется на холодную сдержанность.

Средневековая наука имела достаточную свободу, лишь бы люди не разглагольствовали по поводу религиозной жизни. У нас даже это предано забвению. У нас сегодня человек в высшем учебном заведении обязан быть материалистом. Если же он не материалист, то на него смотрят как на еретика, и если бы, скажем, было еще принято сжигать людей живьем, то таких сжигали бы и сегодня, даже в высших учебных заведениях. Такое отношение может быть нагляднейшим образом продемонстрировано вам, если вы попытаетесь ввести в сферу научного знания нечто новое. Внешние парики уже отправлены на покой, но вот внутренние парики — они даже на континенте еще далеко не исчезли!

На континенте тоже развивалась наука, хотя эта наука имела другие традиции; она стала материалистической потому, что ей было бы непривычно заниматься предметами духовными.

В средние века не дозволено было заниматься духовными вопросами, так как это было предоставлено религии. Но люди и сегодня продолжают действовать Подобным образом. Они занимаются только тем, что относится к телу; они не ведут фундаментальных исследований, касающихся духовного начала в человеке. Итак,

фактически наука с пренебрежением относилась к таким вещам, хотя они существуют; их не изучают, как следует.

Это мне хотелось бы продемонстрировать вам сегодня на одном примере, чтобы вы видели: тот, кто сегодня развивает настоящую науку, может вполне научно говорить о том, что некая душа или некий дух втягивается в тело, когда человек развивается в материнской утробе как эмбрион, тогда как при смерти дух снова покидает тело. Сегодня это требуется доказать на научном уровне, хотя для этого надо по-настоящему разбираться в науке. Надо уметь посвящать себя науке целиком. Что делает современная наука в конкретном случае? Допустим, например, что у кого-то в возрасте пятидесяти лет была больная печень, и от заболевания печени он умер. Вот тебе и на! Его укладывают на патологоанатомический стол, вскрывают, разрезают его живот и исследуют печень. Обнаруживается, что в печени есть внутреннее уплотнение; думают над тем, откуда оно взялось. В лучшем случае думают еще над тем, что ел этот человек, и не возникло ли это уплотнение печени в результате неправильного питания. Но ведь нельзя понять нашу природу таким легким путем: взять человека, получить возможность исследовать его печень и узнать, как обстоит дело с этой печенью. Но ведь на самом деле это совсем не так легко. Если дело касается печени, то, рассматривая только последние годы человека, не удастся узнать, почему она именно такая, какая она есть.

Если у человека пятидесяти лет извлекают наружу печень и находят, что она уплотнилась, тогда в большинстве случаев — не во всех, но в большинстве случаев — причина состоит в том, что человек в детстве, когда он был еще младенцем, вскармливался плохим молоком. То, что проявляется как заболевание лишь на пятидесятом году, имеет свои причины в самом раннем детстве. Но почему?

Видите ли, тот, кто действительно может исследовать печень, тот, кто знает, что значит печень человека, может сказать следующее. Он знает, у совсем маленького ребенка печень еще, так сказать, свежая, бодрая; она еще развивается. Печень является таким членом тела у человека, который сильно отличается от всех остальных. Печень представляет собой нечто совершенно особенное. Это можно увидеть и внешним образом. Видите ли, если вы берете какой-либо орган человека, сердце, легкие, все что хотите, то можно показать, как этот орган составляет единое целое со всем человеческим телом. Возьмите, например, такой орган, как правое легкое. Вы могли бы сказать: здесь в это правое легкое входят кровяные сосуды, несущие алую (окисленную) кровь — вы знаете, что это означает, — и выходят сосуды, несущие темную (не окисленную) кровь. Сосуды, несущие алую кровь, которые входят, содержат кислород. Он, как вы видите, распределяется по телу. Несущие темную кровь, входящие сосуды несут то, что отработано, то, что содержит углекислоту, которая должна быть удалена, должна быть выдохнута. (Имеются в виду сосуды, обеспечивающие кровоснабжение легкого и бронхов, принадлежащие к большому кругу кровообращения: arteria pulmonales, rami bronchiales, arteria subclavia, a.a. intercostales, и вены v.v. bronchiales, v.v. azygos et hemiasigos, и v.v. pulmonales. Как и во всем большом круге кровообращения, входящие сосуды, — артерии, несут от сердца алую окисленную кровь с оксигемоглобином, насыщенную кислородом. Выходящие сосуды, вены, несут к сердцу темную неокисленную «работанную» кровь с карбогемоглобином, насыщенную углекислотой. Основной функцией легкого является газообмен, окисление гемоглобина крови до оксигемоглобина и выделение углекислоты, распадающейся на газ и воду. Выполнению этой функции содействует малый, легочный круг кровообращения. Из правого желудочка неокисленная кровь поступает в легкие через артерии — легочный ствол (truncus pulmonales, правая конечная ветвь); затем в капиллярных сетях, оплетающих легочные пузырьки, происходит газообмен. Обогащенная кислородом алая кровь поступает в две легочные вены — в левом легком их тоже две, всего же четыре, — которые входят в левое предсердие. Затем алая кровь поступает в левый желудочек, где начинается большой круг кровообращения. При переводе не используются общепринятые медицинские термины для окисленной и неокисленной крови: артериальная кровь и венозная. Строго говоря, эти термины не вполне корректны, так как в малом, легочном круге кровообращения именно артерии несут венозную кровь, а вены — артериальную. «Артериальная» буквально означает «воздухосодержащая», но это название возникло не оттого, что в этих сосудах кровь содержит кислород, но оттого, что в старину артерии считались воздухопроводными трубками, т. к. у трюнов

артерии пусты. Основное отличительное качество артерий определяется не тем, какая в них кровь, а тем, что они идут от сердца, кровь движется в них быстрее, чем в венах, и под большим напором — примеч. перев.).

Рисунок

Вы видите, что каждый орган, желудок, сердце, устроены так, что человек получает в них алую, окисленную (т. н. артериальную — примеч. перев.) кровь, в выводит не окисленную, темную с синим оттенком (т. н. венозную — примеч. перев.), но в случае печени дело обстоит иначе. На первый взгляд в случае печени все выглядит в основном так же. Если здесь у вас находится печень — печень располагается под диафрагмой с правой стороны тела — то тут вы тоже имеете входящие артерии с алой кровью и вены, отводящие темную неокисленную кровь. Если бы дело этим и ограничивалось, то печень была бы таким же органом, как и другие человеческие органы.

Рисунок

Но, кроме того, в печень входит еще один крупный сосуд, содержащий неокисленную, насыщенную углекислотой кровь (vena portae — примеч. перев.); у других органов этого не бывает (за исключением легких; в легкие из сердца поступает неокисленная кровь, а выходит окисленная. В печень поступает не окисленная неочищенная кровь, а выходит неокисленная очищенная — примеч. перев.). Итак, неокисленная темная кровь (венозная), по так называемой воротной вене входит в печень, это крупный сосуд неокисленной крови. Внутри он разветвляется и обтекает печень неокисленной темной кровью, то есть кровью, ставшей непригодной для процессов, протекающих во всех остальных органах; эта кровь в других случаях подвергается очищению, когда выдыхается углекислота. В печень же мы постоянно посылаем эту углекислоту. Печень нуждается в том, что другие органы должны отбрасывать.

Отчего это происходит? Это происходит оттого, что печень является своеобразным внутренним глазом. Печень действительно является неким внутренним глазом. Печень — особенно когда она еще работоспособная, как у ребенка — ощущает вкус и качество молока, которое высасывает младенец из материнской груди. А гораздо позднее печень воспринимает все, что перерабатывается в человеческом теле, поступая туда как продукты питания. Печень является воспринимающим органом, глазом. Можно было бы сказать: органом осязания, органом чувства. Все это печень воспринимает. Другим воспринимающим органом у человека является глаз. Но глаз потому и воспринимает так сильно именно внешний мир, поскольку сидит глубоко внутри головы. Он целиком заполняет эту костную впадину, хотя является почти обособленным органом. Его можно извлечь наружу; он располагается совершенно обособленно от тела внутри этой костной впадины, внутри глазницы (orbitae — примеч. перев.). Другие органы чувственного восприятия не выводят нас во внешний мир так, как глаз. Если вы слышите, то вы переживаете внутренне. Музыка является более внутренним, нежели видение. Устройство глаза таково, что он не очень-то и принадлежит человеческому телу, он принадлежит внешнему миру.

Однако вследствие того, что в печень входит та неокисленная темная (венозная) кровь, которая в ином случае должна была бы выбросить углекислоту во внешний мир и стать алой (артериальной), печень становится точно так же обособленной от остального человеческого тела, как и глаз. Следовательно, печень становится органом чувственного восприятия. Глаз воспринимает краски. Печень же воспринимает, полезна ли или вредна моему телу та кислая капуста, которую я ем, полезно или вредно для тела то молоко, которое я пью. Печень тонко воспринимает это и выделяет желчь, причем желчь выделяется так же — это действительно так — как глаз выделяет слезы. Если человек огорчен, он начинает плакать. Слезы текут из глаз вовсе не напрасно. Состояние печали, огорчения связано с внешним восприятием вещей, с реакцией на внешнее. Точно так же и выделение желчи связано с тем, что печень воспринимает полезность или вредность для тела того или иного. Она выделяет то больше, то меньше желчи в зависимости от того, насколько вредно то, что получает человек. Следовательно, печень является органом восприятия.

Только представьте себе, если ребенок получает нездоровое молоко, то печень

постоянно раздражается. И даже если человек достаточно здоров, и у него не сразу возникает желтуха в результате слишком сильного выделения желчи, то, тем не менее, у ребенка в этом случае создается постоянная побудительная причина для выделения желчи. Тогда печень у ребенка становится больной. Человек может выдержать много. Он может иметь печень, больную с младенческого возраста, в течение сорока, сорока пяти лет, он может носить ее в себе, и вот, наконец, на пятидесятом году она приходит в негодность: печень уплотняется, наступает цирроз.

Следовательно, здесь все не так просто: человека в возрасте пятидесяти лет кладут на патологоанатомический стол, разрезают ему живот, извлекают органы, разглядывают и выносят суждение об этом. Тут ничего сказать нельзя. Человек не является всего лишь сиюминутным существом, человек — такое существо, которое развивается в течение определенного числа десятилетий. И то, что происходило пятьдесят лет назад, может проявиться лишь спустя пятьдесят лет. Однако необходимо досконально знать человека, если хочешь это понять.

В качестве допущения я предполагаю, что все вы материалисты. Но если вы материалисты, то вы рассуждаете так: я говорил вам, что печень является таким органом, заболевания которого могут таить свою причину еще в младенческом возрасте и могут проявиться лишь на пятидесятом году жизни. Но как обстоит дело с человеком, господом? Давайте сперва схематично предположим, что человек есть существо, состоящее из тканей, из крови, из мускулов и так далее. У него есть кровеносные сосуды, артерии и вены, у него есть нервы — все это, конечно, является материальным, это действительно вещественно. Но не считаете ли вы, что вещества, образующие, например, печень маленького ребенка, младенца, сохранились до пятидесятого года жизни? Этого ни в коем случае быть не может. Возьмите самое простейшее: вы подстригаете себе ногти на пальцах. Если бы вы не стригли ногти, они отросли бы у вас как когти у ястреба. Но ведь вы постоянно обрезаете кусочек вещества от самого ногтя. И если вы подстригаете волосы, вы тоже отрезаете от себя кусочки вещества. К тому же вы обращаете внимание и на то, что удаление вещества происходит не только при стрижке волос и подстригании ногтей; если вы иногда расчесываете голову, которую долго не мыли, то вы вычесываете чешуйки перхоти. Это кусочки кожи. И если бы вы не отмывались как следует, если бы с потом не удалялись маленькие чешуйки тела, ваше тело стало бы шелушиться. Это означает, что на внешней поверхности тела постоянно происходит удаление вещества.

Теперь представьте, что вы срезали кусок ногтя на пальце. Он снова отрастает. Это происходит изнутри. Так обстоит дело и со всем телом человека. То, что было внутри, в самой глубине, в течение примерно семи лет достигает внешней поверхности, и мы можем удалить все это как кожные чешуйки. В ином случае это делает сама природа, и мы не замечаем, как тонкие чешуйки всегда отделяются от нас. Само вещество, материя человека, постоянно идет изнутри наружу и там внешним образом отделяется в качестве чешуек. То, что сегодня у вас находится глубоко внутри, через семь лет выйдет наружу и отшелушится; а то, что вы тогда будете вновь иметь внутри себя, будет образовано заново, будет целиком новым образованием. Так после семи лет мягкие части веществ в составе человека образуются заново. Когда человек еще является ребенком, то это проявляется даже и в отношении некоторых костных органов. Вот почему молочные зубы мы имеем примерно до седьмого года; затем они выпадают, и, прорастая изнутри, образуются новые зубы. Они больше не меняются, они остаются, поскольку у человека уже нет больше сил, чтобы удалить эти зубы: он не может удалять их так же, как он удаляет отросший на пальце ноготь. К тому же у современных людей зубы все же не имеют свойства становиться длиннее! Человек переносит многое. Зубы сохраняются, но как долго? Через некоторое время они страшно портятся, особенно тут, в Швейцарии. Это зависит от той воды, которая приносит вред зубам, особенно в этой местности.

Но отсюда вы видите, что то вещество, которое есть в вас сегодня, вы уже не будете иметь через семь лет. Вы отбросите его и образуете новое. В смысле вещества, например, господин Доллинггер стал бы уже не тем, кто сидит тут сегодня: те вещества, которые он имел прежде, ушли прочь, ушли своей дорогой. По вещественному составу он со временем стал бы совсем иным, обновленным. Хотя его и тогда называли бы прежним именем. У него то же самое имя; да, но вот того вещества уже нет, то вещество отсутствует. То, что как сила постоянно удерживает вещества вместе, следовательно, то, что становится носителем нового вещества,

если старое из какого-либо места уходит — это вещество можно увидеть, если положить человека на патологоанатомический стол, но то, что как сила развивается в человеке, этого увидеть нельзя, — это и есть так называемое сверхчувственное.

Да, господа, если печень у младенца была разрушена, и на пятидесятом году возникло заболевание печени, то ведь этот кусок — то есть печень — расплывшийся там, внутри, совершенно изменился. То вещество давно ушло прочь. Не в веществе заключено то, что мы подверглись заболеванию печени, оно заключено в тех силах, которые невидимы. Они еще в период младенческого возраста получили обыкновение неправильно функционировать в печени. Функциональная деятельность, а не вещество, функциональная деятельность была приведена в беспорядок. Следовательно, если нам стало ясно, что происходит с печенью, мы должны сказать: совершенно очевидно, что человек, вещества в котором постоянно сменяются, должен нести в себе нечто такое, что не является веществом.

Если как следует продумать эту мысль, то приходишь к тому, что, базируясь на научной основе, невозможно быть материалистом. Только те люди, которые верят, что человек и в пятьдесят лет имеет в себе то же самое вещество, которое содержалось в нем, когда он был ребенком, являются материалистами. Чисто научные причины с необходимостью приводят к тому, что в основе человека лежит духовное начало, что человек несет в себе духовное начало.

И вы ни коим образом не должны полагать, господа, будто эти материальные частицы печени, которые вот уже как пятьдесят лет вышли оттуда прочь, построили саму печень, что они могли как-то способствовать образованию печени. Для этих материальных частиц там, собственно не остается ничего кроме пространства. То, что постоянно строит печень заново, — это сила, которая представляет собой нечто сверхчувственное. Она постоянно отстраивает эту печень заново.

Таким отстраиваемым заново должен стать и весь человек, если он вообще хочет прийти в мир. Силы, которые находятся в его печени, должны быть в уже тогда, когда человек формируется в теле матери. Вы могли бы сказать: в теле матери женские яйцеклетки сочетаются с мужскими семенными клетками, и из этого возникает человек. Однако, господа, человек может возникнуть из такого смешения веществ с тем же успехом, как и заболевание печени на пятидесятом году может возникнуть под воздействием веществ, которые пришли в негодность в первые годы жизни (имеется в виду, что этих веществ давно нет в организме — примеч. перев.). Вещества всегда должны быть в наличии. Но тот, кто утверждает, что в материнском теле человек образуется из веществ сам по себе, должен был бы также утверждать и то, что если я положу тут кусок дерева и просижу рядом с ним пару лет, то тогда через пару лет оно превратится в прекрасное скульптурное изображение.

Естественно, что вещество должно быть предоставлено в распоряжение духа. Это и происходит в материнском теле. Не человек образуется в материнском теле, но вещества, подобно материалу скульптора, обрабатываются духом, и тем самым в человеке создается то, что постоянно отстраивает его заново, по мере того как физическое вещество выбрасывается. Мы нуждались бы в гораздо меньшем количестве пищи, чем употребляем при еде, если бы вещество имело большее значение. Тогда мы должны были бы много есть только в детском возрасте, чтобы стать больше. Но, вырастая до двадцати лет, в случае если бы вещество оставалось в нас тем же самым, мы бы после вообще не нуждались в пище. От этого оказались бы в выигрыше работодатели — ведь детский труд сейчас запрещен, а рабочим есть было бы не нужно! Это была бы прямо-таки чудесная история! Но то, что нам постоянно приходится есть, даже когда мы вполне выросли, доказывает, что не вещество остается постоянно пребывающим в течение жизни человека, но душевно-духовное начало. Оно должно присутствовать еще перед тем, как состоится зачатие человека, оно находится в наличии и с самого начала перерабатывает вещество так, как оно перерабатывает его и в дальнейшем.

Когда человек рождается, можно увидеть, что в самый начальный период своего детства он почти постоянно спит. Он постоянно спит. Здоровым для человека является только то, что он в самый начальный младенческий период бодрствует около двух часов; в остальное время младенец должен спать; у него есть потребность спать почти все время.

Но что это означает: младенец имеет потребность спать, ему надо спать. Это означает, что его мозг еще должен быть чуточку живым. Белые кровяные тельца еще не должны слишком оживленно сновать по телу; они еще должны находиться в покое, эти белые кровяные тельца, а мозг еще не должен быть мертвым. Поэтому младенцу надо спать. Но и мыслить он еще не может. Как только он начнет мыслить, его мозговые клетки будут все больше и больше отмирать. Пока мы бодрствуем, те силы, благодаря которым мы растем, возбуждают в мозгу, помимо прочего, некоторые процессы, удерживающие мозг в мягком состоянии. Но если рост прекращается, если мы не растем, то даже в состоянии сна этим силам становится все труднее проникать в наш мозг. Как следствие, мы научаемся мыслить все лучше и лучше по мере того, как становимся старше. Однако в нашем мозгу все больше проявляется тенденция к мертвому состоянию, после прекращения роста у нас в мозгу постоянно происходит отмирание. Человеку приходится переносить весьма многое. Он еще очень долго удерживает свой мозг в таком состоянии, когда тот по ночам становится мягче, приобретает достаточную мягкость. Но все же наступает время, когда силы, направляющиеся вверх, в голову, уже не могут больше поддерживать мозг в нормальном состоянии — тогда подступает старость.

Отчего, собственно, человек действительно умирает? Конечно, если какой-либо орган погибает, дух уже не может больше работать, подобно тому как нельзя больше работать на машине, которая не в порядке.

Но независимо от этого мозг становится все жестче и жестче: дух не может больше привести мозг в порядок. В течение дня мозг непрерывно разрушается, поскольку не тело, а именно духовно-душевное упорядочивает деятельность мозга. Однако последнее, если можно так выразиться, подобно яду; это духовно-душевное начало разрушает мозг в период бодрствования. Поэтому, чтобы вновь восстановить мозг, мы должны спать. Если бы мозг не мог мыслить, тогда бы этот мозг не уменьшался, но становился сильнее. Ведь рука, которая не думает, которая работает, становится все сильнее и сильнее. Мозг же при мышлении становится все сильнее и слабее. Мозг не есть орган, который мыслит благодаря своей жизни, нет; он мыслит из-за того, что он умирает. Вследствие этого тело становится, в конце концов, непригодным для человека. Дух присутствует, но тело становится, в конце концов, негодным для него.

Это обнаруживается и в том случае, о котором, если вы вспомните, я вам уже говорил: печень является органом чувственного восприятия своего рода, внутренним глазом. И есть, господа, заболевание печени, когда в возрасте около пятидесяти лет печень у человека становится жесткой, уплотняется — я недавно это сообщал. Впрочем, в пожилом возрасте печень всегда бывает несколько уплотненной. У маленького ребенка она свежая и мягкая. Тут есть краснокоричневые тканевые дольки — печень состоит из таких тканевых долек — они образуют своего рода сеть. Такая ткань печени.

Итак, в детском возрасте эта печень совершенно мягкая и эластичная. Но она становится тем жестче и плотней, чем старше человек. Представьте себе, та же самая история происходит и с глазом. Если человек становится старше, то внутренняя часть глаза становится все жестче и жестче. Если уплотнение приобретает болезненный характер, то возникает катаракта. Если уплотнение печени приобретает характер болезни, то возникает цирроз печени, сопровождающийся абсцессами печени и так далее.

Но даже в здоровом состоянии печень изнашивается и оказывается непригодной, чтобы служить в качестве чувственно-воспринимающего органа, как, изнашиваясь, непригодным становится глаз. Печень все меньше и меньше воспринимает, насколько полезны или вредны те или иные продукты питания; ведь она становится изношенной. При старении, печень уже не служит так хорошо, чтобы правильно судить, полезны или вредны поступающие в желудок вещи. Она уже не так хорошо выполняет защитные функции. Печень, если она здорова, способствует тому, чтобы полезные вещества распространялись в теле, а вредные — задерживались. Если же печень повреждена, то вредные вещества поступают в железу кишечника, в лимфу, распространяются по телу и вызывают различные заболевания. Происходит так, что стареющий человек уже не может больше внутренне воспринимать свое тело, как мог он воспринимать его раньше благодаря печени. Он становится, я мог бы сказать, внутренне ослепшим по отношению к своему собственному телу. Если человек слепнет внешним образом, другой может

стать ему поводом, может помочь ему. Если же человек становится внутренне слепым, то процессы, протекающие в нем, становятся неупорядоченными, и в скором времени возникает рак кишечника, рак желудка, рак привратника (пилорического отдела) или в другом месте, где функция печени нарушена. Тогда тело становится непригодным. Тогда новые вещества, которые должны постоянно отбрасываться, не могут поступать в тело правильным образом. Душа ничего не может больше поделать с таким человеческим телом и наступает время, когда тело должно быть полностью отброшено.

Да, господа, это видно, как тело год за годом сбрасывается: ведь когда вы чешете голову или подстригаете ногти, вы отбрасываете прочь то, что стало ненужным. Однако то, что в качестве силы находится внутри, остается. Если же все в целом становится непригодным, тогда то, что работает внутри, уже не может создать ему замену. Тогда, подобно тому, как вы отбрасывали от тела ногти, чешуйки кожи и другое, вы отбрасываете теперь все тело, а то, что остается от человека, это и есть духовное. Так что вы можете сказать: если я понимаю человека, то я понимаю его в отношении его тела и духа; неправда, что человек представляет собой одну только телесность.

Видите ли, можно сказать, что этот вопрос находится исключительно в компетенции религии. Но это не только религиозный вопрос. Наука, развиваемая Гётеанумом, показывает, что речь тут идет не только о религиозном вопросе. Благодаря религии человека успокаивают, что он не умрет, когда умрет его тело. Это по существу эгоистическое чувство, и проповедники считаются с ним. Они говорят людям, что те не умрут. Здесь речь идет не о религиозном вопросе, здесь идет речь о самых практических вещах. Тот, кто ограничивается укладыванием человека на патологоанатомический стол, вскрывает ему живот и разглядывает печень, никогда не придет к мысли о необходимости прилагать усилия к тому, чтобы ребенок в младенческом возрасте вскармливался как следует. Только знающий, в чем тут дело, придет к мысли, как необходимо воспитывать ребенка, чтобы он смог стать здоровым человеком. Значительно важнее способствовать здоровью в детстве, чем потом лечить болезнь. Однако что могут знать об этом те, кто смотрят на человека только как на некий вещественный чурбан?

Этот пример может наглядно продемонстрировать, о чем я говорил. Но давайте возьмем другой пример. Допустим, ребенок уже в школе, и я постоянно пичкаю его всевозможным вздором, учу, перегружая его память, так что ребенок не может прийти в себя. Да, господа, тут ум действительно напрягается. Но неправда то, что напрягается один только ум (дух), поскольку ум постоянно использует для работы тело. И если я неправильно преподаю ребенку, неправильно воспитываю его, неправильно развиваю его память, например, я тем самым уплотняю у него вполне конкретные органы, поскольку то, что используется в его мозгу, при этом не поступает в другие органы. И если вы слишком сильно отягощаете мозг ребенка, то его почки становятся больными. Это значит, что вы можете сделать ребенка больным не только посредством телесных, вещественных влияний, но и посредством преподавания и воспитания; вы можете сделать ребенка здоровым или больным.

Видите ли, все это имеет практический характер. Если поистине постигают человека, то и в школе могут организовать нормальный педагогический процесс. Если же знают человека так, как знает его современная наука, то в университетах читают лекции на тему — как мы уже видели — как выглядит печень, какие там красно-коричневые печеночные дольки (lobuli hepatis — примеч. перев.) и так далее. Конечно, то, что я рисовал вам тут, смогут описать и в университете. Но вот дальше им приходится умолкнуть, этим они и ограничиваются. Такая наука не является практической, она ничего не может дать школе. Учителю такая наука не может помочь. Учителю может помочь, когда он знает: если печень на тридцатом году жизни выглядит так-то и так-то, то для правильного ее развития я должен в восемь-девять лет делать то-то и то-то; для того, чтобы она развилась правильно, не надо подгонять ребенка в соответствии с принципами наглядного обучения; в восемь или девять лет надо давать ребенку то, что правильным образом направляет развитие его органов. Так я, например, должен что-нибудь рассказать ему, и пусть он это мне перескажет, передаст содержание рассказанного; я не должен перегружать его память, пусть она будет предоставлена самой себе. Вот что можно посоветовать, если знаешь человека в теле, душе и духе. Только тогда и можно воспитывать, как следует. И я спрашиваю вас: разве это не является более важным,

чем рассказывать людям истории о неземной жизни и успокаивать их, читая проповеди о том, что они не умрут, когда умрет их тело? Последнее наверно не происходит — это я доказывал вам, — но таким образом проповедники воздействуют всего лишь на эгоизм людей, которым хочется пожить; именно этим пожеланиям идут навстречу проповедники. Однако наука должна руководствоваться не пожеланиями, а фактами; тогда познание этих фактов может быть использовано на практике. Оказать кое-какую помощь школе можно лишь, когда действительно постигаешь человека.

В этом и состоит отличие науки, развиваемой в Гетеануме, от всякой иной науки. Здесь хотят поддерживать науку на таком уровне, на котором она смогла бы принести пользу не только паре людей, непосредственно принадлежащих к ученому сословию; здесь хотели бы сделать науку общечеловеческим достоянием, чтобы она шла на пользу человечеству и работала ради его развития.

Современная наука практически работает только в области техники и лишь иногда в других областях, например в медицине, хотя и не особенно эффективно. А вот изучение, например, теологии или истории — спросите сами: какое применение в жизни имеет все это? Теолог никогда не использует свою науку в своих проповедях; он вынужден говорить то, что люди хотят от него услышать. Или спросите юриста, адвоката, судью! Он изучает свой предмет для того, чтобы зазубрить его и сдать экзамен. А затем он забывает его как можно быстрее, ибо судить ему приходится на основании совсем других законов. По отношению к живущим людям это нельзя применить. Короче, мы имеем науку, которая потеряла связь с практической жизнью. А это плохо.

Отсюда вы также можете видеть, что среди людей действительно возникают классы. Жизнь такова, что все, существующее в ней, должно применяться. Следовательно, если наука такова, что ее нельзя использовать, то эта наука бесполезна, а люди, которые занимают этой наукой, тоже в известном смысле бесполезны; вот так и возникает класс бесполезных людей. Тут вы имеете классовые различия.

В моей работе «Основной пункт социального вопроса» я пытался обосновать то, что классовые различия в сущности обусловлены духовной жизнью. Но того, кто говорит правду, со всех сторон объявляют фантастом. Однако вы можете убедиться, что тут речь идет не о фантастике, но о настоящем, действительном познании, речь идет о том, как поставить науку на службу практике, чтобы она действительно могла вмешиваться в жизнь. Тогда люди будут спокойно относиться и к смерти.

Это, естественно, трудно для некоторых из вас, причем именно по той причине, что школьное воспитание не таково, каким оно должно быть. Но постепенно вы будете понимать эти вещи. Вы можете быть уверены, что и другим не удастся понять это правильно. Когда приходится иметь дело с современной наукой со всеми ее средневековыми атрибутами, то видишь, что она собой представляет. Когда я докладывал в Оксфорде о науке, развиваемой в Гетеануме, это очень заметно отличалось от того, о чем обычно докладывают в Оксфорде. Это совсем другое течение, и оно будет понято лишь со временем.

Мне бы хотелось, чтобы вы поняли, как трудно проникнуть во все это. Проникнуть трудно, но это произойдет, это должно произойти, так как иначе человечество просто погибнет.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 13 сентября 1922 г.

Господа! Вещи, которые мы обсуждали с вами на последнем занятии, столь важны для понимания того, о чем мне надо будет говорить дальше, что я хотел бы хоть парой слов снова провести их перед вашим взглядом. Не правда ли, мы видели, что человеческий мозг состоит главным образом из маленьких образований, имеющих звездообразную форму. Но лучи этих звезд простираются очень далеко. Ответвления этих маленьких существ переплетаются друг с другом, оказываются сотканными друг с другом, так что мозг представляет собой своего рода ткань, возникшую описанным мною образом.

Маленькие существа, подобные находящимся в мозгу, есть также и в крови; различие между ними состоит в том, что мозговые клетки — так называются эти маленькие образования — не могут жить (днем), только ночью, во время сна, они могут немного жить. Они не могут реализовать состояние жизни. Они не могут

двигаться, поскольку они напиханы рядом друг с другом, как сельди в бочке, они скомканы в кучу. Но кровяные тельца, белые кровяные тельца, находящиеся в составе красной крови, могут двигаться. Они повсюду плавают, по всей крови, двигают своими отростками; эта их жизнь несколько приостанавливается, немного замирает только тогда, когда человек спит. Следовательно, сон и бодрствование связаны с вышеуказанной деятельностью или бездеятельностью мозговых клеток, вообще нервных клеток, а также тех клеток, которые в качестве белых кровяных телец плавают в крови повсюду, циркулируют внутри.

Я уже рассказывал вам, что на примере такого органа, каким является печень, можно наблюдать, как по ходу жизни изменяется человеческое тело. Я сказал вам на последнем занятии, что если у младенца печень воспринимает неправильным образом — имеется в виду функция печени как воспринимающего органа: печень воспринимает пищеварительный процесс и уплотняет его, — если, следовательно, воспринимающая функция печени нарушена и она неправильным образом реагирует на процесс пищеварения в младенческом возрасте, то следствия этого обнаруживаются зачастую лишь в гораздо более поздний период жизни — как я говорил вам, у сорокапятилетних, пятидесятилетних людей. В человеческом организме может задерживаться (проходить в латентном состоянии) многое. Следовательно, если нарушения в работе печени происходят в младенческом возрасте, они могут скрытым образом удерживаться вплоть до сорока — пятидесятилетнего возраста. Затем обнаруживаются внутренние уплотнения, возникают заболевания печени, которые свойственны человеку именно в пожилом возрасте и которые являются следствием нарушений, имевших место в младенческий период.

Вот почему лучше всего вскармливать младенца материнским молоком. Ведь ребенок появляется на свет из тела матери, не так ли? Можно понять, что весь его организм, все его тело обладает родством с матерью. Поэтому наилучшим образом он будет развиваться, если, появившись на свет, он не будет сразу же получать ничего кроме того, что происходит из родственного ему тела матери.

Может произойти и так, что материнское молоко не подходит по своему составу. Молоко человека может быть, например, горьким, может быть слишком соленым. Тогда необходимо применять другое питание, лучше всего — молоко другой женщины.

Тут может возникнуть вопрос: разве нельзя с самого начала вскармливать ребенка коровьим молоком?

Надо сказать так: в первоначальный период младенчества питание коровьим молоком не очень благоприятно. Но не следует, однако, думать, что мы совершаем страшный грех по отношению к человеческому организму, если мы питаем ребенка коровьим молоком, которое соответствующим образом разбавлено и так далее. Ведь, конечно, молоко у разных существ различно, но эти различия не столь сильны, чтобы отказываться от применения коровьего молока вместо материнского молока при вскармливании.

Подобного рода питание осуществляется так, что ребенку, который пьет одно молоко, не приходится жевать. Вследствие этого некоторые органы тела функционируют более интенсивно, чем в дальнейший период, когда по необходимости используется твердая пища. Молоко имеет одно существенное свойство; оно, я мог бы с некоторой натяжкой сказать, еще живет, когда его получает ребенок. Оно почти является жидким жизненным началом, текучей жизнью, которую принимает в себя ребенок.

Вы знаете, что в кишечнике происходит исключительно важный для человеческого организма процесс, он чрезвычайно важен. Эта исключительно важная вещь состоит в том, что все, поступающее через желудок в кишечник, должно умерщвляться; когда же все это переходит сквозь стенки кишечника в лимфу и кровь, оно должно оживать снова. Наиболее важное из необходимого для понимания состоит в том, что человек должен сперва умертвить принимаемую им пищу, а затем снова оживить ее. Живущее вне человека, лучи принято им как пища, не может непосредственно использоваться внутри человеческого тела. Принятое в себя человек своей собственной деятельностью доведен сперва умертвить, а затем снова оживить. Необходимо знать хотя бы это. Обычная наука этого не знает, она не знает и, что человек имеет в себе силу жизни. Точно так же, как он имеет в себе мускулы, кости и нервы, он имеет в себе оживляющую силу, он

имеет в себе жизненное тело.

Подобно тому, как глаз созерцает внешние вещи, печень созерцает пищеварительную деятельность в целом, в ходе которой нечто умерщвляется и вновь оживляется, в ходе которой умерщвленное, пробуждается внутренне к новой жизни и поступает в кровь. Подобно тому, как в старости глаз может быть поражен катарактой, то есть уплотнением и помутнением того, что раньше было прозрачным, так и печень может подвергнуться уплотнению. Уплотнение, цирроз печени, является, в сущности, тем же, чем является в глазу катаракта, бельмо (помутнение хрусталика и роговицы — примеч. перев.). Бельмо может образоваться и в печени. Тогда в конце жизни возникает заболевание печени. Это означает, что печень больше не созерцает, что происходит внутри человека. Это поистине так: с помощью глаза вы созерцаете внешний мир, с помощью уха вы слышите, что звучит во внешнем мире, а с помощью печени вы одновременно созерцаете собственное пищеварение и то, что включено в этот пищеварительный процесс. Печень является внутренним органом чувственного восприятия, внутренним органом чувств. Только тот, кто познал печень как внутренний орган чувств, понимает то, что происходит в человеке. Следовательно, печень можно сравнить с глазом. В каком-то смысле человек внутри себя, в своем животе имеет некую голову. Только эта голова смотрит не вовне, она смотрит внутрь. Поэтому она является тем, посредством чего человек работает внутри себя, он осуществляет эту деятельность, не доводя до своего сознания.

Но ребенок ощущает эту деятельность. У ребенка все это происходит по-другому. Ребенок еще мало смотрит на внешний мир, а если он и смотрит во внешний мир, то еще не распознает его. Но тем больше направляет он внимание вовнутрь, используя чувства. Ребенок очень точно чувствует, если в молоке содержится чужеродное, что должно быть выброшено в кишечник и выведено наружу. И если с молоком что-то не в порядке, печень приобретает предрасположенность к заболеваниям, проявляющимся в самый поздний период жизни.

Видите ли, вы могли бы подумать и о том, что к глазу, направленному на внешний мир, имеет отношение также и мозг. Простое глядение на внешний мир не могло бы быть полезным для человека. Мы могли бы тарачить глаза на внешний мир, газеть по сторонам, но мы не могли бы мыслить об этом внешнем мире. Он был бы своего рода панорамой, перед которой мы сидим с пустой головой. Мы мыслим с помощью мозга. С помощью нашего мозга мы думаем о том, что находится вовне, во внешнем мире.

Но, господа, если печень является своеобразным внутренним глазом, который ошупывает всю пищеварительную деятельность в целом, то печень должна иметь и своего рода мозг, подобно тому, как имеет его в своем распоряжении глаз. Видите ли, печень может разглядывать все, что происходит в желудке, как пищевая кашеобразная смесь перемешивается с пепсином. Когда пищевая кашеобразная смесь поступает из желудка в кишечник через так называемый привратник, печень может видеть, как эта пищевая смесь проталкивается в кишечнике дальше, как кишечник все больше и больше выделяет через свои стенки части этой пищевой смеси, пригодные к употреблению, как затем эти пригодные к употреблению части переходят в лимфатические сосуды, а затем из них проникают в кровь. Но начиная отсюда печень уже ничего не может сделать. Сколь мало может мыслить глаз, столь же мало и печень может производить деятельность за указанными пределами. Здесь к печени должен подключаться другой орган, подобно тому, как к глазу подключен мозг.

И точно так же, как вы имеете печень, постоянно наблюдающую за пищеварительной деятельностью, вы имеете в себе еще и некую мыслительную деятельность, о которой в обычной жизни совсем ничего не знаете. Эта мыслительная деятельность — о ней самой вы пока еще не знаете, вы знаете только об органе — эта мыслительная деятельность точно так же дополняет воспринимающую, ошупывающую деятельность печени, как мозг дополняет мышлением воспринимающую деятельность глаза; каким бы странным вам это не показалось, указанная мыслительная деятельность осуществляется посредством почек, посредством системы почек.

Система почек, которая согласно обычным представлениям служит лишь для выделения мочи, вовсе не является таким неблагоприятным органом, каким принято

ее считать; почки, в обычном случае служащие лишь для выделения жидкости, в совокупности с печенью развивают некую внутреннюю активность, внутреннее мышление. Почки тесно связаны и с мышлением мозга, так что при нарушениях мозговой деятельности оказывается нарушенной и деятельность почек. Допустим, что мы начинаем способствовать неправильной работе мозга у ребенка. Мозг работает неправильно, если мы побуждаем ребенка слишком много учиться — я в последний раз уже указывал на это, — если мы побуждаем его слишком много работать на запоминание, работать с памятью, слишком много заставляем учить наизусть. Кое-что следует заучивать наизусть, чтобы мозг становился подвижнее; но если мы заставляем учить наизусть слишком многое, мозг напрягается так, что в нем развивается чрезмерная активность, вызывающая уплотнения в мозгу. Если мы заставляем ребенка слишком многое заучивать наизусть, из-за этого возникает уплотнение мозга. Но если в мозгу возникают уплотнения, может оказаться, что в течение всей жизни мозг будет работать неправильно. Он становится слишком жестким.

Но мозг связан с почками. И благодаря этой связи между мозгом и почками почки в подобном случае тоже больше не работают правильным образом. Человек способен перенести очень многое; последствия обнаруживаются только позже: все тело в целом начинает работать неправильно, происходят нарушения в работе почек, и в моче вы обнаруживаете сахар, который, собственно, должен был бы быть переработан. Тело становится слишком слабым, чтобы использовать этот сахар, так как работа мозга нарушена. В моче появляется сахар. Тело не в порядке, человек страдает от сахарной болезни.

Видите ли, я бы хотел сделать для вас особенно ясным, что от духовной деятельности, например, от чрезмерного заучивания наизусть, зависит, что будет с человеком позднее. Вам не приходилось слышать, что сахарной болезнью часто страдают богатые люди? Они могут очень хорошо обеспечивать своих детей в том, что касается материальной физической области, однако они не знают, что они должны подобным же образом позаботиться и о нормальных школьных преподавателях, которые не будут заставлять ребенка слишком многое заучивать наизусть. Они думают: это дело государства, тут все хорошо и об этом нечего печалиться. Ребенок слишком много учит наизусть, а позднее заболевает диабетом, сахарной болезнью! Человека можно сделать здоровым не только с помощью физического выкармливания, с помощью того, что доставляется человеку продуктами питания. Надо обращать внимание и на то, как обстоит дело с его душевным началом. Тогда постепенно начинают чувствовать, что и душевное начало является чем-то важным, что не одно только тело имеет значение для человека, что тело даже может быть разрушено по вине души. Ведь как бы много в детстве и после него мы не ели то, что химики изучают в своих лабораториях, то есть продуктов питания, если душевное начало не в порядке, если душевному не уделяется внимания, то весь человеческий организм придет в упадок. Благодаря науке, но не той современной, чисто материалистической науке, а науке настоящей постепенно можно научиться вживаться в то, что существует как человек еще до зачатия и продолжает существовать после смерти, поскольку человек познает, чем же является его душевное начало. При рассмотрении подобных вопросов именно это надо принимать во внимание.

Задумайтесь над тем, отчего люди сегодня не хотят ничего знать о том, что я рассказывал вам? Если сегодня вы захотите подступить к так называемым образованным людям, они посчитают проявлением «необразованности», если будешь говорить им о печени или даже о почках. Это проявление необразованности. Почему же такие вещи считаются проявлением «необразованности»?

Видите ли, древние евреи в период еврейской древности — ведь Ветхий Завет мы получили от евреев — древние евреи еще не рассматривали разговор о почках в качестве признака страшной необразованности. Евреи не сказали бы, например, если человека ночью мучили сновидения, что мучается душа, подтверждение можно найти в Ветхом Завете, однако современные евреи настолько образованы, что они теперь, находясь в приличном обществе, не ссылаются на то, что содержится в Ветхом Завете, хотя он говорит об этом, — итак, если человеку ночью приснился недобрый сон, древние евреи не сказали бы «моя душа мучилась». Да, господа, такое легко можно сказать, если не имеешь о душе никакого представления; тогда душа — не более чем слово, то есть ничто. Но в Ветхом Завете говорится, и говорится в

соответствии с той мудростью, которой когда-то обладало человечество, о случае, когда человек ночью приснился недобрый сон: его мучила почка. К тому, что осознавалось в Ветхом Завете, приходят благодаря теперешней антропософии, новому научному знанию: человек видит недобрый сон, так как функция почек у него нарушена.

Затем наступило средневековье и в период средневековья постоянно возникало то, что актуально до сих пор. В средние века была тенденция только хвалить все, что нельзя было воспринять, что тем или иным образом находилось вне мира. Людям позволялось тогда только голову оставлять неприкрытой; все остальное надо было прикрывать. Мы тоже смеем говорить толково о том, что неприкрыто. Впрочем, именно в образованном мире некоторые дамы разгуливают сегодня едва прикрытыми — так, что даже об оставленном без покрова еще долгое время едва ли кто посмеет говорить. Во всяком случае, то, что находилось внутри человека, было запретной темой для той своеобразной формы христианства, которая была свойственна средневековью, — в Англии это несколько позднее называлось пуританизмом. Чисто материальной, основанной на чувственном восприятии науке тоже не позволяется об этом говорить. Духовное — это такая безделица, что нечего об этом говорить. Поэтому постепенно дух как единое целое был утерян. И не так-то легко поймаешь его, если говорить только о том духе, который сидит в голове. Однако если ловят его не только в голове, но во всем человеческом теле, то уловить его можно.

Именно почки добавляют мыслительную деятельность к воспринимающей деятельности печени. Печень смотрит, а почки думают; они также могут думать о деятельности сердца и обо всем том, чего не может разглядеть печень. Печень наблюдает за всем процессом пищеварения, за тем, как пищевые соки переходят в кровь. Но после, когда пищевые соки начинают кружить по крови, об этом надо мыслить. И это осуществляют почки. Так что фактически человек имеет в себе нечто вроде второго человека.

Но господа, вы, естественно, не должны верить в то, что те почки, которые вы извлекаете из мертвого тела и выкладываете на патологоанатомический стол — или, если это коровьи почки, даже едите их; их очень удобно разглядывать перед тем, как вы их сварите и съедите, — что этот кусок мяса, обладающий свойствами, о которых говорит анатом, что этот кусок мяса мыслит! Мясо, естественно, не мыслит, мыслит то, что присутствует внутри почки, принадлежа душевному началу. Поэтому дело тут обстоит так, как я говорил об этом в последний раз; вещество, находящееся в почке, в детском возрасте полностью заменяется в течение семи-восьми лет. Там, внутри находится другое вещество. Точно так же, как ваш ноготь на пальце в течение семи-восьми лет не остается тем же самым, но вы все время срезаете его переднюю часть, так же и из почек, и из печени удаляется все, что там было и заново создается вами.

Тут вы должны спросить: если здесь совсем нет вещества, которое находилось тут, в почках и в печени семь лет назад, и тем не менее, печень спустя десятилетия может стать больной оттого, что в младенческом возрасте что-то в ней было повреждено, то это указывает на какую-то деятельность, которая остается невидимой. Ведь вещество не способно воспроизводить себя. Жизнь же воспроизводит себя от младенческого возраста до сорока пяти лет. Вещество не может заблуждаться — оно выделяется — однако воспроизводит себя та невидимая деятельность, которая находится внутри и которая у человека протекает на протяжении всей его жизни. Итак, вы видите, что человеческое тело является сложным, исключительно сложным организмом.

Мне хотелось бы сказать вам еще и кое-что другое. Я говорил вам: древние евреи еще знали кое-что о том, что деятельность почек наделена также и функцией смутного, сумеречного мышления, которое проявляется в сновидениях ночью. Ночью наши представления отсутствуют; и тогда мы воспринимаем то, как мыслят почки. Днем голова наполнена мыслями, которые приходят извне. В случае одновременного присутствия сильного света и слабого света свечи мы видим сильный свет, а находящийся рядом слабый свет свечи как бы исчезает; так и у человека, когда он бодрствует: его голова заполнена представлениями, приходящими из внешнего мира, тогда как деятельность почек внизу подобна малому свету; он ее не воспринимает. Если же голова перестает мыслить, тогда он воспринимает то, что мыслят почки, и видит печень внутри него, он воспринимает это как сновидение.

Поэтому сновидения выглядят именно так, как мы их иногда видим.

Представьте себе, что в кишечнике что-то не в порядке; печень это видит. Днем человек не обращает на это внимания, поскольку ему мешает наличие более сильных представлений. Но ночью при засыпании или при пробуждении он обращает внимание на то, как печень воспринимает нарушения в деятельности кишечника, его неупорядоченное бытие. Однако печень не так хитра и почки не так хитры и ловки, как человеческая голова. И поскольку они не так догадливы и ловки, они не могут заявить прямо: тут дело в кишечнике, котрый я вижу. Они же создают образ, и человек видит сон вместо того, чтобы видеть реальность. Если бы печень видела эту реальность, то она видела бы, что кишечник горит. Но она не видит действительности, она создает образ, соответствующий этой действительности. Она видит при этом шевелящихся змей. Если человеку снятся извивающиеся змеи, что бывает довольно часто, это значит, печень видит кишечник и поэтому она представляет его в виде змей. Иногда голова поступает точно так же, как печень и почки. Если человек видит вблизи себя, например, изогнутый сучок, и это происходит в местности, где могут быть змеи, то голова может принять этот изогнутый сучок дерева за змею, если он находится шагов за пять впереди. Подобным же образом внутреннее зрение и мышление печени и почек интерпретируют кишечные нарушения в образе змей.

Иногда вам снится сон о печке, которую очень сильно натопили. Вы просыпаетесь и обнаруживаете сердцебиение. Что тут произошло? Тут почки размышляют по поводу сильного сердцебиения, но они думают об этом так, как если бы это была натопленная печка, и вам снится кухонная плита в действии. Это то, что думают почки о работе вашего сердца.

Следовательно, тут, внутри, в животе у человека — и пускай считают проявлением необразованности, если говоришь об этом — тут внутри сидит некое душевное существо. Эта душа представляет собой маленького мышонка, который где-то проскользнул в человеческое тело и сидит там внутри. Не правда ли, люди в прошлые века занимались тем, что размышляли на тему: где находится местопребывание души? Но о душе вообще уже больше ничего не знают, а иначе не спрашивали бы: где находится местопребывание души. Она точно так же и в моче уха, как и в большом пальце ноги, но только душа нуждается в органах, с помощью которых она мыслит, представляет и создает образы. Хорошо знакомую вам деятельность она совершает с помощью головы, а действуя тем способом, который я вам описывал, когда созерцается внутреннее, она использует печень и почки. Можно видеть повсюду, как душа в человеческом теле проявляет активность. И это надо видеть.

Этим и занимается та наука, которая не просто потрошит мертвое человеческое тело, лежащее на патологоанатомическом столе, извлекая оттуда органы и разглядывая их материальным образом. Этим занимается тот, кто действительно активизирует всю свою внутреннюю душевную жизнь как в мышлении, так и во всем остальном, он делает ее более активной, чем хотели бы люди, довольствующиеся одним разглядыванием. Естественно, это удобнее: разрезать человеческое тело, вырезать оттуда печень и потом записывать, что при этом обнаружится. При этом не приходится слишком перенапрягать свои умственные способности. Для этого у человека есть глаза и нужно приложить совсем немного мысли, чтобы резать печень во всех направлениях, сделать небольшой срез, положить под микроскоп и так далее. Это легкая наука. Но почти вся наука сегодня и является такой легкой наукой. Надо в гораздо большей степени активизировать внутреннее мышление, надо в первую очередь расстаться с мыслью о том, что достаточно лишь положить человека на патологоанатомический стол, вырезать его органы и описать их, чтобы в тот же момент мы смогли получить достоверные сведения о человеке. Ибо, вскрывая печень пятидесятилетней женщины или пятидесятилетнего мужчины и разглядывая ее, не знают, что происходило в младенческом возрасте. Необходима именно целостная наука. Именно к этому должна стремиться настоящая наука. В этом и состоит стремление антропософии — иметь настоящую науку. И эта настоящая, действенная наука приводит не только к телесному, она приводит, как я показывал вам, к душевному и духовному.

В последний раз я говорил вам: в печени дело обстоит так, что «синие», темные кровеносные сосуды — то есть сосуды, в которых течет не красная (окисленная, или т.н. артериальная — примеч. перев.) кровь, но темная

(неокисленная, или т.н. венозная — примеч. перев.), кровь, несущая в себе углекислоту, — что такие особенные кровеносные сосуды входят в печень. В случае всех остальных органов этого не происходит (это замечание справедливо лишь относительно большого круга кровообращения; в малом круге кровообращения, как известно, темная, венозная кровь поступает из сердца через артерии легочного ствола в правое и левое легкое, где и происходит окисление и выделение углекислоты, распадающейся на воду и углекислый газ. Окисленная, алая, «артериальная» кровь снова подается в сердце через вены и оттуда направляется в артерии большого круга кровообращения — примеч. перев.). Печень в этом отношении является отличным от других органом. Она принимает темную совершенно неокисленную кровь и дает ей возможность распространяться у себя внутри.

Это нечто в высшей степени значительное, важное. Если мы представим себе печень, то, конечно, в нее тоже входят обычные артерии, сосуды алой крови. А сосуды, несущие синюю кровь, вены, выходят из нее. Но кроме них в печень входит один особый сосуд, несущий темную неокисленную кровь, одна вена — воротная вена (vena portae), она несет кровь, насыщенную углекислотой (см. рисунок на стр. 81). Печень принимает этот сосуд в себя, причем он не имеет выхода; таким образом, через этот сосуд в печень поступает темная не-окисленная кровь. (В печени имеются две системы вен: портальная и кавальная. Первая образована разветвлениями вышеуказанной воротной вены, по которой кровь притекает в печень через ее ворота. Воротная вена разделяется на две ветви, которые уходят в паренхиму печени. В паренхиме эти ветви распадаются на множество мелких веточек, которые оплетают печеночные дольки. Их капилляры проникают в самые дольки и слагаются затем в v.v. centrales, которые собираются в печеночные вены, впадающие в нижнюю полую вену, по которой неокисленная кровь поднимается к сердцу. Вторая система вен — кавальная — обеспечивает обычное кровоснабжение тканей; кавальная система состоит из печеночных вен, впадающих в нижнюю полую вену vena cava inferior. Портальная система снабжает печень неокисленной насыщенной углеродом венозной кровью, поступающей из непарных органов брюшной полости — примеч. перев.)

Да, конечно, когда вырезают печень, обычная наука видит эту так называемую воротную вену, но не размышляет над этим дальше. Однако тот, кто может прийти к подлинной науке, ищет сравнения.

В человеческом теле имеется еще один орган, который обладает похожими свойствами. Это глаза. Хотя в глазах это выражено очень незначительно, но, тем не менее, в случае глаза не вся кровь, не вся темная, неокисленная кровь, поступающая в глаз, уходит обратно. Одни сосуды, входящие, несут алую кровь, выходные сосуды несут темную, синеватую. Но не вся темная неокисленная кровь, которая находится в глазу, уходит назад; она подразделяется так же, как в печени. Только в печени это проявляется сильно, а в глазу очень слабо. (Возможно, имеется в виду канал, проходящий по склере, в sinus venosus sclerae, который также соединяется с лимфатическим руслом и имеет отток в v.v. ciliares anteriores — примеч. перев.)

Разве это не доказывает, что я все-таки имею право проводить сравнение между печенью и глазом? Человек имеет право указывать на все, что находится в человеческом организме. Так мы приходим к тому, что печень является внутренним глазом.

Однако глаз направлен вовне. Он смотрит вовне и использует при этом темную неокисленную кровь, которую он получает, чтобы созерцать вовне. Печень использует ее внутри. Поэтому она дает возможность этой темной крови исчезнуть внутри себя и использовать ее иначе. Только иногда глаз проявляет тенденцию немного использовать свои сосуды с темной (так называемой венозной) кровью. Это происходит в том случае, если человек опечален, если он плачет: тогда горький на вкус, слезный сок вытекает из глаза, из слезной железы (glandula lacrimalis). Это происходит от того незначительного количества темной крови, которая находится в глазу. Если человек огорчен и особенно сильно переживает, слезы появляются в качестве выделения.

А вот в печени аналогичная история происходит постоянно! Печень постоянно огорчена, как может быть огорчен человек, который наблюдает изнутри живущий на Земле организм; этот организм пред назначен быть в наилучшем состоянии, но выглядит далеко не лучшим образом. Вот печень и печалится все время. Поэтому

она все время выделяет горькое вещество, желчь. Так же, как функцией глаза является выделение слез, так функцией печени, служащей всему организму, является выделение желчи. Только слезы изливаются наружу, и как только они прольются из глаза, они исчезают, а желчь не исчезает во всем организме человека, поскольку печень смотрит не вовне, она смотрит внутрь. Тут взгляд возвращается назад, и выступают выделения, которые можно сравнить с выделением слез.

Но, господа, если действительно правда, что я вам говорю, тогда это должно иметь подтверждения еще в какой-либо другой области. Необходимо показать, что земные существа, больше живущие во внутреннем, в большей степени реализуют внутреннюю мыслительную деятельность: надо показать, что животные мыслят не меньше, чем человек, а даже больше. Головой они мыслят меньше, чем человек, так как их мозг несовершенен. Но зато у них должна большую роль играть жизнь печени и почек, они должны больше смотреть внутрь с помощью печени и больше мыслить внутри с помощью почек. Это и имеет место у животных. И есть этому одно внешнее подтверждение. Наши человеческие глаза устроены таким образом, что темная неокисленная кровь поступает в них в столь незначительном количестве, ее так мало, что современная наука даже не говорит об этом. Раньше наука об этом говорила. Но у животных, которые больше живут во внутреннем, глаза не только видят; у них глаза еще и думают.

Если мы можем сказать, что глаза являются своеобразной печенью, то можно сказать и то, что у животных глаза в большей степени подобны печени, чем у человека. У человека глаз стал более совершенным, он меньше похож на печень. Сам глаз обнаруживает это. В случае животного можно проследить, что содержимое глаза у него не такое, как у человека. У человека есть стекловидное водянистое тело, затем хрусталик, а у животного — тогда как у некоторых животных кровеносные сосуды входят в глаз и образуют в глазу вот такое тело (см. рисунок 11).

Рисунок

Кровеносные сосуды проходят вплоть до этого стекловидного тела и образуют тут внутри вот такое тело, которое называют веером, глазным веером. У этих животных они (пропуск в стенограмме). Почему? Потому что у этих животных глаз в большей степени подобен печени. И точно так же, как воротная вена входит в печень, так и этот веер входит в глаз. Поэтому у животных дело обстоит так: если животное смотрит на что-то, глаз при этом мыслит; у человека глаз только смотрит, а мыслит человек посредством мозга. У животного мозг мал и несовершенен. Оно не так много думает с помощью мозга, развивает мышление внутри глаза, и оно может мыслить с помощью глаза потому, что оно имеет этот серповидный отросток, потому что оно может использовать находящуюся внутри глаза отработавшую кровь, кровь, насыщенную углекислотой.

Я могу сказать вам кое-что, что не должно ошеломить вас. Вы ведь не будете предполагать, что коршуну, парящему высоко в воздухе и имеющему чертовски маленький мозг, удалось бы, приняв исключительно хитрое и удачное решение, свалиться именно туда, где сидит барашек! Если бы коршун использовал мозг, он бы умер с голоду. Однако у коршуна мышление имеет свое местопребывание уже в самом глазу, что является лишь продолжением его почечного мышления, и благодаря этому он решается стремительно упасть вниз и схватить барашка. Коршун никогда не говорит себе: там, внизу находится барашек, сейчас я должен занять исходную позицию, сейчас я буду падать вниз по прямой, тогда я столкнусь с барашком, — подобные рассуждения совершает мозг. Если бы человек был там, наверху, он стал бы размышлять таким образом; разве что он не смог бы осуществить свое намерение. Но у коршуна уже сам глаз думает. Тут душа находится внутри глаза. Глаз не становится сознательным, но он все же думает.

Видите ли, я говорил вам, что древний еврей, понесший свой Ветхий Завет, знал, что означает: Бог ночью мучил тебя через твои почки. Тем самым Ветхий Завет выразил реальность того, что явилось душе как сновидение. Бог ночью мучил тебя через твои почки, так говорит Ветхий Завет, ему известно: этот человек не только смотрит через свои глаза на внешний мир, этот человек через свою почку промышляет, а через свою печень просматривает то, что находится внутри. Древние римляне тоже еще сознавали это. Они сознавали, что есть, в сущности, два

человека: один, который смотрит через свои глаза, и другой, в животе у которого есть печень и который осматривает свои собственные внутренности. Во всяком случае, о печени можно было бы афористически высказаться — это, кстати можно проследить по расстановке всех сосудов неокисленной крови — можно было бы высказаться так: она смотрит назад. Поэтому происходит то, что человек воспринимает внутри себя столь мало; столь же мало, сколь можете вы воспринять то, что находится позади вас, вот также мало может воспринять и печень, осознавая то, что она видит. Древние римляне понимали это. Только они выражали это в такой форме, что нам этого сразу не понять. Они представляли это так: тут, впереди, человек имеет голову, и в нижней части тела он тоже имеет голову, только эта голова неотчетливая и смотрит она назад. Тогда они сводили эти две головы вместе и получалось вот такое образование (см. рисунок 12); одна голова с двумя лицами, одно из которых смотрит назад, а другое смотрит вперед. Такие скульптурные изображения встречаются и в настоящее время, находясь в Италии. Их называют головой Януса.

Рисунок

Видите ли, путешественники, у которых есть денари, странствуют по Италии со своим Бедкером (автор туристического справочника — примеч. перев.), рассматривают эти головы Януса, заглядывают в справочник Бедкера — но там ничего разумного об этом нет. Ведь не правда ли, спрашивается вопрос: что заставляло римлян изображать такую голову? Ведь они были совсем не так глупы, чтобы верить, что где-то за морем есть на Земле люди с двумя головами. Однако, не правда ли, примерно так должен думать путешественник, который не может поверить своим глазам, видя, что римляне изображали голову с двумя лицами, одно сзади, другое спереди.

Да, римляне, благодаря некоему природному мнению, еще кое-что знали о том, чего все позднейшее человечество уже не знало, и к чему мы сейчас приходим самостоятельно, независимо от них. Сейчас мы сможем убедиться в том, что римляне не были глупы, почему они были очень умны! Голова Януса называется январь. Почему же они сопоставляли ее именно с тем временем, когда начинается год? Это тоже особая тайна.

Если, господа, удалось зайти так далеко, чтобы увидеть, как душа работает не только в голове, но и в печени, и в почках, то можно проследить также, каким образом изменяется эта деятельность по ходу года. В теплое время года, летом, дело обстоит так, что печень работает чрезвычайно мало. Тогда печень и почки больше пребывают в состоянии своего рода дневной сонной деятельности, они только выполняют свои внешние телесные функции, поскольку человек тогда больше отдается теплу внешнего мира. Внутри себя он в большей степени обретает состояние покоя, там все усмиряется.

Вся система пищеварения к середине лета становится более заторможенной, спокойной, чем зимой, тогда как в течение зимы эта пищеварительная система начинает становиться чересчур душевно-духовной. И когда подходит Рождество, когда наступает новогоднее время, когда начинается январь, то дневная деятельность внутри печени и почек становится наисильнейшей.

Это римляне тоже знали. Вот почему они и называли этого двуликого человека человеком-Янусом, человеком января. Если человек снова самостоятельно приходит к поиску разумного начала в том, что представлено перед ним, то он не должен ограничиваться тем, чтобы просто «пялить глаза» на эти вещи, он должен стремиться снова понять их. Ему приходится иногда просто «пялить глаза», но это оттого, что современная наука стала бессильной. Видите ли, антропософия вовсе не является непрактичной. Она может объяснить не только все, что относится к человеку, но и то, что относится к истории; она может, например, объяснить, почему римляне изображали эту голову Януса! Я говорю об этом не ради тщеславия, но, в сущности, Бедкеру следовало бы принять к себе на службу антропософа, для того чтобы люди понимали мир; в ином случае они будут путешествовать по миру в сонном состоянии, они будут всего лишь пялить глаза на все, недоступное их пониманию.

Да, господа, отсюда вы можете увидеть действительную серьезность того, когда говорят, что для достижения душевного начала надо исходить из телесного. Об этом душевном начале я буду говорить с вами далее в ближайшую субботу. Вы

можете обдумать вопросы, которые вы бы хотели задать. И пусть для вас станет очевидно, что это действительно не шутка, когда хотят на основе телесного познать душевное начало; это наука, причем очень серьезная.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 16 сентября 1922 г.

Для того, чтобы вы, господа, получили более полную картину, мне хотелось бы более точно рассмотреть, что происходит в человеческом теле каждый день при известных процессах. Ведь понять высшие процессы можно только в том случае, если мы по-настоящему познаем некоторые низшие процессы. Вот почему я хочу сегодня еще раз рассмотреть процесс пищеварения в целом, как с его физической, материальной стороны, так и со стороны душевной.

Мы едим: когда мы едим, мы, прежде всего, принимаем в полость рта пищевые продукты. Мы употребляем твердые и жидкие пищевые продукты; газообразные пищевые продукты мы принимаем в себя с помощью дыхания, через легкие. Итак, мы употребляем твердые и жидкие пищевые продукты. Но в нашем теле мы можем использовать только жидкое. Вот почему твердое уже во рту должно перейти в жидкую форму. Сначала это осуществляется во рту. Но в области рта и неба это может произойти только благодаря тому, что по всему небу и вообще по всей полости рта располагаются маленькие органы, так называемые железы, и эти железы постоянно выделяют слюну.

Вы, следовательно, должны представить, что здесь, например, с этой стороны языка, находятся такие маленькие железы. Это маленькие образования, они устроены так, что они, если их более точно разглядеть под микроскопом, выглядят подобно маленьким виноградным кистям: таким образом, они составлены из клеток. Это железы, которые источают слюну. Слюна растворяет пищевые продукты и пропитывает их.

Пищевые продукты должны пропитаться слюной во рту, в ином случае они оказываются непригодными для человеческого организма.

Итак, тут развивается один род деятельности — это деятельность по пропитыванию слюной, смачиванию пищевых продуктов слюной — и эту деятельность мы улавливаем на вкус. Посредством вкусового чувства мы ощущаем вкус продуктов питания во время смачивания их слюной. Так же, как мы воспринимаем краски и цвета с помощью глаза, с помощью вкусового чувства мы воспринимаем вкус пищи.

Следовательно, мы можем сказать: во рту пища пропитывается слюной и мы чувствуем ее вкус. Вместе со вкусом мы также осознаем пищу. А благодаря смачиванию слюной она приходит в состояние, в котором может быть усвоена во всем остальном теле. Однако в слюне, находящейся во рту, должно также содержаться определенное вещество, иначе пищевые продукты не будут подготовлены надлежащим образом для использования в желудке. В слюне должно содержаться определенное вещество. Это вещество действительно содержится в ней, оно называется птиалином. Этот птиалин является тем веществом, которое производит первичную обработку пищевого продукта, чтобы он стал пригодным для желудка.

Затем пища, смоченная слюной и обработанная птиалином, проходя через глотку и через пищевод, попадает в желудок. В желудке она должна подвергнуться дальнейшей переработке. Для этого в желудке должно находиться другое вещество. Оно должно вырабатываться и выделяться в желудке. Так же, как во рту вырабатывается слюна с птиалином, в желудке тоже вырабатывается своего рода слюна. Только в этой желудочной «слюне» содержится другое вещество. Оно еще раз пропитывает пищу в желудке. Мы можем сказать: в желудке вместо птиалина находится пепсин.

Видите ли, у взрослого человека, а также и у ребенка, достигшего семи лет, в желудке уже не проявляется больше вкусовое ощущение. Но младенец ощущает вкус пищи в желудке точно так же, как взрослый ощущает вкус пищи во рту. Если хотят досконально исследовать человека, надо уметь уподобиться душевному началу младенца. Взрослый человек получает представление о вкусе в желудке в крайнем случае, когда желудок уже отчасти разрушен и процесс вместо того, чтобы протекать вниз, в желудке, поднимается вверх. Тогда человек получает представление о том, что происходящее в желудке имеет вкус. Я предполагаю, что

некоторые из вас уже имели этот опыт, когда содержимое желудка возвращается назад, вверх в рот: какой же неприятный вкус имеет тогда все это, или, по крайней мере, большая часть из того, что человек съел. Ощувив вкус того, что возвращается из желудка обратно, вы, конечно, не будете считать, что это очень вкусно. Никто не стал бы есть то, что на вкус подобно отрыжке из желудка. Однако вкус, свойственный этой пищевой кашеце, этой отрыжке, должен, тем не менее, образоваться. Он образуется в желудке. Не правда ли, во рту пища только пропитывается птиалином; в желудке же она пропитывается пепсином. Следствием этого является изменение ее вкуса. Так вообще обстоит дело со вкусом.

Давайте допустим, что вы, будучи очень чувствительны, пьете воду; в общем случае вода, если уж она не слишком испорчена, не имеет дурного вкуса. Но если вы — вы должны быть, конечно, достаточно чувствительны — если вы растопите сахара на языке и тем самым подготовите язык, то вам может показаться, что у воды кислый вкус. Такое свойство у вкуса. В том виде, в котором он известен взрослому человеку, он возникает не во рту, а в желудке. Ребенок это чувствует, хотя, конечно, еще не думает об этом; поэтому он знает вкус не так, как знает взрослый человек возникающий во рту вкус. Поэтому ребенок должен получать такие продукты питания, которые даже внутри желудка не имели бы слишком плохого вкуса. А таким продуктом как раз и является материнское молоко или молоко вообще по той причине, что оно не приобретает в желудке слишком плохого вкуса, ведь ребенок имеет сродство с молоком. Он сам родился из того тела, которое может производить молоко. Следовательно, ребенок чувствует свое сродство с молоком. Поэтому молоко не вызывает в нем плохого вкусового ощущения. Однако если ребенок слишком рано получает другие средства питания, они кажутся ему противными. У взрослого это не происходит, так как его вкусовое чувство огрубело. Но ребенку это кажется противным, так как он не испытывает сродства с этими поступающими извне продуктами.

Вы видите, что из желудка, после того, как пища пропиталась в желудке пепсином, пища входит в тонкий кишечник, в тонкий кишечник, в толстый кишечник и так далее.

Я могу написать здесь около слова «желудок» — «детское ощущение вкуса» (см. схему).

Если бы пищевая кашеца просто распространялась здесь и с нею не происходило ничего иного, то она становилась бы в желудке жесткой, каменной массой и могла бы привести человека к гибели. Но с этой пищевой кашецей происходит нечто другое.

схема

Рот	Вкус	Птиалин
Желудок	Детское ощущение вкуса	Пепсин
Поджелудочная железа	Чувство печени	Трипсилин
Печень		Желчь

То, что происходит тут, осуществляется прежде всего опять-таки с помощью железы. Во рту мы имеем железу, в желудке — железы; теперь же мы имеем дело с большой железой сзади желудка. Следовательно, если здесь находится желудок, то за желудком, если человек смотрит спереди, находится довольно крупная железа, а перед этой железой располагается желудок. Итак, эта железа находится позади желудка. Эта железа, которую называют поджелудочной, тоже выделяет своего рода слюну, и эти выделения через тонкий канал поступают в кишечник. Так что в кишечнике пища в третий раз пропитывается своего рода слюной. И вещество, которое выделяется этой поджелудочной железой, претерпевает в человеке дальнейшие изменения. Сначала поджелудочная железа выделяет это вещество. Оно почти такое же, как пепсин желудка. Но затем, по пути в кишечник, оно видоизменяется. Оно становится более едким. Пища должна быть теперь охвачена чем-то более едким, острым, чем прежде. И этот более едкий вид слюнообразного

вещества, выделяемого поджелудочной железой, называется трипсином. Так что в качестве третьего мы имеем поджелудочную железу. Тут выделяется трипсин, во всяком случае, выделяется то, что в кишечнике превращается в едкий сок трипсина. Таким образом, пища в третий раз пропитывается слюноподобным веществом. И каждый раз с ней происходит нечто новое.

Происходящее уже не может быть воспринято сознанием человека в голове — как я вам говорил об этом в последний раз — но то, что возникает из пищевой кашицы, воспринимается теперь, чувствуется или ощущается как вкус печени и осмысливается почками. Следовательно, все то, что происходит тут, в желудке, осмысливается почками и воспринимается печенью. При этом, следовательно, душевное начало имеет свое местопребывание в почках и в печени, и оно воспринимает так же, как человек воспринимает с помощью головы. Только он об этом ничего не знает. В лучшем случае он видит сны — и я рассказывал вам об этом в последний раз, — тогда все происходящее доходит до его сознания в образной форме. То, как пищевая кашица змееобразно продвигается по кишечнику и постоянно смешивается с трипсином, вызывает возбуждение, и человек воспринимает его во сне как змею. То, что человек воспринимает здесь, является, следовательно, перемещением (сознания — примеч. перев.) в неотчетливое, неясное душевное начало.

Итак, печень воспринимает все эти события с птиалином, пепсином, трипсином. Я должен их называть именно так; наука, к сожалению, дает этим вещам такие скверные наименования, но если бы кто-либо, не проявляя особых симпатий к этой науке, захотел внести ясность в этот предмет, если бы кто-то захотел дать этим вещам иные наименования, то все в науке могло пойти кувырком; это можно было бы сделать, но чтобы не переверачивать все вверх дном в науке, этого не делают и используют старые наименования — птиалин, пепсин, трипсин. Дело, следовательно, обстоит так, что пища в третий раз пропитывается слюнообразным составом. При этом в основе лежит чувство печени (см. схему).

Что это за чувство печени, господа, вам станет ясно, если вы вспомните, что происходит — если вы имели уже такой опыт, — когда человек подносит к носу достаточно острый лук. Появляются слезы, не так ли? Если поднести к носу хрен, тоже появятся слезы. Почему же это происходит? Это происходит оттого, что хрен или лук оказывают воздействие на слезную железу, и слезная железа выделяет горьковатые слезы. Видите, господа, примерно так же, как лук или хрен, действует и эта движущаяся по кишечнику пищевая кашица, и печень выделяет желчь подобно тому, как глаза выделяют слезы. Лук должен быть воспринят для того, чтобы он вызвал слезы; его надо почувствовать. Вот так и печень чувствует эту пищевую кашицу и выделяет желчь, которая добавляется к последней. Это четвертое.

После того, как на пищевую кашицу рот воздействовал посредством птиалина, желудок — посредством пепсина, поджелудочная железа — посредством трипсина, к этой пищевой кашице добавляется еще желчь из печени. И только тогда осуществляется мышление посредством почек.

Только когда пищевая кашица так подготовлена, когда она четыре раза пропитана слюнообразными веществами, только тогда она поступает через стенки кишечника в лимфатические сосуды, а оттуда в кровь. Следовательно, мы можем сказать: в человеческом теле осуществляется исключительно сложный жизненный процесс. Начиная от рта и заканчивая переходом в кровь пищевой кашицы, эта последняя непрерывно изменяется, чтобы она могла быть правильным образом переварена не только в желудке, но и во всем человеческом теле.

Но теперь она снова подвергается воздействию иного рода. Не правда ли, вы могли бы сказать, если бы вы сами — только представьте это, господа — если бы вы сами находились в химической лаборатории и, будучи к тому же умнейшим профессором, должны были проделать все описанное — вы бы этого не сумели; вы должны были бы сперва прожевать всю эту пищу и пропитать слюной, находящейся во рту, затем пропитать слюнообразными выделениями желудка, затем слюнообразными выделениями кишечника и, наконец, желчью! Все это происходит внутри, вы проделываете это каждый день. Но если бы вы захотели проделать все это в лаборатории, у вас бы это не получилось. Человек обладает рассудком, но то, что разумным образом совершается в его животе, осуществляется с гораздо большей степенью разумности, нежели та, которой обладают на Земле люди. То, что тут происходит, представляет собой исключительно мудрый, исключительно

разумный процесс. Имитировать его человек пока не в состоянии.

Но вы будете относиться к этому процессу с еще большим уважением, если я опишу вам его в подробностях. Что ест человек? Человек ест растительные вещества, вещества животного происхождения, минеральные вещества; благодаря этому в его рот, желудок и кишечник поступают самые различные вещества, которые должны быть преобразованы, которые должны быть изменены посредством смачивания их слюнообразными ферментами.

Представьте, что вы едите картофель. Из чего состоит картофель? Картофель главным образом состоит из того, что известно как крахмал. Вам также известно, что крахмал готовят из картофеля. Следовательно, когда вы едите картофель, вы едите, в сущности, крахмал. Итак, это первое из того, что вы едите. Мы едим крахмал. Есть много крахмало-содержащих продуктов. Картофель почти целиком состоит из крахмала, только крахмал еще пропитан некоторыми жидкостями, например водой. Благодаря этому картофель выглядит таким, каков он есть; он, кроме того, живой, а не мертвый. Вы едите живой крахмал, картофель. Но для этого он, как я вам говорил, должен быть умертвлен. Итак, это чистый крахмал. В растениях повсеместно находится крахмал, то, что вы едите из растительного царства, всегда содержит крахмал.

Что вы еще едите? То, что вы берете из растительного или животного царства, содержит белки. Белки вы едите в обычном курином яйце; вы используете их так, как они есть, только немного умерщвляете. Но вы едите белки, входящие в состав мышечного мяса или в состав растений. Итак, второе — это белки и вещества, содержащие белки.

И третье, что вы едите, и что отличается как от крахмала, так и от белков — это жиры. Жиры — иное вещество, нежели крахмал и белок. В растениях жиров меньше, чем в животных. Есть так называемые растительные жиры. Человеку необходимы жиры или из растительного, или из животного царства, если он хочет нормально питаться. Итак, жиры есть третье из того, что человек использует в качестве продуктов питания.

Четвертым являются соли. Человек всегда должен принимать такую пищу, которая от природы содержит достаточно солей, по меньшей мере, содержит их некоторое количество, либо, как вы знаете, люди ставят на стол солонку, берут оттуда соль пальцами, или маленькой ложечкой из рога, или на кончике ножа и посыпают ею суп и другие продукты. Все это съедается. Это необходимо для нас. Это и есть то четвертое, что мы едим; тут я должен написать слово «соли», так как есть разные соли.

Все это поступает в кишечник и в кишечнике изменяется.

Что же возникает из всего этого, господа? Благодаря тому, что пища хорошо подготавливается посредством слюны во рту, слюнообразных выделений желудка, она может в кишечнике в третий раз подвергнуться обработке слюнообразным веществом, тогда она не твердеет, но изменяется, становится другой.

схема 2

КРАХМАЛ — САХАР
БЕЛОК — ЖИДКИЙ БЕЛОК
ЖИРЫ — ГЛИЦЕРИН, КИСЛОТЫ
СОЛИ — СОЛИ

Чем становится крахмал? Крахмал становится сахаром. Следовательно, если вы едите крахмал, в желудке получается сахар. Мы не нуждаемся в сахаре — если мы хотим иметь его в себе, а не есть — по той простой причине, что мы его сами производим. Но у человека бывает так, что он не все может произвести, хотя человеческая природа способна на очень многое. Сахара она производит слишком мало, у некоторых людей даже слишком мало. Тогда необходимо особым образом добавить сахара в пищу или добавить то, из чего он может быть изготовлен в кишечнике, что в ином случае, когда жизненные процессы в норме, кишечник делает сам. И кишечник из крахмала делает сахар. Это своего рода большое искусство.

Еще одно: вы ведь знаете, что для людей со слабым желудком лучше есть яйца всмятку, чем совсем крутые. Вы знаете еще и то, что если яйцо стало плохо пахнуть, оно никуда не годится. Белок является хорошим питательным средством, но если бы мы перенесли его в живом состоянии в кишечник, этот белок в нас тоже

стал бы издавать скверный запах и стал бы непригодным для использования. Мы не можем использовать в нашем кишечнике белок в том виде, в каком он находится вовне. Этот белок тоже надо преобразовать, в первую очередь, он должен быть растворен. Если вы положите его в воду, то он не растворится. Он должен стать совсем другим, чтобы он растворился. И особенно сильно растворяет белок трипсин. Так из белка возникает жидкий белок.

И в то время, пока возникает жидкий белок, в человеческом организме образуется еще нечто; благодаря воздействию этой кишечной слюны, выделяемой поджелудочной железой, образуется еще нечто. Как бы смешно это не было, тут образуется алкоголь. Человек производит алкоголь в себе. Нет необходимости пить алкоголь, человек в себе имеет источник этого алкоголя. Алкоголь возникает в кишечнике. Если же человек становится пьяницей, то это происходит лишь по той причине, что печень его очень жадная. Она не довольствуется тем, что воспринимает алкоголь, небольшое количество которого образуется в кишечнике; она требует больше алкоголя, и тут человек становится пьяницей.

Видите ли, люди, которые узнали об этом, даже выдвигают это в качестве причины, чтобы пить вино и пиво. Они говорили так: хотя тут и есть противники алкоголя, но человек вовсе не должен быть противником алкоголя, поскольку он сам производит алкоголь в своем кишечнике. Однако последнее вовсе не является основанием, чтобы становиться пьяницей, чтобы пить слишком много алкоголя. Ибо если человек употребляет слишком много алкоголя, то он, тем самым, идет на поводу у своей печени, которая страстно желает алкоголя, и тогда печень становится больной, она из-за всего этого вырождается и распухает. Но ведь печень должна находиться в рабочем состоянии. Печень увеличивается в размерах, и маленькие железы раздуваются. И если печень должна производить работу по выделению желчи, то она уже не производит нормальную желчь. К пищевой каше в кишечнике желчь не добавляется должным образом. Такая неправильно переработанная пищевая каша переходит в лимфатические сосуды и в кровеносные сосуды. Это поступает в сердце и атакует его. Поэтому люди, которые пьют слишком много пива, имеют болезненную печень, и выглядит она у них совсем иначе, нежели у тех, кто пьет мало или даже довольствуется тем незначительным количеством алкоголя, которое образуется в кишечнике человека, поскольку даже этого в основном достаточно. Вырождающаяся печень и вырождающееся сердце — вот последствия чрезмерного употребления алкоголя. Поэтому возникает пивное сердце, которое имеет большинство населения Мюнхена. Но при этом и печень оказывается истощенной, перерожденной. Видите ли, вырождение и различные заболевания можно понять, если указанным образом рассматривать различные стадии, которые проходят в организме пищевая каша.

Я говорил вам, что возникает, если белок становится жидким. Тогда алкоголь проникает внутрь белка и препятствует возникновению дурного запаха. Вы ведь знаете, что если хотят законсервировать какое-либо живое существо, его сохраняют в спирте, так как алкоголь, как я уже говорил, является консервантом. Он может хранить. Белок может сохраняться в организме благодаря тому, что к нему добавляется спирт, причем сам организм производит эту добавку. Это весьма разумно.

Но происходящие при этом процессы настолько тонки, что человек не смог бы воспроизвести их. Если он, скажем, хочет сохранить какой-либо член тела человека или хочет сохранить маленькое живое существо, он помещает это в спирт и выставляет в своем естественнонаучном кабинете. Однако гораздо более тонким, более одухотворенным образом продельывает то же самое трипсин в человеческих кишках; тут выделяется алкоголь, и белок помещается в алкоголь.

Что же происходит с жирами? Да, господа, жиры поступают в кишечник и видоизменяются там благодаря выделениям поджелудочной железы и взаимодействию с желчью. Из жиров возникают вещества двух видов. Одно из них — это глицерин. Глицерин известен вам внешним образом, но и в себе ежедневно производите глицерин. Другие вещества — это кислоты. Итак, из жиров возникают глицерин и кислоты, всевозможные жирные кислоты.

И только соли, они остаются прежними, они изменяются мало; самое большее — это то, что они растворяются и тем самым лучше поддаются усвоению при переваривании. Но, в сущности, они остаются такими же, какими мы их принимали. Так что соли остаются солями (см. схему 2).

Следовательно, употребляя соответствующие продукты, мы поедаем крахмалосодержащие вещества, вещества, содержащие белки, вещества, содержащие жиры и вещества, содержащие соли. После этого мы перевариваем их и имеем тогда вместо крахмала, белков и жиров сахар, растворенный, жидкий белок, глицин, кислоты и соли.

Так что же происходит с тем, что находится в нас? Мы имеем в нас нечто совершенно иное, нежели то, что было нами съедено. Мы имеем все это в совершенно иной измененной форме.

Видите ли, несколько столетий тому назад здесь, в Швейцарии — он, впрочем, побывал и в других местах — был один врач, к которому современная наука относится с презрением, но который, однако, обращал внимание на все эти процессы. Это был Парацельс. Он был профессором в Базеле. Однако здешние ребята прогнали его, потому что он знал больше, чем они. Даже сегодня его повсеместно поносят. Несмотря на то, что он был очень разумным человеком, с ним случилось так, что он сорвался со скалы и разбил себе голову. Последнее время своей жизни он провел в Зальцбурге. Он был врачом. Если бы он оставался — как это говорят сегодня — почтенным гражданином, государственным статским советником Зальцбурга, о нем бы сохранились самые лучшие воспоминания. Однако он был человеком, который знал больше, чем другие. И вот о нем сказали: он, мол, был пьяница, он напился и сорвался со скалы. Что ж, так заведено в мире. Итак, он кое-что знал о мире, и он самым настойчивым образом указывал на то, что во внутренностях человека находится некая преобразующая сила. Но с того времени прошли века, и обо всем этом было забыто.

Так что же происходит со всем тем, что находится внутри? На этот счет у науки имеется одна крупная иллюзия. Ведь наука, видите ли, говорит: все то, что возникло теперь как сахар, жидкие белки, алкоголь, глицерин, жирные кислоты и соли, все это поступает в кровеносные сосуды, а оттуда — в сердце и от сердца по кровеносным сосудам разносится по всему остальному организму. Тут мне хочется сказать вот что: естественно, что с наиболее плотными веществами дело так и обстоит — там все в жидкой форме, но ведь и среди жидкостей есть и более и менее плотные жиры, — итак, с наиболее плотными из всех, что тут находятся, так и происходит: они переходят в сосуды и оттуда распространяются по телу. Но, господа, разве вы никогда не замечали, что если взять стакан воды, опустить туда сахар, а затем выпить, то сладким оказывается не только то, что находится внизу стакана, куда был положен сахар? Вся вода в стакане станет сладкой, не так ли?! Сахар, ставший жидким, растворяется во всей воде. Точно так же и соль. А ведь внутри стакана нет никаких сосудов, которые могли бы разносить соль и сахар во все его части, тем не менее, это происходит.

Некоторое время тому назад я рассказывал вам, что человек, собственно, на девяносто процентов состоит из воды, или по крайней мере, из жидкости. Это живущая вода, но это вода. Так нуждаются ли находящиеся там вещества именно в сосудах, чтобы распространяться по всему телу? Если здесь, в кишечнике, работает сахар, то разве только по сосудам сможет он распространиться по всему телу? Человек состоит из воды, поэтому сахар может распространяться в нем.

Некоторые люди говорят: если человек пьет вино, то весь алкоголь, который этот человек принимает, идет по такому пути: из кишечника в сердце и только оттуда — во все остальное тело. Я могу дать вам гарантию, господа, что если бы все количество алкоголя, которое вливает в себя такой пьяница, обязательно проходило через сердце, то этот алкоголь погубил бы его не за несколько лет, а за несколько дней. Можно действительно подчеркнуть, что всё, принимаемое внутрь в жидкой форме, распространяется по телу не только посредством сосудов, но переходит в тело подобно тому, как сахар в стакане с водой распространяется во всем объеме воды в стакане. Если кто-либо, обладая достаточно здоровым организмом, выпьет стакан воды, причем выпьет его по причине жажды, то этот первый стакан воды действительно окажется переработанным в кишечнике, добавится к пищевой каше и действительно перейдет оттуда в сосуды, и затем через сердце попадет во все тело. Но если сосуды и сердце уже достаточно наполнены, то вы можете пить воду сколько вам угодно; она больше не пойдет в сосуды, поскольку она там уже не нужна. Если вы выпили один стакан воды, столько, сколько необходимо для удовлетворения жажды, то ваше тело не затронет их; если же вы выпили слишком много воды, то уже после третьего-четвертого стакана вода быстро начнет

выделяться с мочой. У нее нет времени идти в обход через сердце, она просто выделяется, ведь человек — это, в сущности, водяной столб; она выделяется вместе с мочой, если ее слишком много. Вспомните, что происходит, когда за пивным столиком собираются люди: после третьей, четвертой кружки пива то один, то другой куда-то убегает! У пива совсем нет времени, чтобы сначала дойти до сердца, оно идет по гораздо более короткому пути и выделяется; ведь человек представляет собой жидкое тело.

Мы могли бы сказать: пищевая кашица, которая теперь состоит из сахара, жидкого белка, глицерина, кислот и солей, переходит в тело; только наиболее плотные части переходят в тело при посредстве суставов. Происходит так, что в голове откладываются соли, во всем остальном организме тоже происходит отложение солей, которые идут не по сосудам, но переходят в эти органы непосредственно.

Видите ли, если бы события развивались таким образом, что человек стал ощущать всю ту соль, которая откладывается у него в голове, если бы он постоянно ощущал это, то он испытывал бы постоянную головную боль. Вы, может быть, слышали кое-что о мигрени. Я тоже уже говорил здесь об этом. На ранних ступенях можно объяснять вещи по-разному. В чем же состоит мигрень? Мигрень состоит в том, что все это перераспределение пришло в беспорядок, и в голове стало откладываться слишком много солей, так называемых солей мочевой кислоты. Соли мочевой кислоты вместо того, чтобы выводиться вместе с мочой, уриной, остаются в случае мигрени как отложения в голове; это происходит оттого, что другая пища перерабатывается неправильно и соли удерживаются. Мигрень отнюдь не является благородной болезнью, хотя по большей части именно благородные люди страдают ею. Мигрень можно даже назвать неприличной болезнью. То, что должно было бы выделяться вместе с мочой, откладывается в правой стороне головы из-за того, что уже в желудке оно обрабатывается с нарушениями. Итак, то, что в организме действует с левой стороны, в голове действует с правой стороны. В ближайшее время я еще объясню, почему это происходит.

Так что дело в том, что ингредиенты, которые должны были бы выделяться вместе с мочой, откладываются тут, в правой стороне головы.

Сколько же соли может вытерпеть человек? Вспомните о том, что я уже говорил вам однажды. Вспомните: в голове находится ликвор, спинномозговая жидкость. Только благодаря тому, что внутри находится ликвор, мозговая жидкость, благодаря тому, что мозг так легок, он вообще может находиться в человеке. Ибо тело, находящееся в воздухе, обладает известной тяжестью, некоторым весом. Но если мы погружаем это тело в воду, оно становится легче. Если бы это было не так, никто не смог бы плавать. И вы видите, мозг, если бы он не был помещен в воду, весил бы примерно 1500 граммов. Я уже говорил вам однажды: благодаря тому, что мозг плавает в ликворе, в воде, он весит только 20 граммов. Он становится намного легче; его вес составляет всего 20 граммов! Но чем больше соли откладывается в мозгу, тем тяжелее он становится, поскольку соль увеличивает вес мозга. Из-за соли он становится тогда слишком тяжелым.

Итак, мы можем сказать: у человека дело обстоит так, что когда в его мозгу происходит отложение солей, соли делаются легче — ведь и весь мозг становится легче (благодаря выталкивающей силе). Но подумайте о том, что у человека дело идет не так, как у животного. Вы должны подумать о том, что голова человека помещается наверху всего остального его организма. И голова имеет основательную опорную поверхность. У животного все обстоит иначе. Его голова расположена не на опорной поверхности; голова животного явно направлена вперед. Что из этого следует? У человека давление, которое оказывает голова — хотя она довольно легкая, — принимает на себя тело. У животного же она не опирается на тело. Видите ли, в этом состоит главное отличие человека от животного.

Естествоиспытатели задумываются над вопросом, как человек развился из животного.

Это очень хорошо, если на эту тему размышляют, но человека так рассматривать нельзя. Нельзя говорить: животное имеет столько-то костей и человек имеет точно столько же костей. Обезьяна имеет столько же костей, сколько имеет их человек. Следовательно, это одно и то же. Так говорить нельзя. У обезьяны всегда сохраняется та особенность, что голова свисает вперед, если она идет распрямившись, это сохраняется даже у орангутанга и у гориллы. Человек же

устроен таким образом, что его голова поднесена на тело сверху, все давление принимает на себя тело. Что тут происходит?

Тут происходит нечто в высшей степени своеобразное. Мы имеем в нас сахар, текучий белок, глицерин, кислоты, соли. Соли, которые из области живота поднимаются в голову и откладываются там, должны — в случае, если их слишком много — возвращаться назад, они должны возвращаться назад через все тело. Но в отношении остальных веществ в теле должно происходить еще нечто иное. И тут, в то время, когда вещества поднимаются вверх, происходит новое преобразование. Оно происходит по той простой причине, что тело приостанавливает действие силы тяжести. Некоторая часть веществ становится все легче и легче; другая же часть оседает, как наиболее плотная. Подобно тому, как при растворении выпадает осадок, повсюду на пути от брюшной полости к голове выпадает осадок; более тонкие частицы поднимаются вверх и посредством этой облегченной силы тяжести преобразуются. Что же возникает, если наиболее легкие пищевые ингредиенты доходят до головы и преобразуются? Там из пищи возникает своеобразный фосфор. Это действительно происходит: из пищи возникает своеобразный фосфор, так что эта пища не просто поднимается в голову. Поднимаясь вверх, туда проникает многое; сахар, глицерин и так далее, все, что возможно, проникает вверх, но часть этого, перед тем как подняться, преобразуется в фосфор.

Видите ли, господа, в нашей голове мы имеем соли, которые были приняты из внешнего мира и почти не изменились, поднявшись вверх; также мы имеем там распространившийся в газообразном, очень тонком разреженном состоянии фосфор, находящийся в гораздо более тонком, разреженном состоянии, чем воздух. Это и есть самые главные вещества в голове у человека: соли и фосфор. Другие находятся здесь только для того, чтобы он мог сохранять себя в качестве живого существа. Но наиболее важными являются соли и фосфор. Так что мы можем сказать: в голове человека важнейшее — это соли и фосфор.

Можно было бы доказать, используя тот способ, который я вам в ближайшее время еще объясню, что если человек не имеет в голове положенного количества соли, то он не может нормальным образом мыслить. Человек должен иметь в голове такое количество соли, которое соответствует норме, чтобы он мог нормально мыслить. Соль в голове представляет собой то, что должно служить для мышления. Это относится к тому, что я вам уже говорил о мышлении. В человеке все очень сложно.

А если мы имеем в себе слишком много фосфора, это означает, что мы едим слишком огненную пищу, и тогда мы превращаемся в страшно вертлявого непоседу, который атакует все подряд, который всегда хочет изъяслять свою волю. Благодаря тому, что мы имеем фосфор, у нас есть воля. Если же фосфора слишком много, тогда эта воля становится чересчур непоседливой. А если организм таков, что он благодаря своему общему составу посылает вверх в голову слишком много фосфора, тогда человек становится не только непоседливым, и, как говорится, нервным — дело тут как раз не в нервах, а в фосфоре, — он не только суетливо мечется по всему свету, но он начинает буянить, становится безумным, становится буйнопомешанным. Мы должны иметь в себе совсем немного фосфора, для того чтобы мы вообще могли проявлять волю. Но если в нас самих слишком много фосфора, то мы становимся сумасшедшими.

Теперь, господа, представьте-ка, что вы подаете кому-то соль: как могли бы вы при этом вызвать мышление? Мне бы хотелось посоветовать вам: возьмите солонку и попытайтесь тем самым вызвать мышление! Вы постоянно делаете это; в вашей голове вы делаете это постоянно, вы используете соль, чтобы мыслить. А затем, пожалуйста, соскребите со спички немного фосфора, отслоите его немножко, чтобы он был мелким, затем подожгите его снизу и попытайтесь сжечь его. Он должен при этом обнаружить волю! Сгореть, то есть ускользнуть он может, но вот проявить волю он не может! Но ведь вы постоянно делаете это в себе. Разве теперь вы не скажете, что в вас есть нечто такое, что поистине гораздо разумнее, чем наша глупая голова, которая мало что может, которая не может сделать из соли мыслящее существо, а из фосфора — существо, обладающее волей? Это нечто в нас и есть то, что можно назвать душевно-духовным началом. Это нечто живущее, ткущее, это то, что можно назвать душевно-духовным началом. Оно как бы вложено внутрь нас, оно использует соль в голове для мышления и использует фосфор,

поднимающийся вверх подобно совсем тонкому дыму, чтобы изъяслять волю.

Так, при правильном рассмотрении мы переходим от телесного начала к душевному и духовному. Но что делает современная наука? Дойдя до живота, она прекращается. В лучшем случае она знает, что в животе возникает сахар и так далее; но на этом она сбивается со следа и если там происходят дальнейшие изменения, она уже не знает об этом. Поэтому наука ничего не может рассказать о душевном и о духовном. Эта наука должна быть расширена, должна быть более целостной. Нельзя ограничиваться брюшной полостью, а голову рассматривать, в лучшем случае, как то, что насажено сверху. При этом, конечно, не видят, как соль и фосфор поднимаются. Думают, что в голове происходит то же самое, что и в животе. Все зависит от того, что сегодняшняя наука знает кое-что только о животе, знает, что там что-то возникает; однако она совсем не знает о том, что печень может воспринимать, а почки — мыслить. Этому они уже не знают. А не знает наука этого по той причине, что она ничего не знает о голове. Она и не ищет этого знания, она считает совершенством, если ей удастся положить на стол патологоанатома кусок печени.

Но это весьма далеко от совершенства; ведь в том состоянии, при котором можно просто вырезать печень из тела, души там уже нет. А пока душевное начало еще пребывает внутри, вы не можете вырезать печень. Итак, вы видите, что серьезная наука должна идти дальше, туда, где современная наука вынуждена остановиться. Вот в чем тут дело. Мы для того и построили здесь Гётанум, чтобы наука могла обяснить тело человека в целом, а не ограничиваться несовершенными знаниями на уровне живота. Вот тогда это будет настоящая наука.

О РАННИХ СОСТОЯНИЯХ ЗЕМЛИ СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 20 сентября 1922 г.

Господа, для того, чтобы понять человека лучше, чем мы понимали его до сих пор, давайте рассмотрим Землю. Когда земные люди сходятся вместе, им следовало бы рассматривать жизнь человека — его физическую жизнь — не саму по себе, но следовало бы рассматривать также и Землю.

Если приходишь в какой либо естественнонаучный музей, то видишь там остатки животных, а также растений, которые жили на Земле в очень давнее время. Вы, конечно, можете представить, что на Земле происходили разные события еще до того, как эти древние животные и растения при известных условиях были уничтожены. Вам также, может быть, вполне понятно, что, например, от некоторых животных в земле, в лучшем случае сохранились одни только кости, тогда как мускулы, мягкие ткани, сердце и другие органы исчезли, очень скоро разрушились, и поэтому можно найти лишь окаменевшие кости; это кости, которые после смерти животного были заполнены каким-либо материалом, например, в них попал ил. Можно найти только эти затвердевшие окаменелости, можно выкопать их, и на основе имеющегося — а это может быть всего лишь обломок кости — надо составить представление о том, как это когда-то выглядело на Земле. Вы можете также представить, что сегодняшнее состояние на Земле не могло возникнуть, если бы ему не предшествовало иное время, когда жили совсем другие животные и растения. Земля когда-то должна была выглядеть совсем иначе. Об этом я буду рассказывать вам сегодня.

Видите ли, об одном естествоиспытателе, Кювье, который жил в XIX столетии, говорили, что он, получив только одну кость, может составить представление о том, как выглядело это животное в целом. Если по-настоящему исследовать форму костей, если, например, иметь только одну-единственную кость предплечья, можно составить представление о том, как должно было выглядеть все в целом, ведь форма каждой отдельной кости изменяется в соответствии с изменениями во всем теле. Следовательно, даже по отдельной кости можно твердо установить, как выглядело все тело. Не говоря о том, что в нашем распоряжении иногда бывают целые скелеты животных, когда-то живших на Земле, мы имеем также и упомянутые отдельные кости, и на основе этого можно составить представление о том, как все это когда-то должно было выглядеть на Земле.

Сейчас я приступаю к описанию того состояния Земли, которое было в очень раннюю эпоху, много тысячелетий тому назад. Это состояние я хочу описать вам в своем рассказе. С подробностями мы познакомимся позднее, но сейчас я хочу

просто рассказать, как все когда-то выглядело на Земле, на которой мы обитаем сегодня. О сегодняшнем состоянии вам ведь все известно.

Это было так. Представьте себе Землю, кусочек которой я хочу изобразить здесь (см. рисунок 13). Эта Земля, однако, еще не имела таких горных образований, как сегодня, эта Земля была, в сущности, такой, какой становится поверхность Земли в настоящее время, если неделя за неделей идет дождь и образуется илистая грязь. Итак, поверхность Земли еще не была твердой, как сегодня, она была еще вязкой, илистой. Если бы уже тогда были люди в их современном виде, то этим людям пришлось бы или плавать — причем они бы постоянно пачкались в иле и были страшно грязны — или им приходилось бы постоянно тонуть. Следовательно, людей в их нынешнем облике тогда еще не было. Тогда Земля была

Рисунок

вязко-илистой, топкой и грязной, и все находилось внутри этой илистой Земли. Если сегодня, оказавшись на природе, вы возьмете камень, такой камень, какой принес однажды господин Эрбсмель, или если вы в Швейцарии заберетесь поглубже и найдете еще более твердые камни, то вы должны представить себе, что все эти камни были когда-то растворены в этой похожей на трясину Земле подобно соли, которую вы растворяете в воде. Ибо в этой тинистой земле были разнообразные кислоты, которые растворяли все, что можно. Итак, короче, это была достойная внимания илистая грязь, из которой состояла земная почва. А поверх этой земной почвы не было того воздуха, в котором содержится только кислород и азот; в нем содержались в газообразной форме всевозможные кислоты. Даже такая кислота, как серная, присутствовала там, присутствовали пары серной и азотной кислот; все это входило в состав того воздуха. Уже отсюда вы можете принять к сведению, что человек в его сегодняшнем облике не мог бы там жить. Конечно, эти испарения были слабыми, но они содержались в этом воздухе. Кроме того, этот воздух имел еще и такое свойство: вы почувствовали бы в нем примерно так, как если бы залезли сегодня в хлебную печь, жарко прогретую для выпечки хлеба. Это было бы нечто невыносимое для современного человека, если бы он оказался в этом воздухе, в котором, кроме всего прочего, пахло серной кислотой и было крайне жарко.

Но наверху был еще и другой воздух. Он был еще жарче, чем тот, который находился внизу. В нем образовывались облака. В этих облаках, которые образовывались там — поскольку они содержали в себе всевозможные вещества, включая серную и азотную кислоту, — постоянно возникали молнии и мощный гром. Там постоянно блистали исполинские молнии. Примерно таким было когда-то окружение Земли.

Чтобы как-то обозначить то, что находилось наверху, я хотел бы назвать это огненным воздухом, поскольку этот воздух был страшно жарким. Он, однако, не был испепеляющим, палящим — это представление современной науки неверно — он не был опаляющим, он был не жарче, чем в хлебной печи. Температуры, характерные для пламени, достигались там, наверху, но чем ниже, тем становилось холоднее. Итак, этот воздух, находящийся наверху, я хотел бы назвать огненным воздухом, а то, что было внизу — земным илом.

Так мы получаем приблизительное представление о том, что когда-то было на Земле. Внизу находился коричнево-зеленый ил, который становился иногда плотным, как конское копыто, но затем снова размялся. То, что сегодня проявляется как зима, тогда выражалось в том, что ил становился плотнее, почти как конское копыто — он затвердевал. А летом, то есть когда светило Солнце, этот ил опять растворялся, размягчался и становился жидким. Вверху находилась эта жаркая атмосфера, в которой содержалось все, что позднее из нее выпало. Воздух очистился лишь позднее. Из этого состояния возникло другое, в котором жили удивительные животные. Итак, тут, наверху, как видите, в этом огненном воздухе жили всякие животные. Можно сказать, что они выглядели так: у них был хвост, целиком покрытый чешуей, который, однако, был плоским и мог в этом огненном воздухе служить в качестве хорошего крыла. У них были также крылья, как у летучей мыши, и вот такая голова. Когда в огненном воздухе больше не стало вредных испарений, они повсюду летали вверх. Именно такие животные были замечательно приспособлены к этому; конечно, если становились особенно сильными, если раздавались страшные удары грома и блистали молнии, то даже им становилось неуютно; но когда погода смягчалась, когда только немного потрескивало вверх и

вспыхивали тихие зарницы, то они охотно уживались и с этими зарницами, с этими слабыми молниями. Они летали всюду, у них даже были способы распространять вокруг себя электрические излучения и посылать их дальше вниз, на землю. Так что если бы внизу оказался человек, то он по этим электрическим излучениям мог бы почувствовать: там, вверху находится птичья стая. Это были маленькие драконообразные птицы, которые распространяли вокруг себя электрические излучения и обитали в среде из огненного воздуха.

Видите ли, эти птицы, эти драконообразные птицы, находившиеся там, были в высшей степени тонко организованы. Они имели отличные, тонкие органы чувств. Орлы, коршуны, которые возникли из них впоследствии, когда эти особи видоизменились, — орлы и коршуны от того, что имели эти древние особи, сохранили только острое зрение. Сами эти особи чувствовали благодаря своим крыльям, похожим на крылья летучих мышей; эти крылья были страшно чувствительны, почти так же чувствительны, как наши глаза. Они могли воспринимать с помощью этих крыльев; они чувствовали все, что происходило. Если, например, светила Луна, они испытывали в своих крыльях чувство удовольствия, они двигали крыльями; как собака виляет хвостом, если радуется, так и эти «прямлетели» махали крыльями. Лунный свет был им очень приятен. Они кочевали с места на место, и им особенно нравилось выбрасывать вокруг себя маленькие огненные облака; это свойство до нашего времени сохранилось только у светлячков. Если светила Луна, то эти существа наверху были подобны маленьким светящимся облакам. И если бы тогда были люди, они могли бы увидеть вверху целые рои из сияющих шариков и светящихся облаков.

Когда же светило Солнце, у этих существ пропадало желание распространять вокруг себя свет! Тогда они по большей мере замыкались в себе и перерабатывали то, что им удалось вобрать в себя из воздуха, в котором тогда еще были растворены все вещества. Они питались посредством всасывания. А затем при свете Солнца они все это переваривали. Это были замечательные «персоны». Они действительно существовали когда-то в огненном воздухе Земли.

Спустившись ниже, туда, где начиналась Земля с ее земным илом, мы находим животных, которые отличались огромными размерами, они были исполинской величины....(пропуск в тексте)... когда рассматриваешь этих животных, которые когда-то вели на самой Земле такую жизнь, когда они наполовину плавали, наполовину бродили по вязкому илу. Останки этих животных сохранились, их можно увидеть в естественнонаучных музеях. Этих исполинских монстров, которые существовали тогда, называют ихтиозаврами, рыбащерами. Об ихтиозаврах можно сказать, что место их обитания находилось уже на Земле. Эти ихтиозавры выглядели весьма примечательно. У них была своеобразная голова (изображается на доске), как у дельфина, но морда не была такой жесткой. Итак, голова дельфина. Вслед за тем шло тело ящерицы исполинских размеров, хотя и очень нежное, но со страшно толстой чешуей. Внутри головы у этой ящерицы были гигантские зубы, как у крокодила. Она имела зубы крокодила, так же, как и вообще все эти замечательные «ребята» имели замечательные крокодильи зубы. Затем она имела нечто, подобное плавникам кита — существо двигало ими и наполовину плавало — плавники были очень мягкими и с их помощью можно было и ползать, и плавать в иле.

Итак, имеется нечто, подобное плавникам кита, гигантское туловище, затем голова, как у дельфина, с острой мордой, заостряющейся спереди, и зубы крокодила. Замечательно было то, что существо имело огромные глаза, которые светились. Можно было увидеть электрические точки вверху, в облаках. Светящиеся птицы летали именно в лунную ночь. А когда наступали сумерки, то можно было — если бы все это можно было увидеть — можно было бы пережить в высшей степени неприятную для современного человека встречу; исполинский источник света,двигающийся навстречу, с туловищем больше, чем у современного кита, с плавниками, которые барахтаются в вязкой илистой воде; существо иногда приподнимается, если под ним становится тверже. Эта илистая вода становилась иногда такой же твердой, как лошадиное копыто. В таких местах можно было вылезти наверх. Затем существо двигалось дальше: плавники служили «руками», они были внутренне подвижны. Так оно, шлепая, перебиралось через рогаобразные наслаения, которые походили на пустыню, и плыло дальше в более мягких, топких местах. Затем оно грузно ступало дальше, потом, если снова попадалась трясина, перебиралось вплавь. Если бы там мог путешествовать на лодке какой-нибудь

человек — ходить он бы не смог, это было тогда невозможно, — то он мог бы встретиться с таким исполинским животным и даже взобраться на него по лестнице. Это было бы похоже на современный альпинизм. Могла повстречаться целая гора мяса! Но тогда было еще и нечто другое.

Все это доступно познанию; так же, как Кювье мог по одной кости определить животное, так можно и сегодня узнать, как жили эти ихтиозавры, от которых сохранились ископаемые останки. Можно узнать, что они тогда могли делать своими исполинскими плавниками, узнать, что у них были огромные глаза, которые издали блестящие, подобно громадным фонарям, так что можно было увернуться от встречи. Они передвигались поверху, то находясь на илистой земле, то погружаясь в нее.

Еще немного глубже находились другие животные. Они радостно шлепали по трясине и купались в ней, они были всегда страшно грязными, покрытыми коричнево-зеленой грязью. Эти другие животные иногда высывали свои чудовищные головы из мягкой илистой земли; в ином случае они переваливались с боку на бок и приподнимались наружу, где ил становился немного тверже. Там они, как ленивые свиньи, располагались на долгое время. Только иногда они выбирались на поверхность, вытягивая свои головы. При этом достойно внимания было следующее.

Те, другие животные с огромными глазами, известные сегодня по их остаткам, называются ихтиозаврами. Были, однако, и другие, которые больше находились в земле, плезиозавры. Эти плезиозавры тоже имели китообразное туловище с огромным брюхом, голову как у ящерицы, своего рода тело кита с головой ящерицы; однако глаза у них были расположены по сторонам, в то время как мощно светящиеся глаза ихтиозавров располагались спереди. Плезиозавры имели тело, как у кита, однако оно было целиком покрыто чешуей. Достойно внимания то, что несмотря на свою лень, несмотря на то, что они как гигантские корабли болтались в илистой земле, были постоянно погружены в нее, у них, тем не менее, уже были четыре ноги, четыре неуклюжие ноги, на которых они даже могли ходить со всеми удобствами. У них не было плавников, как у ихтиозавров, на которые те опирались. Ихтиозавры опирались на плавники, если они наступали на твердое; когда им приходилось опираться, плавники расширялись: так они становились «ногами». По ископаемым остаткам видно, что они должны были иметь страшно крепкие ребра.

Вот как выглядела Земля в этом состоянии; совсем внизу вели свою ленивую жизнь плезиозавры, ихтиозавры же плавали на земле и даже взлетали — ведь животные с плавниками могут взлетать, хотя и совсем высоко — а сверху над ними светились в сумерках при Луне блестящие облака, состоящие из драконообразных птиц, подобных звездам. Вот как это выглядело.

Плезиозавры были ленивы, впрочем, не без причины. Земля сама была гораздо ленивее, чем сегодня. В настоящее время Земля обращается вокруг своей оси за двадцать четыре часа. Но тогда это совершалось гораздо медленнее: сама Земля была более неповоротливой, ленивой. Она вращалась вокруг самой себя медленнее, и поэтому все шло по-другому. Даже то, что воздух сегодня стал более чистым, сильно зависит от того, что наша Земля совершает оборот вокруг своей оси за двадцать четыре часа; она, следовательно, с течением времени становится усерднее.

Наиболее неприятным — если судить об этом с точки зрения современного человека — наиболее неприятным было тогда положение драконообразных птиц, им приходилось плохо. Сами они не считали, что дело плохо, они испытывали огромную притягательную силу, страстное влечение к тому, что вы, услышав об этом сегодня, сочли бы чем-то скверным для этих драконообразных птиц. А было вот что: представьте себе ихтиозавра с его огромными глазами, которые щекочет очень знойный воздух; он взлетает, плавает, делает все, что возможно, но глаза его при этом очень сильно светятся. Такие светящиеся глаза привлекали этих птиц, находившихся сверху, как лампа привлекает мошек. Мошки в малом масштабе повторяют то же самое явление. Если вы зажжете лампу и в комнате есть мошки, они тут же налетают на нее и одновременно сгорают. Птицы, находившиеся там, сверху, были полностью загипнотизированы этими огромными глазами ихтиозавра, они устремлялись вниз, а ихтиозавр мог пожирать их. Так что ихтиозавры падали тем, что кружилось над ними в воздухе.

Если бы человек мог тогда странствовать по этой необычной Земле, он сказал бы так: тут находятся гифантские животные, и они пожирают огонь. Ведь это так и выглядело: огромные животные со свистом и шумом взлетают и пожирают огонь, который устремляется к ним из воздуха.

У плезиозавров же — я говорил вам, что они втыгивали голову вперед, — глаза тоже светились, и когда вниз шумно слетались птицы, плезиозаврам тоже доставалась их доля.

В реальной жизни все действует согласованно. Если вы плохо кормите собаку, то она тоже показывает вам свои крепкие ребра. Ихтиозавры объедали плезиозавров, съедая почти весь огонь: так что плезиозаврам доставались самые плохие огненные птицы; вот почему ребра у плезиозавров выпирали так сильно. Даже сегодня можно увидеть, что плезиозавры в древнейшие эпохи питались плохо.

Я говорил, что вы можете подумать так: ах, эти птицы наверху, эти прекрасные светящиеся птицы — ведь они и были прекрасны — эти прекрасные светящиеся птицы, как же плохо им приходилось. Но они шли на это охотно, они с чувством удовлетворения устремлялись к пасти ихтиозавра. Это доставляло им блаженство. Точно так же, как турки хотят попасть в рай, так и эти птицы почитали за счастье брести в пасть ихтиозавра.

Но в действительности, господа, я мог бы сказать, что неудобства испытывал сам пожиратель огня: он должен был пожирать птиц, поскольку это была его пища, — однако этот «огнеглотатель» подчас испытывал большие неприятности, нежели те, другие, оказывавшиеся у него в брюхе. Огненные птицы устремлялись вниз в порыве блаженства; но ихтиозавру было неприятно, так как в его животе, внутри него, возникла электризация всех видов. И под влиянием этого поедания огня и этой электризации, которая возникла в его чудовищном желудке, заполнявшем почти всего ихтиозавра — сам ихтиозавр не имел почти ничего под своей внешней оболочкой, а был главным образом вместилищем чудовищного желудка, — итак, под воздействием указанного влияния ихтиозавр становился все слабее и слабее. Это продолжалось достаточно долго — ведь рыба природа очень прожорлива; я недавно говорил о природе человека, но и рыба природа, в данном случае ихтиозавр, могла, конечно, перенести многое. Но, тем не менее, он мало-помалу становился все более и более слабым. Состояние слабости проявлялось у него по-разному. Его глаза светились уже не так сильно. Птиц не так сильно влекло к нему. И пища доставалась ему все труднее. Все больше и больше возникали у него боли и нарушения в животе. Что же означало все это? Ведь в этом мире все что-нибудь да значит.

Видите ли, в то время как эти ихтиозавры развешивались на Земле и пожирали огонь, а затем переваривали его в своем желудке, сам желудок преобразался: он, в конце концов, переставал быть нормальным желудком. И, наконец, дело доходило до того, что все эти ихтиозавры принимали другой облик. Они трансформировали себя.

Современная естественная наука скажет вам только одно: когда-то были другие животные, и они изменились. Это не лучше, чем когда человеку говорят: когда-то Господь Бог спустился вниз, взял кусок земли и слепил из него Адама. Первое утверждение столь же понятно, сколь и второе (то есть ничего не объясняет по существу — примеч. перев.).

Однако то, что я сообщаю вам сейчас, вы можете хорошо понять. Ведь благодаря тому, что ихтиозавры и плезиозавры пожирали драконообразных птиц, весь их внутренний организм трансформировался, и они становились другими животными. Эти изменения происходили также благодаря тому, что Земля вращалась все быстрее и быстрее — еще не так быстро, как в настоящее время, но быстрее, чем прежде, когда она была совсем неповоротливой. Кроме того, из воздуха выпадало все больше и больше веществ, которые были бы вредны для более поздних существ. От этих веществ атмосфера очистилась благодаря самой Земле. Все вещества, содержащие серу, были удалены благодаря самой Земле. Воздух становился все чище и чище, он становился хотя и не таким, как сегодня, но уже значительно чище, чем раньше. Только в более позднем состоянии воздух стал своего рода водяным воздухом, проникнулся водяными парами, туманом. До этого, раньше, воздух был чище, так как был горячее. Позднее он охладился и стал страшно затуманенным. Над Землей был сплошной туман, который никогда не прекращался, он не прекращался и под воздействием Солнца. Над Землей постоянно находился слой тумана. Ил тоже постепенно становился плотнее, и начали выкристаллизовываться

более поздние камни. Ил стал плотнее, он еще был. Внизу находилась плотная масса, затем — все более жидкая масса, коричнево-зеленая илистая масса, а сверху был пронизанный туманом воздух.

В этом туманном воздухе появлялись гигантские растения, поистине исполинские растения. Если вы ходите по лесу и видите папоротник (*Pteropsida* — примеч. перев.), то в настоящее время он весьма мал. Но много-много тысяч лет тому назад тут были гигантские похожие на этот папоротник растения, они слабо укоренялись в топкой илистой земле, растения, которые высоко вырастали и образовывали своеобразные леса там, где земной ил становился немного плотнее. Затем, позднее, на Земле развилось состояние, при котором все стало более плотным. Тогда уже были все камни, они отвердели, но не очень крепко, и были немного грубее, чем воск; между ними находился повсюду ил, и там вырастали эти исполинские папоротники, эти исполинские растения. Там, где внизу было достаточно много камней, возникали такие колючие леса с исполинскими деревьями. Затем шло свободное место, а за ним новый лес. С этими исполинскими лесами, с этими огромными деревьями, которые возникли в земной природе, ни ихтиозавры, ни плезиозавры ничего поделать не могли. Внизу для плезиозавров было слишком жестко, несмотря на то что и жидкого оставалось еще достаточно; для ихтиозавров это тоже было слишком жестко. Плезиозавры стали еще более грязными; на их чешуе образовались струпья. Жить они уже больше не могли. Но все эти животные еще навредили себе своей огненной пищей. Если бы вы прошли по этой более поздней земле — но тут слово «поздняя» означает тысячи и тысячи лет, — то выглядела бы она уже совсем иначе. Тут у нас (изображается на доске) были вот такие животные, от них тоже сохранились остатки, так что мы можем составить представление о том, как эти животные выглядели. Эти животные прежде всего имели чудовищное брюхо и чудовищный желудок, но они имели и голову, которая выглядела примерно так, как выглядит голова тюленя (*Phoca L.*), хотя гораздо грубее. Глаза уже стали черноватыми, тогда как глаза прежних животных светились. Они имели четыре ноги, довольно неуклюжие. Но кроме того, эти «ребятки» были полностью покрыты совсем тонкими волосами, а их ноги были похожи на неуклюжие руки.

Упомянутые животные вели на этой Земле замечательную жизнь. Некоторое время они проводили на твердой земле, но глубоко внизу, внутри илистой почвы, и в этом иле они передвигались. Двигалась главным образом их грудь. Они имели огромную грудь, которая была наполовину легкими, наполовину грудью. Это было так, как если бы легкие были еще совсем снаружи. В определенное время они приходили, переваливаясь с боку на бок, а также подплывали к этим лесам и пожирали деревья-папоротники. Следовательно, от пожирания огня эти животные перешли к пожиранию растений. Здесь были животные (изображается на доске), полностью покрытые своего рода шерстью, волосами, они обладали огромной грудью, похожей на неуклюжую голову тюленя. Если бы тогда кто-нибудь отправился на прогулку, то смог бы увидеть это животное, которое обычно находилось внизу, дышало под водой, увидеть, как оно вылезает наружу, располагается на берегу, идет в лес. Там с помощью своей огромной пасти они пожирали так много, что сегодня этой пищи хватило бы далеко не на одну трапезу; они пожрали большую часть этих гигантских лесов. Эти животные, как говорят, сохранились до сих пор, их в настоящее время называют морскими коровами, сиренами. (Во времена Штайнбаха сохранились еще отдельные особи морских коров на Командорских островах. В настоящее время они полностью истреблены. Их ближайшими родичами являются американские ламантины — примеч. ред.)

Каким же образом возникли эти животные? Видите ли, они возникли благодаря тому, что прежние животные пожирали воздушных животных. И из-за электрических сил их тела трансформировались. Не прямо из ихтиозавров, которых я описал, но из похожих животных возникли морские коровы, сирены (*Sirenia*). То, что они пожирали раньше, привело к изменению их внешнего облика. То, что они принимали внутрь себя, становилось их внешним обликом. Эти животные изменились благодаря тому, что они пожирали.

Именно это следует сказать, дополняя сегодняшнюю науку. Видите ли, раньше на Земле все было гораздо мягче, чем сегодня; эти животные приобретали форму, которая образовывалась благодаря тому, что они пожирали воздушных животных.

Эти драконообразные птицы, со своей стороны, тоже должны были изменить

свою форму, так как в воздухе уже не было веществ, которые были там раньше. Они переместились вниз, ближе к земле, и тут постепенно возникли позднейшие птицы.

Но внизу благодаря пожиранию образовывались другие облики. Так, например, из того животного, которое было плезиозавром, возникло животное, которое имело четыре ноги, подобные четырем огромным колоннам (изображается на доске), на них находилось огромное брюхо, неуклюжая голова, похожая на голову сирены (морской коровы — примеч. ред.), и хвост. Это тоже было исполинское животное. Оно было очень большое. Если вы наступите ногой на совсем маленького крапивника (*Trogladites L.*), то он, конечно, будет раздавлен. А это животное могло спокойно наступить на страуса, так велико оно было, и тот был бы просто растоптан. В настоящее время самые крупные животные по отношению к нему представляли бы собой то же, что представляет собой сегодня мышь по отношению к крупным животным. От этого животного тоже сохранились остатки. Оно называется мегатерий.

В соответствии со своей конституцией эти животные двигались медленно, как только и возможно передвигаться на четырех колоннах; питались же они тем, что теперь, после изменений, произошедших в воздухе, залетало к ним в пасть, в огромную пасть, внутри которой еще были крокодильи зубы, хотя и более мелкие. Некоторые животные еще сохранились, еще повсюду ползали такие ящерообразные животные, как крокодилы. Но мегатерии просто давили их насмерть, если проходили. Вот что происходило когда-то!

И только теперь, после того, как все это произошло, воздух стал постепенно освобождаться от водного пара — ибо все до этого жило в водяных парах, — наступило время, когда Солнце впервые смогло действовать на землю нормальным образом; ведь раньше солнечные лучи задерживались, поскольку воздух был подобен океану, хотя и очень разжиженному, но он был, тем не менее, подобен океану; солнечные лучи он задерживал. Так что солнечные лучи стали действовать на землю лишь в более позднее время.

Да, господа, вам надо внутренне рассмотреть всю эту историю. Животные, находящиеся внизу, ихтиозавры, плезиозавры, позднее — морские коровы, сирены, мегатерии — были, в сущности, довольно глупыми животными. Ихтиозавры были немного поумнее, но остальные были прямо-таки по-свински глупы. Одно этого нельзя было сказать о тех драконообразных птицах, которые находились наверху. Я уже говорил вам: их ощущения были исключительно тонки. Вы могли бы сказать; мы умные люди, и мы бы не стали залетать в пасть к ихтиозаврам и плезиозаврам. Однако я так не думаю. Если бы вы жили в то время и были драконообразной птицей, то и вы бы тоже куда-нибудь залетели. Тем не менее эти птицы обладали интеллектом. Эти птицы прежде всего обладали по отношению к Луне и Солнцу исключительно тонким ощущением, подобным ощущению наших глаз, эти драконообразные птицы ощущали всем своим телом, особенно своими крыльями, которые — правда, будучи уменьшены — и по сей день остаются органами восприятия у летучих мышей, которые тоже обладают исключительной чувствительностью.

Эти животные ощущали Солнце и Луну: Луну они ощущали так, как я уже рассказывал вам. Вокруг себя они создавали своеобразную электромагнитную оболочку, которая светилась. Когда же Луна освещала этот пронизанный огнем воздух, этот огненный воздух, они, используя свою собственную силу свечения, начинали подобно июньским светлячкам сверкать, блистать и переливаться в воздухе. Причем они чувствовали все это. Здесь не надо никакой фантазии, к этому можно подойти вполне научно, можно узнать также и то, что эти животные воспринимали небо, уславленное звездами иначе, нежели беззвездное небо. Они ощущали звездное небо; в своих крыльях они переживали своего рода блаженство при виде этого звездного неба, их крылья тогда покрывались крапинками. Внимательно наблюдая, можно даже сегодня найти доказательства, до известной степени подтверждающие эту историю. Конечно, от этих птиц, которые имели совсем еще мягкое тельце, сохранилось очень мало, и среди окаменелостей их обнаружить почти невозможно, но вот оттиски, отпечатки крыльев обнаружить можно. Тот, кому доводилось основательно изучать окаменелости, в частности, известковые окаменелости, мягкие окаменелости, тот мог бы обнаружить такие отпечатки крыльев. Но для этого надо «немного разогнуть пуговицы в своей голове», не оставаться «задранным», как профессор. Итак, если это отпечатки крыльев

драконообразных птиц — от самих крыльев, естественно, ничего не осталось, сохранились только оттиски в извести, — тогда на них, при тщательном наблюдении можно обнаружить рисунок, подобный звездам, который отпечатался вместе с крылом. Это и есть следы того воздействия, которое звезды оказывали ночью на эти крылья, подобные крыльям летательной мышцы. Они чувствовали смену дня и ночи.

Теперь мне уже нет необходимости описывать вам многое; вы и так могли бы сказать себе: а ведь вся эта история чертовски похожа на то, что я вам описывал недавно, говоря о печени и почках! То, что человек в настоящее время носит у себя в животе, является своего рода имитацией того, что происходило на Земле в прошлом. Эти драконообразные птицы были своеобразными очами, глазами, которыми обладала сама Земля. Это означает — сегодня я могу сказать вам об этом лишь в качестве завершения лекции, — что вся Земля в целом была некой Рыбой, неким Животным и все те огромные животные, которые жили на Земле, которые перемещались и переваливались повсюду, были подобны белым кровяным тельцам, находящимся в нас. Мы сами еще представляем собой в некотором роде такую Землю. Белые кровяные тельца, впрочем, хотя они и маленькие, по своему облику не так уж непохожи на тех животных; хотя их размеры малы, они выглядят почти так же, как выглядели когда-то те животные. Следовательно, вся Земля была огромнейшей Рыбой, огромнейшим Животным, а те драконообразные птицы были теми подвижными очами, с помощью которых Земля заглядывала в солнечное пространство, в космическое пространство и воспринимала его.

Сегодня Земля мертва, но это произошло лишь позднее. Первоначально Земля была живой, такой же живой, как и мы. И то, что я описывал вам как мегатериев, сирен, те морские коровы, плезиозавры, ихтиозавры и так далее, все это выглядело чертовски похоже на то, лишь в сильно увеличенных размерах, что сегодня блуждает в нашем теле как белые кровяные тельца. А то, что я описал как драконообразных птиц выглядит чертовски похоже на то, что происходит в наших глазах, только они неподвижны.

Итак, можно сказать: Земля была когда-то одним огромным Животным и в соответствии со своими размерами была неповоротлива, ленива, она медленно вращалась вокруг своей оси в мировом пространстве, но она заглядывала в мировое пространство посредством драконообразных птиц, которые были ее очами, только подвижными; Земля все это созерцала. То, что я вам описывал как пожирание огня и так далее, выглядит чертовски похожим на то, что еще происходит в желудке и в кишечнике. Драконообразные птицы опять-таки выглядели чертовски похожими на то, что является противоположностью белым кровяным тельцам, на мозговые клетки, которые простираются вплоть до глаз, как я это вам описывал.

Короче, вы можете понять Землю, если будете рассматривать ее как умершее животное. Земля — это умершее животное. Только тогда, когда Землю оставила ее собственная жизнь, на Земле смогли обитать другие существа, к которым, как я в дальнейшем опишу вам, относится и человек.

Это подобно тому, как если бы мы в качестве человека умерли, а наши белые кровяные тельца превратились в самостоятельных существ.

Что и произошло когда-то с этим огромнейшим животным, с Землей. И сегодня мы стоим перед этим гигантским трупом. Вас не должно удивлять, что временная геология может исследовать только мертвое, она изучает только труп. Современная геология изучает только труп Земли. Наука в целом занята тем, что она изучает только мертвое. Она укладывает труп на стол патологоанатома. Но если человек хочет что-то познать, ему необходимо по-настоящему вернуться назад к живому. Земля когда-то была живой, она летела сквозь мировое пространство и, хотя она очень медленно крутилась, как огромное животное, однако могла смотреть вовне с помощью очей, которые она имела повсюду, роль которых выполняли подвижные маленькие драконообразные птицы. С их помощью она взирала в мировое пространство.

Это мы продолжим рассматривать дальше в следующем раз. Это очень интересная тема.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 23 сентября 1922 г.

Необходимо, господа, несколько подробнее рассмотреть те вещи, которые мы обсуждали. В последний раз я имел возможность показать вам, какие

замечательные животные населяли когда-то Землю, какой образ жизни вели эти в высшей степени замечательные животные. Также я обратил ваше внимание на то, что вся Земля сама была когда-то одним живым существом.

Видите ли, если мы рассматриваем всех этих животных когда-то живших на Земле — в последний раз я рассказывал вам об ихтиозаврах и плезиозаврах, о мегатериях, о морских коровах, то есть сиренах, — итак, если мы рассмотрим всех этих животных, остатки которых еще и сегодня хранятся в различных музеях, то мы обнаружим, что они имели одно общее свойство, а именно: они снаружи были почти полностью покрыты чешуйчатым панцирем и имели толстые передние лапы, лапы с когтями. Так что на таких животных едва ли можно было прокатиться верхом — они были к тому же слишком велики для этого — даже если бы вам удалось стукнуть по ним кузнечным молотом, такое животное не почувствовало бы себя слишком неудобно, поскольку все оно было целиком покрыто толстым чешуйчатым панцирем. Сегодня от этих огромных древних животных остались только малютки, совсем крохотные карлики — такие как черепахи или крокодилы. Черепахи и крокодилы представляют собой, я бы сказал, уменьшенный формат животных, которые когда-то имели колоссальные размеры. Итак, вы должны себе представить, что эти древние животные имели такие рогообразные, состоящие из различных роговых пластин, покровы.

Нам надо составить себе представление о том, почему эти животные имели такие рогообразные покровы. Эту историю нам надо будет изучать с малых лет — не с малых лет человека, а как сама эта история развивалась с ее малых лет. Представьте себе, что у собаки в каком-то месте рана. Животные обладают замечательным целительным инстинктом. Вам уже приходилось видеть, что делает собака, если она где-то поранилась. Если у собаки есть рана, она ее сначала лижет; она пропитывает ее слюной, слюнит. А затем, когда рана пропитана слюной, собака с удовольствием ложится на солнце, дает солнцу светить на рану. Что тут происходит? Поверх раны образуется своеобразная корка. Так что можно сказать: если здесь у собаки имеется рана (см. рисунок 14), тогда она смачивает ее слюной, так, чтобы рана покрылась слюной во всей своей поверхности. Затем она выставляет рану на Солнце, и Солнце делает из того, что тут натворила собака своей слюной, твердую корку, под которой происходит заживление. Собака обладает в высшей степени замечательным целительным инстинктом. На основе своего инстинкта она поступает правильно.

Рисунок

Теперь мы можем несколько расширить рассматривавшееся нами. Мы можем рассмотреть другое замечательное явление, которое приведет нас к тому, что мы научимся понимать нечто такое, как вышеописанное заживление раны. Вы знаете, что мы вдыхаем воздух. Когда мы вдыхаем воздух, то внутрь нас поступает кислород. Кислород распространяется в нашем теле.

И только если кислород распространяется в нашем теле, мы можем жить. Мы бы сразу задохнулись, если бы не могли получить кислорода. Но что мы делаем для этого? Мы не очень склонны благодарить воздух за тот кислород, который он нам дает. Мы, в сущности, оказываемся существами очень неблагодарными по отношению к воздуху, поскольку мы связываем в нас самих этот кислород с углеродом и выделяем наружу углекислоту, которую мы выдыхаем. Это, в сущности, весьма неблагодарно по отношению к окружающей среде, ведь мы тем самым постоянно отравляем воздух. Если кто-либо окажется в атмосфере углекислоты (или точнее углекислого газа, так как углекислота распадается на углекислый газ и воду — примеч. перев.), то он задохнется. Тем, что как выдох образуется в наших внутренних органах из прекрасного, хорошего воздуха, мы отравляем окружающую нас среду. Мы постоянно распространяем вокруг себя воздух, насыщенный углекислотой, в которой ни одно существо — не только человек, но и ни одно живое существо типа животного — жить не может. Следовательно, вы видите, что животная жизнь состоит, в сущности, в том, что животное постоянно втягивает в себя из окружающей среды то, что ему необходимо для жизни, а возвращает в окружающую среду смертельное вещество. В этом состоит животная жизнь.

Но на нынешней Земле дело с этой животной жизнью скоро стало бы совсем плохо, если бы все существа вели себя так недостойно, как люди и животные. Ведь и люди, и животные отравляют воздух. И если бы все существа вели себя так

непорядочно, как леса и звери, то на нашей Земле уже давно невозможно было бы жить. Тогда наша Земля превратилась бы в огромное кладбище. Но, на счастье, растения не ведут себя столь беспорядочно. Они делают прямо противоположное. Ибо как мы всасываем кислород и отравляем тем самым воздух вокруг себя, так растения всасывают углекислый газ, углекислоту, удерживают углерод и отдают кислород. Так что, в сущности, исключительно благодаря тому, что на Земле есть растения, и именно леса, жизнь может поддерживаться на Земле. Если бы на Земле не было никаких лесов или если бы большие сообщества людей вырубали эти леса — что они, частично, уже сделали, — жизнь на Земле стала бы гораздо более нездоровой. Дело обстоит именно так, что леса на Земле нам просто необходимы. Если мы ценим только древесину, то мы, постепенно вырубая леса, делаем жизнь на Земле невозможной. Мы, следовательно, можем сказать: на Земле заведено так, что и люди, и животные поступают, в сущности, непорядочно, поскольку они все отравляют, тогда как растения, леса, снова приводят все в порядок.

Видите ли, господа, так дело обстоит на Земле сейчас, но так на Земле было не всегда. Нам должно быть совершенно ясно, что Земля изменилась, она была совершенно иной в то время, о котором я говорил с вами в последнюю среду; вы это поняли. Ведь если вы идете сегодня на прогулку, то вы не встретите там наверху в Кэмпене ихтиозавра, как это могло произойти когда-то. Теперь такого больше не бывает. Но Земля постоянно изменяется и в будущем будет выглядеть совершенно иначе, нежели теперь. Но что же можем мы усмотреть из всего, чему сейчас научились? Мы можем сказать: то, что находится внутри человека, то, что он может произвести из себя, не может его поддерживать. Он должен получать нечто другое; в настоящее время на Земле, чтобы выжить, он должен получать то, что дают ему растения. Используя все, что находится внутри нас, мы жить не можем, оно нас разрушает.

Так что вы можете с полной ясностью представить себе следующее: то, что оказывается полезным, будучи внутри человека, действует на нас разрушительно, если поступает извне. Тут, внутри нашего организма дело пошло бы совсем плохо, если бы там было слишком много кислорода. Однако нам необходимо, чтобы этот кислород постоянно поступал извне.

Следовательно, то, что вредно внутри, оказывается полезным, если оно поступает извне. Что полезно внутри, то становится вредным, если поступает извне. Видите ли, господа, очень важно, чтобы понимали; то, что полезно, будучи внутри организма, является вредным, если поступает извне, и то, что вредно, находясь внутри организма, оказывается полезным, если поступает извне. Это настолько важно, что если человек этого не понимает, он вообще ничего не поймет.

Мы можем сказать: о жизни в современную эпоху мы знаем теперь, что в нас должно поступать извне нечто совершенно иное, нежели то, что находится внутри нашего собственного организма. Нечто совершенно иное должно поступать извне.

А теперь, после того, как мы приобрели пару понятий о современности, давайте вернемся в ил древности. Снова вернемся назад, с помощью фантазии перенесемся в то время, когда всюду по Земле разгуливали ихтиозавры, то перемещаясь пешком, то вплавь, когда плезиозавры выбирались на сушу. Но это было время, которому предшествовало другое. Как же обстояло дело на Земле в то древнее время, до того, как появились ихтиозавры и плезиозавры?

Да, господа, судя по ископаемым остаткам, которые у нас сохранились от этих совсем древних времен, животные, которые тогда существовали были еще более примитивны, неуклюжи, чем поздние. Вы знаете, что этот плезиозавр, — а вы ведь можете посмотреть на него, если вы посетите какой-нибудь музей, вы увидите его огромные размеры, его тяжелый чешучатый панцирь, тяжелый, как вооружение средневекового рыцаря, двигаться в котором было малоприспосабливаемо, его огромные неуклюжие ноги, — итак, этот плезиозавр был страшно неуклюжим, неловким существом.

Вы знаете, что «ребят», легких на подъем тогда вообще не было. Но эти неуклюжие существа все же имели хотя бы ноги, которые были похожи на лапы, они могли с их помощью плавать, даже могли с их помощью взобраться на что-нибудь. Во всяком случае я могу назвать это время в некотором роде современным. Но вот животные, существовавшие еще раньше, до этих неуклюжих ихтиозавров, плезиозавров, мегатерий, животные, которые существовали еще раньше, они были гораздо более примитивными, неловкими, ведь у них, в сущности, не было ничего

другого, кроме мягкого тела, в котором было объединено все, что возможно; спереди было нечто, похожее на голову, сзади довольно длинный хвост, а поверх этого огромный-огромный чешуйчатый панцирь.

Если вам уже приходилось видеть, например, устрицу, то вы можете себе представить, что устрица — совсем маленькое карликовое животное. Внутри у нее совершенно слизеобразное тело, а сверху вокруг — оболочка, скорлупа. Если эту скорлупу вы представите себе несколько иначе, как панцирь у черепахи, а внутри такое же мягкое как у устрицы тело, тогда вы получите примерно то животное, которое когда-то было на Земле, перед тем, как на этой Земле появились ихтиозавры и плезиозавры.

Земля тогда была совсем густой, намного гуще, чем молоко. Все, что сегодня находится снаружи в качестве горных образований, было растворено. Все было подобно совсем сгустившейся жидкости. И внутри этого густого соуса — вся Земля в мировом пространстве была сильно сгущенным соусом — плавали такие исполинские устрицы. По сравнению с ними вся наша столярная мастерская показалась бы карликом. Были даже такие огромные устрицы, что если бы можно было очертить их по спине, то там со всеми удобствами разместилась бы, например, современная Франция. Древнейшие из этих животных имели колоссальную величину, тогда и Земля еще была колоссальных размеров. Следовательно, когда-то были огромные животные, которые состояли, в сущности, лишь из одной слизистой массы и могли двигаться только так, как двигаются устрицы, только устрицы должны находиться в гораздо более жидкой воде. Эти слизеобразные животные, которые имели огромный черепаший панцирь, плавали внутри этой сгустившейся Земли. Вы, следовательно, видите, что Земля была похожа на то, что сегодня вы можете представить себе в виде очень густого супа с клецками внутри. Но эти клецки вы должны представлять такими, что, с одной стороны, они были совсем плотными, так что вы могли бы поломать себе зубы, если бы захотели раскусить эту «клецку», а с другой стороны — совсем мягкими. Вы могли бы снять с этой «клецки» одну ее сторону; тогда вы отделили бы что-то вроде шляпы. А все остальное что было совсем мягким, все могли бы съесть. Оно было у этих животных гораздо мягче, чем та среда, в которой они плавали, эта сгустившаяся Земля. Поэтому у тех животных было то, что сегодня сохранилось лишь у некоторых совсем маленьких животных. Вы видели, как ползут улитки. Когда улитка ползет, то вы можете проследить след, который она оставляет. Он наполнен слизью, это вам уже приходилось видеть, такую слизь улитка оставляет после себя. Эта слизь сегодня высыхает на Солнце. Сегодня она не играет никакой роли. Но представьте себе, в древности, когда Земля еще не была такой твердой, эти животные тоже оставляли позади себя эту слизь в густом земном «супе», и она перемешивалась с этим густым земным «супом». Так что эти животные были очень полезны в густом земном «супе».

Сегодня, если идешь по дороге во время дождя, можно обнаружить совсем маленькие следы. Особенно здесь, у Гётеанума вы можете их заметить: их представляют дождевые черви, ползающие снаружи. Вы видели, как особенно в дождливый период повсюду выползают дождевые черви. Где находятся эти дождевые черви в другое время? В другое время они обычно находятся в земле, они ползают под землей, проделывают там норы, по которым они ползают. Видите ли, если бы этих дождевых червей не было, наши поля были бы гораздо менее плодородны. То, что дождевые черви выпускают, выделяют в почву, делает пахотную землю более плодородной. Не надо думать, что в природе существует что-то ненужное.

Так обстояло дело и с теми гигантскими устрицами в древнее время. Они постоянно выделяли в земной «суп» то, что выдавливалось из них как слизь. Тем самым они все снова и снова освежали этот земной «суп», все снова оживляли его.

Впрочем, эта история развивалась так: в настоящее время в земле — ведь земля и сейчас смешивается с тем, что выделяют улитки и дождевые черви, — в настоящее время все это в земле отмирает. Можно с успехом использовать то, что в качестве своих навозных выделений дождевые черви вносят в пашню; в известном смысле хорошо использовано может быть даже то, что как свои навозные выделения предоставляют улитки. Не только на пашне, но и на лугах очень и очень хорошим удобрением может служить то, что в качестве слизи оставляют на земле улитки. Но то, что таким образом вносится в землю нынешними животными, лишено жизни, не становится живым.

Однако в те времена, о которых я говорю, когда эти гигантские устрицы откладывали продукты своих выделений в земной «суп», это было нечто поистине замечательное — в настоящее время еще происходит нечто подобное. Процесс оплодотворения у некоторых низших животных, а иногда и у более высокоразвитых животных, происходит не так, как происходит он у высших животных и человека. Оплодотворение у некоторых, скажем, рыбообразных, у амфибий или черепаховых осуществляется так, что откладываются яйца, они откладываются где-нибудь, так что лежит целая куча яиц, там, где их отложила самка. Самец же просто орошает их своей семенной жидкостью, это происходит вне самки; таким образом, яйца становятся оплодотворенными, находясь вне самки. Это происходит и сейчас. Так что можно сказать: самка откладывает где-нибудь свои яйца и уходит. Самец находит эти яйца, оплодотворяет их и тоже уходит. Происходит наружное оплодотворение. Однако оно может оказаться несостоявшимся, и ничего не выйдет из яиц, если на эти оплодотворенные яйца не будет светить Солнце. Если Солнце не светит на них, то из них ничего не выйдет, тогда они погибнут. Если же Солнце освещает эти оплодотворенные яйца, то из них появляются новые животные. Это происходит и сегодня.

В то время, когда гигантские устрицы плавали в земном «супе», слизь, поступающая в Землю, действовала так, что из самой Земли все снова и снова возникали новые гигантские животные. Старые животные умирали, но из самой Земли возникали все новые животные. Сама Земля постоянно порождала таких в высшей степени неуклюжих, но огромных по размерам животных. Сама Земля оплодотворялась тем, что выделяли эти животные. Вы можете представить себе это так: когда-то земная жизнь состояла в том, что вся Земля в целом была живым существом. Но жизнь эта должна была поддерживаться тем, что тут, наверху, эти животные выделяли в качестве слизи. Если бы этот густой «земной суп» оставался сам по себе, то и эти более плотные животные скоро вымерли бы. Но благодаря их выделениям жизнь Земли постоянно поддерживалась, сохранялась, и Земля постоянно производила из себя таких существ. Они, в свою очередь, оплодотворяли Землю, и она получила способность снова выращивать из себя самой таких животных.

Но названные животные не могли бы выделять эту слизь, если бы не существовало при этом нечто другое. Видите ли, Земля представляла собой страшно густой «суп», однако я говорил вам: слизь у этих животных была гораздо жиже, чем этот земной «суп», значительно жиже. Отчего же получалось так, что эти животные могли иметь такую жидкую слизь? Представляется невозможным, чтобы животные могли иметь слизь более жидкую, чем Земля в целом. Земля тоже была тогда своего рода кашей, слизью, но чрезвычайно плотной; однако постоянно возникали эти жидкие клубки слизи. Почему они возникали?

Видите ли, господа, если вы возьмете стакан воды, в которой растворена соль, то может произойти так, что соль выпадет вниз в осадок. Соль сосредоточится внизу на дне как осадок; но от этого вода станет жиже, станет менее плотной. Только пока соль была растворена, вода была плотной. Теперь вода стала более жидкой, поскольку соль находится вне ее. Следовательно, позднее вы имеете более жидкую воду вверху, и более плотную, соленую, внизу. А если сейчас я сделаю такую вещь; я переверну этот стакан — не правда ли, если бы я это сделал, то вся соленая вода просто вылилась бы оттуда и ничего бы не получилось. Но вот у этих древних животных это получалось, они могли переворачиваться. У этих древних зверюшек было так: тут находилась загустевшая земля, тут нечто образывалось. Сверху находился чешуйчатый панцирь, а дальше, снизу — слизь. Что же представлял собой этот чешуйчатый панцирь? Он был ничем иным, как тем, что выделялось из окружающей земной массы. Точно так же, как соль из воды выпадает вниз, так и эта сгустившаяся, совсем плотная масса, которая, собственно, и образовывала такой, подобный черепахе, чешуйчатый панцирь, тоже выделялась, но не вниз, а вверх, так что внизу оставалась более жидкая фракция. Затем это подобие перевернутого стакана — или голова — могло высунуться из воды. Только соль при этом оказывалась сверху.

Что же затем происходило с этой солью? Вернемся теперь назад, господа, к тому, что делает собака, если у нее есть рана. Если у собаки есть рана, она еелизывает. Затем она выставляет ее на Солнце; рана тогда уплотняется, а то, что находилось в ране, прилипает. В противном случае появились бы бактерии, рана

стала бы увеличиваться, и собаке пришел бы к⁰⁰¹онец. Видите ли, тут образуется корочка, стружья, из того, что находилось внутри. Слизь, которую собака наносит на рану, это нечто, происходящее изнутри; если на нее сверху светит Солнце, то благодаря жару слизь уплотняется.

Точно так же было и у этих животных в древности. Солнце светило сверху на этот земной «суп», и вследствие того, что Солнце светило на него, в отдельных местах возникали такие уплотнившиеся утолщения, которые возникают у собаки на ране. Это были об⁰⁰¹очки, скорлупы. А под ними, поскольку возникало у⁰⁰¹отнение, оставалась более жидкая слизистая масса. Вот так и возникали эти гигантские устрицы. Но эти гигантские устрицы не могли бы образоваться, если бы не светило Солнце. Иначе это было бы невозмо⁰⁰¹ю. Итак, теперь перед нами нечто достойное вним⁰⁰¹ия; тут мы имеем Землю — я хочу сейчас нарисовать ее совсем маленькой — на Землю днем светит Солнце, и Солнце выбирает, вытягивает из Земли наружу эти гигантские устрицы. Мы могли бы, следовательно, сказать: было время, когда Земля была неким густым супом, и вследствие того, что она снаружи освещалась Солнцем, образовывались такие животные.

Однако в этом случае оказывалась бы ненужной сп⁰⁰¹обность Земли оплодотворяться с помощью той слизи, которую оставляли позади себя животные, плавая по земному «супу». Эта способность была бы бесполезной. Следовательно, должны были существовать еще иные свойства во внутреннем организме Земли. Она должна была быть подобна яйцу. Только в таком качестве она могла быть оплодотворенной. Разве это непоня⁰⁰¹о? Земля когда-то должна была быть как яйцо. Тол⁰⁰¹ко в этом случае она могла стать оплодотворяемой.

Тут нам следовало бы рассмотреть, что должно происходить с таким яйцом, чтобы оно могло быть оплодотворено. Мы подошли к такому состоянию Зе⁰⁰¹и, когда она представляла собой нечто вроде густого земного «супа». Существа, которые могли ее оплод⁰⁰¹ворять, были — можно так выразиться — существ⁰⁰¹и мужского пола, их мы уже смогли бы обнаружить в это древнейшее время. Но то, что Земля должна б⁰⁰¹а быть единым женским Существом, — это нам еще предстоит обосновать, мы должны теперь подойти к этому. Мы должны подойти к тому, каким образом Земля могла быть когда-то исполинским яйцом.

Видите ли, господа, если имеют намерение подо⁰⁰¹ти к чему-то подобному, это равносильно тому, что хотят исследовать мир, пусть даже немного. Тут я должен обратить ваше внимание, пусть несколько комическим образом, на совсем иную область, обратить ваше вним⁰⁰¹ание на нечто, существующее по сей день, хотя в столь, так сказать, разжиженном состоянии, что многие л⁰⁰¹ди даже не доводят всего этого до своего сознания. Действительно, ведь не только из любви к таинстве⁰⁰¹ности поэты отправляют влюбленных на прогулку под Луной, в лунное сияние, если хотят описать з⁰⁰¹язку любовного романа или речи влюбленных. Лу⁰⁰¹ый свет имеет в себе нечто, чрезвычайным образом возбуждающее фантазию человека.

Вы можете подумать, что это не имеет никакого отношения к теме; однако это все же имеет к ней отношение. Лунный свет возбуждает фантазию у ч⁰⁰¹овека. Видите ли, само по себе замечательно, что лунный свет вызывает у человека прилив фантазии. Люди, посвятившие себя современной науке, в порыве гениальности делают иногда очень изящные, очень милые открытия. Некоторое время назад был в Париже один ученый, который говорил так: все л⁰⁰¹карства, которыми снабжает нас медицина, приносят человеку очень мало, и — поистине замечательно, что ученый из Парижа додумался до этого — если чел⁰⁰¹век хочет быть здоровым, он мог бы делать нечто иное; вы будете удивлены, господа: парижский ученый с⁰⁰¹етовал людям как можно больше читать «Фауста» Гёте, от этого они могут стать гораздо здоровее, чем принимая разные штучки, возбуждающие только ра⁰⁰¹судок, — ведь «Фауст» Гёте возбуждает фантазию, а фантазия делает человека здоровее. Даже ученый-м⁰⁰¹ериалист, читая «Фауста», нашел это чтение здоровым, поскольку оно возбуждает фантазию. Он сказал: совр⁰⁰¹менные люди так умны, они напрягают только рассудок, а рассудок делает людей больными. Но если бы люди стали читать «Фауста», если бы они вживались во все образы «Фауста», они стали бы гораздо здоровее.

Следовательно, ученый хотел, чтобы люди нем⁰⁰¹о проникались здоровыми силами роста. Человеку нужно хоть немного проникаться этими здоровыми силами роста! Вот видите, это был один из моментов просветления, которых у современной науки так м⁰⁰¹ю. Это был один из тех здоровых моментов, которые изредка

переживает современная наука. Это настолько здорово, что даже улучшает пищеварение. Это действительно правда: пищеварение у человека будет лучше, если он изучает гётевского «Фауста», а не все эти научные труды. От них портится желудок. А с гётевским «Фаустом» желудок становится все здоровее и здоровее; так же и другие органы. Почему это происходит? Потому, что гётевского «Фауста» породила фантазия, а не рассудок.

Представьте себе, что когда Луна приводит человека в возбуждение, возбуждается именно фантазия. Следовательно, благодаря Луне в человеке возбуждаются непосредственно силы роста. Хотя сегодня это происходит в незначительных масштабах. Не правда ли, человек чувствует себя внутренне согретым, он чувствует внутреннее возбуждение своих сил роста, если он гуляет при Луне. Это правда. Но на это не обращают внимания.

Тем не менее, Луна связана со всем тем, что имеет значение для жизни человека. Я могу сообщить вам один маленький факт, который весьма наглядно показывает, как Луна связана с жизнью. Если в настоящее время обращают внимание на вещи, которые люди когда-то знали — вспомните, например, что я вам говорил здесь о двуликой голове римского Януса, — то приходят к убеждению, что раньше люди знали больше; хотя они и не были такими «умными», они знали больше. Сегодня, когда рассудочность человека победила все, что было известно людям раньше, обычно говорят: ребенок вынашивается в течение девяти месяцев. Однако медики, которые благодаря сохранению у них латинского языка, сохраняют и некоторые старые представления — современные врачи не хотят ничего больше знать об этом, но, тем не менее, эти старые представления еще сохраняются; медики говорят: ребенок вынашивается в течение десяти месяцев. Отчего такое разногласие, господа? Если вы посчитаете: один лунный месяц составляет примерно 28 дней; десять раз по 28 даст 280 дней. Один месяц, как мы его имеем сегодня, составляет 30 дней, и если вы умножите это число на девять, то вы получите примерно одно и то же: 270 дней. Это значит: девять месяцев, исчисление, которым мы пользуемся сегодня, соответствуют десяти лунным месяцам. Это примерно то же самое время. Если речь шла о сроках вынашивания ребенка, то раньше считали по лунным месяцам.

Откуда это пошло, господа? Тогда еще знали, что формирование ребенка в теле матери связано с Луной. Оно связано с Луной. Это было известно когда-то, а в настоящее время можно вновь констатировать на основе антропософских исследований, что Луна — это то, что действует на человека для того, чтобы ребенок вообще мог развиваться как живое существо.

Однако эта Луна действует только на женские существа как в человеческом, так и в животном царствах, ибо именно они к этому предназначены. На Землю Луна сегодня больше не действует. Сегодня она больше не производит тут яиц. И все же если этот предмет изучать основательно, приходишь к тому, что если мы совершаем прогулку при Луне, то не только фантазия в точном смысле этого слова возбуждается при этом, но благодаря этому наши силы роста и мы сами внутренне приходим в движение. Луна действует в нас особенно оживляюще, но в человеческом женском организме или в теле самки животного, ее действие так сильно, что оно наделяет силами роста ребенка, или звериного детеныша.

Да, Луна, как вы видите, которая светит вниз с неба, не вызывает того, чтобы сама Земля могла расти, поскольку Земля в настоящее время во многом слишком сильно отмерла. Следовательно, та Земля, которая когда-то могла быть оплодотворяемой, была гораздо более живой.

Теперь вспомните, что я говорил вам: то, что находится внутри человека, становится вредным, если приходит извне. Итак, Луна, которая светит сегодня вниз на Землю, не может больше вызвать никакой жизни. Почему? Потому что ее свет приходит извне, точно так же, как если бы воздух, который мы сами выпускаем из себя, стал приходить извне. В этом случае он не мог бы нас внутренне оживлять. Следовательно, Луна в настоящее время не может сверху ничего поделать с Землей. В настоящее время Луна может еще нечто сделать лишь в теле человека или в теле животного, так как оно защищено (от вышеуказанного вредного проникающего извне влияния Луны — примеч. перев.).

Но где же должна была находиться Луна, чтобы саму Землю делать живым существом? Находясь вне Земли, она не может сделать ее живым существом. Для этого она должна была находиться внутри самой Земли! Точно так же, как

углекислота, находясь снаружи, не может больше оживлять нас, но должна быть внутри, должна, находясь внутри, оживлять самое себя, так и лунный свет когда-то должен был находиться не снаружи, а внутри Земли.

Итак, представьте себе, господа: в то время, когда все эти животные были здесь, Луна вообще не находилась вне Земли, она находилась внутри и была ретворена в этом сгущенном «супе». Она вообще еще не имела границ, но была внутри; она находилась внутри в качестве более плотного шара. Тогда она могла всю Землю сделать яйцом. Приходишь к тому, что Луна, которая сегодня все еще возбуждает фантазию и воздействует на оплодотворенное женское тело, Луна, находящаяся в настоящее время наверху, на небе, когда-то находилась внутри Земли.

Но затем она должна была выйти наружу. Видите, господа, тут мы подходим к необыкновенно важному моменту в земном развитии: Луна, находящаяся в настоящее время всегда снаружи, была когда-то, в прошлом, внутри Земли. Земля извергла ее. И сегодня она вращается снаружи.

Если мы изучаем земное тело в целом, то обнаруживаем нечто замечательное. Изучая тело Земли, мы находим, что оно представляет собой воду, внутри которой плавают континенты, массивы суши, как когда-то плавали исполинские животные. Европа, Азия, Африка плавают в воде, как когда-то исполинские животные плавали в земном «супе», в густом земном «супе». И если мы изучаем, как все это выглядит — вы знаете, что все это выглядит неодинаково, — тогда еще и сегодня можно увидеть по впадине на Земле и по разрыву между континентами, что Луна когда-то вылетела оттуда, где сегодня находится Тихий океан. Луна была когда-то внутри Земли, она вылетела наружу. И только там, снаружи, она затвердела.

Теперь давайте посмотрим назад, на древнее бытие Земли. Тогда Земля еще имела Луну внутри своего тела. Луна посредством своей субстанции делала Землю матерью, а отеческая субстанция создавалась благодаря Солнцу, поскольку Солнце постоянно порождало такие клубки слизи, которые оно извне облекало плотным роговым покровом. Этому способствовали солнечные излучения. Эти плавающие комки слизи постоянно оплодотворяли то, что находилось внизу в земном «супе» и поддерживало жизнь благодаря Луне. Земля была крупнейшим яйцом и благодаря воздействию Солнца, постоянно оплодотворялась.

Если бы, господа, эта история так и продолжалась, то на Земле наступило бы очень неудобное состояние. Луна бы вылетела наружу, Земля же стала бы бесплодной и, в конце концов, полностью умерла. Что могло послужить тому причиной? Вследствие вылета, выхода Луны, Земля умерла, однако кое-что из того, что в древности было оплодотворяемо — я подразумеваю здесь древнюю способность к оплодотворению, — сохранилось в материнском теле как животного, так и человека. Прежде вообще не существовало процесса рождения в той его форме, которая существует сейчас. Точно так же, как в случае приготовления нового хлеба берут немного старой закваски, старых дрожжей и добавляют в тесто, так кое-что из той древней субстанции, взятой у Луны, осталось в женском теле, и эта субстанция может быть оплодотворена. То, что тут внутренне оплодотворяется, становится внутри яйцом, которое есть лишь отображение древней Земли-Яйца. Так что это не чудо, что при возникновении ребенка подспудно еще витает призрак этой древней лунной истории, и даже сроки, в течение которых ребенок вынашивается, определяются в соответствии с Луной. Ведь не правда ли, боярский сын должен жить в соответствии с тем наследством, которое оставил ему отец (то есть яблоко от яблони недалеко падает — примеч. перев.). Так же должно обстоять дело и с оплодотворенным яйцом, которое происходит от древнего лунного «супа». Оно и сегодня находится под управлением Луны, ибо от нее оно унаследовано.

Вообще, в древности о таких вещах знали гораздо больше. Я вам еще как-нибудь сообщу, почему это было. В древние времена об этих вещах знали гораздо больше, тогда говорили: sol, Солнце — мужского рода. Именно оно создает мужское начало, мужской род. Так было еще в латинском языке. Sol, Солнце — мужского рода. Тогда как Луна — женственна, и в латинском языке это слово женского рода. Sol, солнечное начало, оплодотворяет Луну, женственное. В немецком же языке все наоборот: тут слово Sonne — женского рода, а слово Луна — мужского, в то время как на самом деле Солнце отображает мужское начало, а Луна — женское. Так все это оказалось перевернутым. Если мы хотим говорить правильно, мы должны говорить по-немецки о Солнце, используя мужской род, а о Луне — женский.

Однако уже древние латиняне шутили на этот счет и говорили — это не более чем шутка, которой я хочу завершить сегодняшнее рассмотрение; я хотел дать вам лишь немного из того, что впоследствии мы более подробно и ясно рассмотрим, — итак, древние латиняне говорили вот что: сначала мы имеем вот такую Луну (см. рисунок 15), затем Луна полнеет, становится вот такой, и затем становится полной.

Рисунок

Затем она снова убывает, становится вот такой. Видите ли, если мы возьмем соответствующие слова из романских языков, например из французского, то тогда мы можем здесь поставить букву С (см. рисунок 15, убывающий лунный серп), а здесь (возрастающий лунный серп, первая четверть) — написать D; тогда буква С, *croître*, будет означать «растет». Но ведь в таком случае Луна как раз не растет, а убывает, если она делает С! Напротив, *decroître* означает убывать, но Луна тут растет. Так что если мы посмотрим вверх, на небо, Луна говорит нам «я расту», когда она убывает и наоборот. Отсюда возникла поговорка: Луна обманчива. Она обманывает.

Тут есть, однако, и более глубокое значение. Люди постоянно стесняются говорить о лунном начале, поскольку лунное начало связано с возникновением человека. Это всегда было запретной темой. И люди вообще потеряли возможность говорить о лунном начале правильным образом. Луна также и по этой причине стала обманщицей. Если на нее смотрят люди, она уже не скажет им о том, с чем она связана. Врачи постепенно отвыкали говорить о том, что ребенок остается в теле матери десять лунных месяцев, и говорили о девяти солнечных месяцах, которые представляли примерно то же самое время. Однако действительную роль играют десять лунных месяцев, а не девять солнечных. Это связано с Луной — и происходит оттого, что когда-то Земля в своей утробе, в себе носила Луну; сама Земля родила Луну и выбросила ее в мировое пространство.

Теперь подумайте, господа: ведь, в сущности, я не рассказываю вам ничего иного, кроме того, что расскажет вам кто-то другой, говоря о мировой туманности, о том тумане, из которого выделилась Земля, а из Земли, в свою очередь, вышла Луна. Но ведь все это мыслится механически! Все это от материализма! Из тумана, как бы много его не разливалось, никогда не получится что-то живое. Но то, о чем я рассказал вам, это не просто древняя туманность, древний пар. Можно ведь много нагнать в котел всяческого тумана, а потом что-то выделять из него, но то, о чем я рассказываю вам, возвращает вас к реальности. Это реальность, а не тот туман, из которого должны были выделиться Юпитер и Земля; и когда Земля появилась одновременно с Юпитером, она выбросила Луну. Но настоящая Луна связана со всеми процессами роста, а также с размерами человека, как сказано: Земля когда-то имела в себе свою собственную воспроизводящую силу, была материнской Землей и оплодотворялась солнечным светом и теми животными, которые находились поверх нее со своей скорлупой. Лунная сила в Земле оплодотворялась посредством солнечного света. Вы видите, как мы постепенно уходим от Земли в космическое пространство.

Конечно, от вас потребовалось некоторое напряжение внимания, но мы, как вы видите, изучаем нечто вполне реальное!

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 27 сентября 1922 г.

В последний раз я говорил вам о том, как Луна вылетела из Земли наружу и как это вообще связано с жизнью на Земле. Я могу себе представить, как много вопросов у вас возникло. Мы можем заняться ими в ближайшую субботу. Обдумайте к тому времени некоторые из них. Но сегодня я должен продолжить изложение. И, может быть вы сможете задать некоторые из вопросов.

Мы говорили: пока Луна находилась внутри Земли, то, что можно было бы назвать воспроизводительной силой живых существ, животных, было организовано совершенно иначе, чем после того, как Луна вылетела наружу. Я говорил вам, что пока Луна еще была в Земле, она придавала Земле силы, являющиеся в некотором смысле материнскими, женскими. Так что мы можем представить следующее: было время, когда Луна еще находилась внутри Земли. Я хочу схематично изобразить вам, как это было.

Рисунок

Когда Луна еще была внутри Земли, она находилась не в середине, но была несколько сдвинута к краю (см. рисунок 16, слева). Если сегодня вы посмотрите на

Землю, то вы заметите, что с одной стороны, ближе к той части, где находится Австралия, на Земле больше воды, тогда как на той стороне, где находится Европа и Азия, больше суши. Вода и суша неравномерно распределяются по Земле; Земля такова, что с одной ее стороны находится главным образом суша, а с другой стороны — главным образом вода. Вещество распределено на Земле неравномерно (см. рисунок 16, справа). Так же неравномерно распределялось оно и тогда, когда Луна еще была в составе Земли. Луна была смещена в сторону, где Земля вообще имела тенденцию быть тяжелее (т. е. куда был смещен центр тяжести Земли — примеч. перев.). Конечно, если там находилось твердое вещество, она была там тяжелее. Я должен, следовательно, нарисовать все это, очевидно там белый круг.

Но вы должны представлять себе, что оплодотворение тогда происходило так, что находящаяся в Земле Луна давала исполинским животным силы, благодаря которым они обеспечивались в некотором смысле воспроизводящей материей. Нельзя сказать, что уже тогда животные клали настоящие яйца. Эти гигантские устрицы представляли собой, в сущности, только некую слизистую массу, и они отделяли от себя толстые кусочки. Так что описанные мною в прошлый раз гигантские устрицы, которые первоначально могли быть такой же величины, как вся Франция, имели мощную скорлупу, по которой можно было бы проливать, и слизистую массу, более слизистую по сравнению с тем, что находилось внутри Земли. На эту слизистую массу воздействовали лунные силы, и тогда кусок слизистой массы отделялся. После этого он и дальше плавал по Земле. А когда поверхность снова освещало Солнце — это я вам наглядно объяснял на примере с собакой, — то образовывалась «яичная скорлупа», корка: из-за образования этой яичной скорлупы слизистая масса устрицы получала тенденцию отделиться от себя кусочек, и тогда могло возникнуть новое животное. Так женские силы приходили от Луны, которая находилась в Земле, а мужские силы приходили от Солнца, которое извне светило на Землю. Таким образом, господа, я тут описываю вам вполне определенную эпоху, то время, когда Луна еще находилась внутри Земли.

Рисунок

Вы должны были представить следующее. В наступающее время, когда Луна находится снаружи, вне Земли, она действует совсем иначе. Вам известно, что углекислота, находящаяся внутри человека — об этом я говорил вам в последний раз, — действует совсем иначе, нежели когда находится снаружи, где она ядовита. Если вы вспомните о размножении животных сегодня, то вы должны сказать: животным необходимо сначала снести яйца и только тогда эти яйца должны каким-либо образом оплодотворяться. Итак, то, что раньше давала Луна, когда она находилась внутри Земли, животные теперь имеют в себе. Животные имеют в себе эти лунные силы.

Но и находясь снаружи, Луна тоже еще дает силы. В последний раз я говорил вам; даже поэтам известно о том, что Луна дает Земле силы. Но это как раз тактические силы, благодаря которым возбуждается фантазия, посредством которых человек становится внутренне более живым. Это силы, которые больше не действуют на воспроизведение, они излучаются извне, они больше не могут способствовать воспроизведению.

Вы должны представить, то, что Луна могла давать Земле, находясь внутри нее — силы воспроизведения, силы размножения, — было усвоено животными, будучи получено ими в качестве наследственности, эти силы воспроизводятся теперь, передаваясь от одного животного к другому. Следовательно, если вы исследуете яйца, снесенные животными, то вы должны будете сказать: тут внутри действуют лунные силы. Тут внутри находятся именно те лунные силы, которые действовали, когда Луна еще находилась внутри Земли. Сегодня Луна не может оказывать воздействие большее, чем то, которое возбуждает, приводит в движение голову. Следовательно, Луна сегодня действует только на голову. Однако в прошлые времена она действительно действовала на воспроизведение. Вы видите, что это ощутимая разница. Это большая разница, находится ли что-то внутри Земли или вне Земли.

В связи с размножением обнаруживаются замечательные вещи. Мы снова можем сказать: все понимание природы связано с тем, как понимать процесс размножения. Ведь благодаря ему сегодня еще возникают отдельные животные и

отдельные растения. Если бы не было размножения, то все давно бы умерло. Если человек хочет хоть как-нибудь понять природу, он должен понять размножение. Но с размножением на Земле связана еще одна особенность.

Вы только подумайте, одна из отличительных особенностей слона состоит в том, что он лишь с пятнадцати-шестнадцати лет оказывается в состоянии произвести одного детеныша. И, напротив, возьмите устрицу: это маленькое слизистое животное. Если вы мысленно увеличите ее до гигантских размеров, то получите примерно то самое животное, на которое я указывал, говоря о давно минувших временах. Даже у устрицы можно кое-чему научиться. Но устрица не такова, как слон, которому нужно ждать долгие годы, чтобы произвести детеныша. Одна-единственная устрица может произвести один миллион устриц в год. Следовательно, устрица обладает иной способностью размножения, нежели слон.

Еще одно интересное животное, господа, это тля (Aphidodea — примеч. перев.). Вы знаете, что она встречается на листьях деревьев и считается вообще-то одним из вредных жителей растительного мира. От нее можно очень пострадать. Тля, как вы знаете, гораздо меньше, чем слон, зато одна-единственная тля способна произвести тысячу миллионов потомков всего за несколько недель! Итак, слону нужно примерно пятнадцать-шестнадцать лет, прежде чем он будет в состоянии произвести одного-единственного потомка, тогда как тля может за несколько недель так размножиться, что от одной-единственной произойдут многие миллионы.

Но есть еще одно простейшее, мельчайшее животное, которое называется фортицелла. Рассматривая их под микроскопом, видно, что они представляют собой совсем крохотные комочки слизи, у них есть волокна, на которых они, извиваясь, передвигаются. Это очень интересные животные, хотя и состоят из совсем маленьких комочков слизи, похожих на ниточки, вытягивающиеся из устрицы; они плавают повсюду. Эти маленькие фортицеллы таковы, что за четыре дня одна-единственная из них производит сто сорок миллиардов миллиардов потомков (140 000 000 000 000 000 000— примеч. перев.)! Единственное, что еще может конкурировать с ними, так это русская валюта!

Итак, вы видите, что есть очевидная разница в способности к воспроизведению между слонем, которому приходится ждать пятнадцать-шестнадцать лет, для того, чтобы произвести одного-единственного слоненка, и этой маленькой фортицеллой, которая за четыре дня размножается так, что вырастает сто сорок миллиардов миллиардов потомков.

Вы, следовательно, видите, что мы имеем дело с весьма значительной тайной природы. Есть один очень интересный французский анекдот, который внешне как будто бы ничего не значит, но все же имеет внутренний смысл. Был некогда один крупнейший французский поэт Расин. Этому Расину потребовалось однажды целых семь лет для написания только одной поэмы, которая называется «Аталия». Итак, он целых семь лет писал одну театральную пьесу под названием «Аталия». В его время был другой поэт, который страшно заносился перед Расином и говорил: Расину нужно семь лет, чтобы написать одну пьесу, а я за один год пишу семь пьес! На этой почве возникла басня, анекдот, и эта басня гласила: «Однажды свинья и лев поспорили друг с другом; свинья так возгордилась, что сказала льву: я каждый год приношу семь отпрысков, а вот ты, лев, можешь произвести за год только одного-единственного! — Тогда лев ответил: это правда, но зато мой единственный — лев, а твои семеро — просто поросята». Вот и Расин захотел ответить этому поэту. Но он не пожелал сказать ему прямо, что твои театральные пьесы — просто поросята, он использовал анафию и сказал: «О да, ты делаешь по семь пьес за год, я же за семь лет сделал только одну-единственную, зато это «Аталия», и она известна сегодня всему миру».

Видите ли, можно сказать так: внутренний смысл этой басни, рассказа в том, что лучше подобно слону потратить пятнадцать-шестнадцать лет, чтобы затем произвести одного отпрыска, чем быть фортицеллой, которая за четыре дня размножится так, что получается сто сорок миллиардов миллиардов особей. Много говорят о том, что кролики дают большое потомство, если же говорить о фортицелле, то такую способность размножаться просто невозможно себе представить!

И все же надо разобраться, отчего такое ничтожное малое животное дает так много потомков, в то время как слону приходится тратить столько лет.

Я уже говорил вам: Солнце — вот в чем состоит основа оплодотворения. Солнце

еще и сегодня необходимо при оплодотворении. Я также говорил вам: если небесное тело находится снаружи, как Луна, то оно в лучшем случае еще действует на голову, но оно больше не действует на органы нижней части тела, следовательно, она больше не действует непосредственно на силы воспроизводства. Силы воспроизводства должны сегодня передаваться по наследству от одного существа к другому. Но, господа, в некотором смысле то, что и теперь происходит еще во время процесса воспроизводства, остается в зависимости от Луны. Я хочу пояснить вам это следующим образом, причем я буду ссылаться на Солнце.

Видите ли, мы должны спросить себя: почему слону требуется пятнадцать-шестнадцать лет для того, чтобы его способность к воспроизведению развилась достаточно для производства потомства? Все вы знаете, что слон толстокожий, и поскольку он толстокожий, ему как раз-таки и надо много времени. Толстая кожа предоставляет солнечным силам более слабую возможность проникать сквозь нее, нежели кожа тли, у которой она мягкая и доступна для проникновения солнечных сил. Фактически незначительная способность к воспроизводству у слона связана именно с его толстокожестью.

Это вы можете также увидеть из следующего: представьте, что вы мысленно возвратились к тем ископаемым плавающим устрицам. Никогда не возникло бы ни одной устрицы, если бы они просто выходили на Солнце, которое светило на их чешуйчатый панцирь, на их толстую кожу! Эти устрицы, как я говорил вам, отделяли немного слизи; и слизь, которая еще не имела устричной скорлупы, могла находиться на Солнце. Солнце начинало подсушивать эту слизь, и благодаря этому могла возникнуть новая устрица. При этом Солнце действовало на эту устрицу оплодотворяющим образом. Ведь если, господа, солнечные лучи приходят извне, они способны создать только одну скорлупу, оболочку. Как же тогда происходит то, что солнечные лучи могут действовать оплодотворяющим образом? Видите ли, тут мы должны опять рассмотреть кое-что еще, чтобы вы смогли увидеть, с чем связана эта история. Вы, быть может, знаете, что крестьяне, собрав урожай картофеля, делают достаточно глубокие ямы и укладывают в них картофель. Затем эти ямы снова закапывают. Позднее, когда зима уже минует, картофель снова выкапывают из ям, причем он очень хорошо сохраняется там, внутри. Если бы они полностью загрохали картофель в подвал, то картофель мог бы погнить. Зато там, внутри, он сохраняется очень хорошо.

Отчего так происходит? Это очень интересно. Крестьяне не могут привести достаточных объяснений этому. Но, господа, если бы вы сами были картофелиной и вас закопали в такую яму, то там внутри — если бы вам к тому же не надо было есть — вы чувствовали бы себя исключительно хорошо. Ведь там, внутри, после лета осталось солнечное тепло, осталось то, что летом изливалось с Солнца на Землю, оно все больше и больше проникает вниз. И если в январе зарыться в землю, то там еще находится солнечное тепло и все другие солнечные силы, сохранившиеся с лета, они находятся на глубине около полутора метров.

Это достойно внимания. Летом, когда Солнце проявляется сильнее, оно греет снаружи, а зимой солнечная сила втягивается вниз, и ее можно обнаружить внизу. Но она не может уйти слишком глубоко; она снова удерживается назад. Если бы человек был картофелиной и лежал бы внизу, то ему там было бы очень хорошо; подогрев ему был бы не нужен, во-первых, потому что там внутри еще находится летнее тепло, и, во-вторых, потому что тепло поднимается снизу: это отраженные солнечные силы. Так что картофелю, в сущности, очень хорошо. Только тут он впервые наслаждается Солнцем. Летом Солнце не много давало ему, тогда ему было даже неприятно. Если у вас есть голова, то вы заработаете головную боль, если Солнце будет светить сверху: это для картофеля неприятно. Но зимой, если вам так повезло, что вы оказались захороненными в земле, вы впервые сможете наслаждаться Солнцем.

Отсюда вы видите, что Солнце действует не только тогда, когда оно на что-то светит сверху, но оно действует и в дальнейшем, если его силы были чем-то задержаны, уловлены.

И тут, господа, наступает нечто странное, нечто особенное. Я говорил вам: если тело находится снаружи Земли, то оно действует умертвляюще; или, как углекислота, подобно яду, или как светящее сверху Солнце, в последнем случае — образуя чешую. Неправильно считать, что зимой Солнце действует снаружи: в это время оно действует именно изнутри Земли. Тогда оно снова освежает, оживляет

внутри Земли силы воспроизводства. Так что силы воспроизводства сегодня, в наше время, тоже приходят от Солнца, но не от прямых солнечных лучей; они приходят от того, что осталось внутри Земли и зимой снова излучается обратно.

Это очень интересно. Дело обстоит так, что если мы вдыхаем углекислоту, то тогда она ядовита. Однако если углекислота находится внутри нашего тела и проходит по крови, то она необходима нам, мы ее и используем. Ведь если бы мы не имели углерода, то мы вообще ничего не имели бы в себе. Тут мы используем его внутри себя, тут он благоприятен; снаружи он действовал бы как яд (имеется в виду углерод в составе углекислоты или углекислого газа, образующегося при распадении углекислоты на воду и двуокись углерода — примеч. перев.). Действуя снаружи, солнечные лучи создают скорлупу, или оболочку, у животных, тогда как солнечные лучи, уловленные внутри и снова возвращающиеся обратно, отражающиеся, создают жизнь, делают животных способными к воспроизведению.

Теперь, господа, представьте себе, что вы были бы уже не картофелиной, а слоном. Тогда у вас была бы страшно толстая кожа, и вы вбирали бы в себя слишком мало от того тепла, которое получает Земля от Солнца. Поэтому если бы вы были слоном, вам приходилось бы тратить очень много времени, чтобы произвести на свет слоненка. Но представьте, что вы — какая-нибудь тля или устрица; тогда вы — в случае устрицы — по отношению к Земле всего лишь слизистая масса. Слон не является такой слизистой массой. Слон со всех сторон облачен в свою кожу, он замкнут в ней, так что приходящее снизу тепло может доходить до него крайне замедленно.

Дело обстоит так: такие животные, как тля, сосредотачиваются вблизи Земли, и, кроме того, на растениях. У них нет толстой кожи, они могут с исключительной легкостью воспринимать весной то, что испаряется от Земли, и, следовательно, быстро получают воспроизводительные силы в обновленном, оживленном виде. А фортицелла — тем более; ведь она живет в воде, а вода сохраняет солнечное тепло гораздо интенсивнее, так что накопленное солнечное тепло затем, в подходящее время года, произведет в фортицелле сто сорок миллиардов миллиардов потомков. Это означает, что если она достаточно приняла в себя солнечное тепло, находящееся в воде, то сможет исключительно быстро размножиться. Мы можем сказать: в настоящее время дело на Земле обстоит так, что способность к размножению живущим на ней существам она придает потому, что зимой сохраняет в себе солнечные силы.

Теперь перейдем к растениям. С растениями происходит вот что: вы знаете, что одной из форм размножения у растений является так называемое черенкование. Следовательно, если растение вырастает из земли, можно где-нибудь отрезать у него черенок. Отрезать его надо правильно, затем можно снова посадить его, и тогда из него вырастет новое растение. Такая форма размножения имеет место у некоторых растений. Почему это происходит? Силу, позволяющую растению размножаться даже посредством отрезанного от него черенка, растение получает из почвы, поскольку его семена зимой находятся в земле. Это исключительно важно у растений. Если хотят, чтобы растение росло как следует, оно должно зимой находиться в земле, быть прикрытым землей. Вообще оно должно расти из земли. Есть летние культуры, но о них мы поговорим как-нибудь в другой раз. Однако в основном растение должно развивать свое семя внутри земли, тогда оно может расти. Иногда некоторые луковичные растения приходится выращивать прямо в воде, но это надо понимать как особые мероприятия, не так ли? В основном же природа располагает к тому, что растение должно быть посажено в землю и оттуда должно получать силы для своего роста.

Что же происходит, господа, если пшеничное зерно было положено в землю? Тогда тем более для этого зерна создаются благоприятные условия, чтобы оно могло принять в себя эти перешедшие от Солнца к Земле силы. Семена зерновых растений наиболее сильно воспринимают те силы, которые приходят от Солнца внутрь Земли.

У животных дело обстоит сложнее. Животные, которые сами находятся в земле, как, например, дождевые черви и им подобные, тоже легко вбирают эти силы в себя. Поэтому все они размножаются с очень большой интенсивностью, все животные, которые живут или вблизи от земли, или в земле. Черви производят страшно много потомков. А например, такие черви, которые могут паразитировать в кишечнике человека, производят так много потомков, что человеку приходится постоянно напрягать все свои силы, чтобы эти паразиты не размножились слишком

страшно. Так что когда человек имеет в себе червей, он должен почти все жизненные силы расходовать на то, чтобы уничтожить этих страшных приживальщиков.

А вот положение растений таково, что они могут прорасти из почвы (см. рисунок 18); тут, внизу, находится их корень, затем они прорастают из почвы, у них появляются листья, затем возникают цветы и новые семена. Но, господа, вы совершенно точно знаете: когда начинает развиваться цветок, растение перестает расти вверх. Это очень интересно. Семя растения, его зародыш, было внесено в почву; затем вырос стебель, появились листья, зеленые листья, и после этого появляется цветок. Тут рост приостанавливается, и растение начинает быстро плодоносить, оно быстро производит семена. Ведь если оно не поспешит с созреванием семян, то Солнце израсходует все силы на цветочные лепестки, которые бесплодны. Вверху растения образовались бы огромные прекрасные цветы, окрашенные в разные цвета, но семена не могли бы развиваться. В конце концов, растение собирает все свои силы, чтобы произвести семена.

Рисунок

Видите ли, Солнце, приходящее извне, имеет свойство делать растение красивым. Если мы находим на лугу красивое растение, то эти прекрасные краски принесло ему внешнее Солнце с помощью своих лучей. Но тем самым оно умерщвляет растение точно так же, как, создавая скорлупу устрицы, действует на эту устрицу мертвящим образом, оно сушит ее.

Это вы можете увидеть по всей Земле. Это действие Солнца вы можете увидеть особенно наглядно, если поедете в жаркие области, в экваториальные области: там повсюду носятся и снуют туда-сюда всевозможные птицы удивительной окраски. Это и есть действие внешнего Солнца. Перья птиц окрашены в удивительно красивые цвета, но жизненных сил в этих перьях нет. Жизненные силы в перьях большей части умерщвлены.

Так же обстоит и с растением. Когда оно вырастает из земной почвы, оно изобилует жизненными силами. Затем оно все больше теряет их и, в конце концов, должно сконцентрировать все эти силы, чтобы последние их остатки вложить в семена. А Солнце создает прекрасные листья, разноцветные цветы, но при этом именно оно умерщвляет растение. В красочных цветочных лепестках уже не живет способность к воспроизведению.

Что же делает растение, когда его семена вносят в землю? Оно не остается безучастным, если попадает в землю, оно начинает расти, выпуская лепестки, оно выносит их наверх. То, что здесь я обозначу зеленым, развивается посредством солнечных сил, то есть сил тепла, света и так далее. Солнечные силы идут в растение вверх. Их растение запасает в семени, тогда как солнечные силы, приходящие извне, умерщвляют растение, хотя при этом возникают очень красивые цветы. В самой их сердцевине находятся семена, которые возникают посредством солнечного тепла, накопленного еще в середине зимы. Семена не возникают от Солнца текущего года. Это неправильное представление. От Солнца текущего года возникает только красивый цветок; но семя возникает от солнечного тепла прошлого года, оно еще несет ту силу, которую Солнце тогда передало Земле. Эту силу растение пронесет через все свое тело.

У животного все это происходит не так просто. Животное предрасположено к тому, чтобы солнечное тепло приходило по большей части извне, приходило от Земли, будучи там оживленным. Ибо животное не принимает солнечные силы так непосредственно, прямо, как это делают растения. Растение через все тело, вплоть до находящегося в цветке семени, возносит то прошлогоднее солнечное тепло, которое накопилось в Земле.

Если всю эту историю рассматривать правильно — а это чрезвычайно интересно, прямо-таки очень интересно, — тогда говоришь себе: растения и животные размножаются. Они не смогли бы размножаться, если бы не действовало Солнце. Если бы не Солнце, они не могли бы размножаться. Однако Солнце, находясь снаружи в небесном пространстве, находясь вне Земли, непосредственным образом убивает способность воспроизведения, способность к продолжению рода. Происходит то же самое, что и в случае с углекислым газом: если мы вдыхаем углекислый газ, то он убивает нас; если же мы имеем его в себе, то он оживляет нас. Если Земля получает солнечные лучи извне, то ее животные

и растения тем самым умерщвляются; если же Земля из внутренней своей части, изнутри, может дать животным и растениям то, что присуще Солнцу, то они тем самым будут оживлены и побуждаемы к продолжению рода. Это видно по растениям: они образуют способные к воспроизведению семена только из тех сил Солнца, которые они уловили в прошлом, от прошлогоднего Солнца. А то, что растение этого года становится красивым, — это проистекает уже от Солнца этого года. Вообще это происходит так: внутреннее растет из прошлого, а внешняя красота возникает благодаря настоящему.

А вот слону, господа, с его толстой кожей эта частичка земного тепла, частичка Солнца, получаемая посредством Земли, приносит очень мало пользы. Это происходит потому, что он такой толстокожий, а этим силам не так-то легко проходить сквозь что-либо. Он должен в своих собственных семенах накопить очень много из прошлого. Он накапливает лунные силы. Они, конечно, необходимы ему для материнства, для женского размножения. Он их накапливает. Луна находится вне Земли, и животные, чтобы размножаться, имеют теперь эти лунные силы в себе.

Видите ли, этот вопрос требует серьезного и внимательного отношения. Может найтись кто-нибудь, кто скажет: что это за дурак, то он говорит о каких-то прежде бывших лунных силах, то говорит, что такие допотопные силы еще живут в яйцах и в силах размножения. Этот глупый парень утверждает, что будто бы современные силы производства существовали и раньше. Такому человеку я мог бы ответить просто: разве ты не видишь, что у всего, что живет сейчас, есть кое-что от прошлого? Я показал бы ему мальчика, который как две капли воды походил на своего отца, как будто это одно и то же лицо. Да, если вспомнить, что было — отец, возможно, уже умер, — кое-кто знал отца еще тогда, когда тот сам был совсем маленьким, как и тот мальчик, и этот кое-кто мог бы подтвердить: да, этот мальчик — вылитый отец. Мальчик выглядел точно так же, как выглядел отец, когда сам был еще маленьким мальчиком. То, что вы видели тридцать, сорок лет тому назад, опять обнаруживается в маленьком мальчике! Внутри того, кто живет в настоящее время, всегда присутствуют силы прошлого. Так же обстоит и с силами производства. То, что есть в настоящее время, происходит из прошлого.

Вы ведь знаете, некоторые считают особо вредным суеверием мнение о том, что Луна действует на погоду. На эту тему есть, конечно, немало суеверий. И все же были некогда в Германии два ученых мужа в Лейпцигском университете, один из которых звали Фехнер — его звали Фехнер: а вдруг в этом суеверии, в том, что Луна влияет на погоду, есть чуточку правды? Он записывал для себя, какая погода бывает в полнолуние и какая погода бывает в новолуние, и сделал такое открытие; есть разница: в полнолуние дождливая погода бывает чаще, чем в новолуние. Это он обнаружил. И все же еще нельзя было в это поверить. Такие записи не очень убедительны. Настоящая наука должна была бы работать гораздо точнее. Но он все же сказал, что надо было бы продолжить такие исследования и посмотреть, действительно ли Луна влияет на погоду.

Был в Лейпцигском университете еще один ученый, который считал себя более умным, его звали Шляйден; он сказал: ну, мой коллега дошел до того, что говорит о влиянии Луны на погоду. Черт возьми, это уже никуда не годится, надо всеми силами противодействовать этому! Тогда Фехнер сказал: что ж, прекрасно, между нами, мужчинами, дискуссия уже ведется, но ведь у нас есть еще и жены. Видите ли, это было еще в прежние времена. Поскольку жены университетских профессоров жили в Лейпциге, они соблюдали старый обычай, укоренившийся среди профессорских жен в городе. Во время дождя они выставляли свои бочки и корыта, чтобы набрать дождевой воды для стирки. Они собирали ее, так как в старом Лейпциге было не так-то просто достать воду. Ведь водопровода тогда еще не было. И вот профессор Фехнер говорит: пусть наш спор разрешают женщины. Пусть госпожа профессорша Шляйден и госпожа профессорша Фехнер сделают так: для того, чтобы они всегда получали одинаковое количество дождевой воды, госпожа профессорша Шляйден может выставлять свои бочки в новолуние, а моя жена пусть выставляет их в полнолуние! А про себя он добавил: по моим подсчетам, она получит больше дождевой воды.

Однако женщины на это не пошли. Они не желали действовать по науке своих мужей. Они не позволили убедить себя. Произошла, таким образом, довольно курьезная история, когда человек, несмотря на то, что научные указания исходили от мужа, не поверил науке. Госпожа Шляйден не сказала: я получу столько же воды

в новолуние, как и в полнолуние, — нет, она хотела выставлять свои бочки и в полнолуние тоже, несмотря на то, что ее муж страшно конфликтовал с Фехнером.

Это нечто такое, что еще не доказано. Но, видите ли, все же достойно внимания то, что еще и сегодня приливы и отливы связаны с Солнцем и Луной. Тут можно сказать: в течение одной четверти Луны приливы совсем иные, нежели в течение другой четверти Луны. Это связано. Но, господа, из этого не следует, что Луна как-то светит на море и именно от этого возникает прилив; история это старая.

Когда Луна еще находилась внутри Земли, она влияла посредством своих сил и вызывала приливы. Земля еще имеет остаток тех самых сил, из-за которых возникали приливы. Не чудо, что Земля делает это теперь самостоятельно. Сегодня считается суеверием думать, что Луна действует на Землю. Но она продолжала действовать на Землю, как действовала тогда, когда еще находилась внутри Земли; для Земли эта связь сохраняется. Приливы и отливы зависят от Луны, так как Земля поддерживает эту зависимость. Но это только видимость. Точно так же, как, посмотрев на часы, я не скажу, что они в девять часов сами выведут меня из зала. Вот и лунные фазы совпадают сегодня с приливами и отливами, поскольку когда-то они зависели друг от друга более непосредственно.

Так же обстоит дело и с теми силами воспроизведения, которые зависят от Луны, поскольку они же — естественной природы. Так же обстоит дело и с теми силами производства, которые зависят от Солнца, то есть с теми солнечными силами, которые находятся внутри Земли.

Однако все животные, которые исключительно сильно размножаются вплоть до миллиардов миллиардов (десять в восемнадцатой степени — примеч. перев.), которые, следовательно, могут использовать солнечные силы, приходящие от Солнца и аккумуляруемые Землей — все это низшие животные. У высших животных и человека эти силы производства защищены, они находятся внутри организма. Сюда же проникает дополнительно кое-что от аккумуляруемых в Земле солнечных сил и освежает, оживляет силы, находящиеся внутри организма. Без этого оживления, освежения, они не могли бы обойтись, их не могло бы быть. Но и посредством исключительно тех солнечных сил, которые находятся в настоящее время в Земле, ни животные, ни человек не смогли бы правильным образом обладать этими силами воспроизведения.

Растениям это удается, поскольку они начиная с зимы и в течение всего лета проносят, пропускают через себя, через свое собственное тело силы, которые живут в Земле, сохранившись с прошлого года. Растения имеют силы производства от прошлого года.

Но слон не может иметь их от прошлого года. Он обладает ими с того времени, которое было миллионы лет тому назад; эта сила находится у него в осуществляющей воспроизведение семенной жидкости, сперме, которая передается по наследству от слона-отца к слону-сыну. Он имеет ее внутри. Но с какого же времени он имеет ее внутри? Точно так же, как растение имеет в себе силу производства от прошлого года, так слон имеет в себе эту силу производства от времени, которое было миллионы лет тому назад. Растения и низшие животные могут размножаться так быстро, поскольку они еще и сегодня могут использовать находящуюся в Земле силу (Солнца — примеч. перев.). Эти силы производства необычайно крепки. А те животные, которые приспособлены к тому, чтобы сохранять в себе силы из очень отдаленного прошлого, могут размножаться, но только слабо.

Теперь давайте вернемся назад к тому времени, когда были такие гигантские устрицы. Едва лишь этих устриц освещало Солнце, как они теряли внутренние силы и могли использовать только те, которые поднимались к ним от Земли. Эти силы устрицы еще могли использовать, поскольку устрицы были открыты для доступа снизу. Устрицы были размером с современную Францию, причем внизу они были открыты и могли вбирать земные, хотя и пришедшие от Солнца, силы. Когда же эти животные изменили свою форму и стали мегатериями, ихтиозаврами, когда освещавшее их Солнце стало приходить со всех сторон, и они перестали быть открытыми снизу; тогда-то и стали они приспособленными к использованию только тех сил воспроизведения, которые они имели в самих себе и которые, в лучшем случае, оживлялись, освежались посредством внешнего Солнца.

Какое положение было когда-то, господа, для того чтобы животные могли получить такие силы воспроизведения, какие они не смогли бы получить, если бы

Солнце светило извне? Должно было быть такое время, когда и Солнце находилось внутри Земли; когда, следовательно, в Землю поступали не только те незначительные силы Солнца, которые зимой остаются, например, для картофеля; нет, когда-то было такое время, когда все Солнце составляло одно целое с Землей.

Вы скажете: но ведь физики говорят, что Солнце страшно горячее, и если бы Солнце составляло одно целое с Землей, то Земля бы сгорела. Да, господа, вы знаете это, но только от физиков. Однако физики были бы крайне удивлены, если бы они могли видеть, как в действительности выглядит Солнце. Если бы они построили такой воздушный шар, на котором можно было бы подняться туда, то они обнаружили бы не то, что Солнце горячее, а то, что Солнце внутри наполнено жизненными силами, а жар оно развивает тогда, когда солнечные лучи проходят сквозь воздух или что-то еще. Только при этом развивается жар. Итак, когда Солнце было в Земле, составляло одно целое с Землей, оно было полно жизненных сил. Тогда оно могло дать не только то незначительное количество жизненных сил, которое оно может дать в настоящее время. Когда Солнце было внутри Земли, тогда живые существа, животные и растения, бывшие тогда, получали достаточное количество этих сил потому, что им их давало Солнце. Ведь Солнце было тогда именно в нашей Земле. Тогда развивались и эти устрицы, но без оболочки, без скорлупы, они вообще состояли тогда из одной только слизи.

Представьте себе: когда здесь была Земля и находившаяся в ней Луна — Солнце тоже находилось внутри Земли, — развивались устрицы, которые не имели оболочки, но состояли из слизи. Возникла слизь; она разбивалась на куски, разделялась, и при этом возникала то одна устрица, то другая, и так продолжалось все дальше. Однако они были настолько чудовищно огромны, что даже отделить их друг от друга было нельзя. Они граничили друг с другом. Как же должна была тогда выглядеть эта Земля? Она была похожа на наш мозг, где клетки тоже располагаются рядом друг с другом. Тут тоже одна клетка находится рядом с другой; только они отмирают, в случае же, когда Солнце еще было в Земле, клетки-устрицы, гигантские клетки, находились рядом друг с другом, и Солнце развивало их силы, оно развивало их постоянно, так как оно находилось внутри Земли. Представьте себе, господа, следующее: здесь была

Земля (см. рисунок 19), здесь — гигантская устрица, здесь — снова гигантская устрица, еще одна; только одни такие гигантские комки слизи рядом друг с другом, и они постоянно размножаются. Современные устрицы тоже размножаются, причем так быстро, что за короткое время они могут дать

Рисунок

миллион потомков; тогдашние устрицы размножались еще более быстро. Черт возьми, устрица не успевала постареть, как появлялись все новые и новые молодые устрицы, от них — еще, и так далее. Старая же должна была растворяться. Если кто-нибудь наблюдал бы со стороны, как существовал этот огромный земной ком, подобный большому мозгу, хотя он был, конечно, более мягким, более слизеобразным, чем современный мозг, наблюдал, как быстро тут размножаются гигантские устрицы, причем каждая может снова дать миллион потомков, — если бы кто-то наблюдал это, он увидел бы: здесь каждый должен был защищаться от других, поскольку они наталкивались друг на друга. Если бы сюда попал кто-нибудь особенно любопытный, если бы он мог наблюдать за этим с какой-нибудь иной, чуждой звезды, он мог бы увидеть следующее: тут внизу плыло в мировом пространстве некое огромное тело, оно было полно жизни, оно постоянно производило живое, миллионы живых, сдвинутых друг с другом устриц, они не только составляли его, но их число постоянно увеличивалось. Что бы он увидел? Совершенно то же самое — лишь в гигантских размерах, — что видят сегодня, если рассматривают на первой стадии развития маленькое, возникшее из человека зародковое яйцо! Тут тоже все это происходит, но в ничтожно малых масштабах. Здесь тоже находятся эти маленькие, слизистые пузырьки клеток, они быстро умножаются, ибо иначе человек не смог бы в первые недели беременности достичь положенных размеров. Клетки так малы, они должны размножаться очень быстро. Если же кто-нибудь посмотрел бы тогда на Землю, то и от Земли он получил бы такое же впечатление. Это — огромное животное, внутри него силы Солнца и Луны, составляющие одно целое с Землей.

Видите ли, сейчас я объяснял вам, как можно обратиться к тому времени

земного развития, когда Земля, Солнце и Луна были еще одним телом. Но, господа, я мог бы сказать: в «Фаусте» — если вы его читали — шестнадцатилетняя Гретхен говорит Фаусту, когда он рассказывает о своей религии: «Нам патер это так же объясняет, немножко лишь в других словах». Вы тоже могли бы сказать: да, профессора тоже говорят нечто подобное, «немножко лишь в других словах». Они говорят: когда-то Солнце составляло одно тело с Землей и Луной (ссылка на теорию Канта-Лапласа и Шмидта — примеч. перев.). Ведь именно это утверждают они, когда говорят: Солнце было гигантским телом, оно стало затем вращаться и, поскольку оно вращалось, оно отделило от себя Землю. Земля тоже вращалась и отделила от себя Луну. Так что по существу, тут тоже говорится, что когда-то все три составляли одно единое тело.

Находились люди, которые говорили: ведь это можно доказать, это можно доказать даже школьникам. Это проделывают довольно-таки изящно. Берут маленькую капельку масла, она плавает в воде, затем берут листочек картона и вырезают из него маленький кружок, затем сверху протыкают его булавкой, все это опускают в воду и начинают вращать за головку булавки. Маленькая капелька масла при этом крутится и распадается. Тогда говорят: вот, смотрите, вы же видите: это когда-то происходило в мире! В мире был гигантский газовый шар, только газ; однако все это вращалось, двигалось. И тогда то, что находилось с краю, стало отделяться; так от Солнца отделилась наша Земля — так же, как отделяется эта маленькая капелька масла.

Вы, однако, должны были бы спросить у детей: видели ли они, как сверху стоял школьный учитель и вращал все это, держа булавочную головку? Следовательно, и вы должны представлять себе какого-то огромного школьного учителя, который вращал тогда этот газовый шар, а иначе планеты не могли бы от него отделиться! Это огромный школьный Учитель; в средние века о нем сказали бы: это был Господь Бог с длинной бородой. Это и был тот огромный школьный учитель, о котором люди забыли.

И все-таки, это не объяснение, если допускают существование огромного газового шара, который вращается и который мог бы вращаться только в том случае, если бы существовал некий огромный Всемирный школьный Учитель. Это все-таки не объяснение. Объяснением, господа, может быть то, когда считают, что Солнце и Луна были едины с Землей, и что все это двигалось самостоятельно. Оно могло двигаться. Газовый шар, сам по себе не мог бы прийти в движение. Но то, о чем я рассказывал вам здесь, могло двигаться самостоятельно. Тогда не было необходимости во Всемирном школьном Учителе, поскольку все это само по себе было живым. Земля когда-то была именно живым существом, она была такой же, как мена знаков сегодня, и в ней находились и Солнце, и Луна. Солнце и Луна вышли из Земли и оставили после себя наследство; так что в настоящее время силы зародыша, сохраняемые в материнском и отцовском телах людей, те силы, которые когда-то можно было получать непосредственно от Солнца, еще способствуют процессу размножения. В настоящее время животные, развивающие в себе семя и яйцо, еще несут древнейшие солнечные силы в своей сперме и в жидком содержимом яиц: они несут эти силы как наследие древних времен, тех времен, когда Земля еще вынашивала в себе Солнце и Луну.

Видите ли, вот это объяснение — настоящее. Тогда на его основе можно прийти к настоящему пониманию этого вопроса. Тогда становится понятным, что было время, когда Луна вылетела из Земли, а было такое время, когда Земля вместе с Луной отлетела от Солнца. Мы углубимся в понимание этого предмета в субботу в девять часов. Будет трудно, однако несмотря на это я верю, что история выглядела именно так, и что можно понять ее.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 30 сентября 1922 г.

Вопрос: Я был очень удивлен тем, что Солнце находилось внутри Земли; об этом я еще никогда не слышал. Насколько я понял из последних лекций, Земля есть не что иное, как человек, но ведь и живые тоже как-то произошли. Как объяснить последнюю, вопреки тому мнению, что человек произошел от обезьяны?

Доктор Штайнер: Вы меня очень обрадовали, задав этот вопрос, так как мы можем, отвечая на него, существенно продвинуться вперед.

Если сегодня вы рассматриваете человеческую плову такой, какова она есть

сама по себе, то, что вы находите при этом? Вы прежде всего обнаруживаете, что сверху снаружи эта человеческая голова покрыта достаточно твердой костной оболочкой, костной скорлупой. Да, господа, если вы возьмете эту костную оболочку, которая является тонкой по отношению ко всей голове, и сравните ее с тем, что вы обнаруживаете, например, обходя Юрские горы (хребет в Швейцарии — примеч. перев.), то вы найдете замечательное сходство. Оно проявляется в том, что костная оболочка головы состоит, в сущности, из составных частиц, очень похожих на известковые отложения, известковые наросты, которые вы находите, обходя Юрские горы.

Такие отложения вы можете, по большей части, обнаружить на поверхности Земли. Конечно, на этих известковых отложениях не удастся собрать хороших урожаев. Последнее достижимо только на тех слоях,

которые состоят не из известки, а из пахотных земель, почв, пригодных для пашни, которые как отложения находятся поверх известковой почвы.

Вы ведь уже видели, господа: если говоришь о природе, приходится касаться всего. Вы ведь знаете, что голова человека, по крайней мере с внешней стороны, тоже покрыта кожей, которая шелушится, так что поверх известковой оболочки, поверх черепа, снаружи находится кожа. Исследуя эту кожу, можно обнаружить ее большое сходство с пахотной землей. На коже головы вырастают волосы. Эти волосы опять-таки обладают большим сходством с растениями, произрастающими на пахотной земле. Если схематически, наглядно изобразить это, можно сказать следующее: в некоторых местах Земли здесь, вверху, находятся известковые отложения; поверх них есть пахотная земля, и из этой пахотной земли вырастают растения. У человека же мы находим снаружи оболочку, содержащую известку; поверх нее находим кожу, и из этой кожи вырастают волосы.

Рисунок

Теперь вспомним еще кое-что. Тут я смог сделать несколько курьезное изображение, указывающее на сходство Земли и человеческой головы. Однако вспомните то, о чем я уже вам кое-что говорил. Я говорил вам, что если мы проникнем в Землю глубже и исследуем то, что находится более глубоко в Земле, то обнаружим в Земле остатки древних живых существ, древних животных и растений. Ихтиозавры, плезиозавры и так далее были очень крупными животными. Но если мы теперь проникнем внутрь человеческой головы — то что я говорил вам об этом? Я говорил вам: в крови плавают белые кровяные тельца и это тоже, по существу, маленькие животные. Внутри человеческой головы эти маленькие животные постоянно находятся в состоянии отмирания, они, в некотором смысле, наполовину мертвые, и только ночью они становятся более живыми; тем не менее, они находятся на пути к отмиранию. И чем дальше мы углубляемся в голову, тем больше там процессов отмирания. Под оболочкой черепа, между мозгом и внешней оболочкой черепа находится полностью отмершая кожа. Так что по мере проникновения в голову, обнаруживают нечто, находящееся в мертвом состоянии.

Следовательно, можно сказать: если человек умирает, и затем берут его голову — этим главным образом занимается наука, которая неохотно имеет дело с живым человеком, а предпочитает мертвеца на патологоанатомическом столе, — если берут голову, господа, то имеют фактически отмершие мозговые клетки, которые являются, по существу, «окаменевшими» клетками крови; с внешней же стороны находится твердая оболочка. Вся эта история имеет сходство с Землей. Так что мы не можем сказать ничего иного, кроме следующего: если мы сквозь эту твердую мозговую оболочку — она потому и называется «твердая мозговая оболочка», поскольку состоит из отмерших тканей — проникнем в сам мозг, то и там мы тоже обнаружим «окаменелости», затвердения. На Земле эти окаменелости находят повсюду. Если мы сегодня рассматриваем Землю, то она, можно сказать, как две капли воды похожа на умершую человеческую голову. Только голова, конечно, меньше. Земля больше, поэтому все на ней производит иное впечатление. Кто сегодня изучает Землю, тот может, в сущности, сказать: Земля — это гигантский человеческий череп, причем давно мертвый.

Вы, господа, не можете ведь представить себе, чтобы что-то могло стать мертвым, не будучи сначала живым. Такого не бывает, не так ли? Только наука утверждает нечто подобное. Однако я полагаю, что вы сами стали бы считать себя глупцами, если бы вы, найдя где-нибудь мертвую человеческую голову, стали

говорить: это образовалось само собой из материи. Этого бы вы не сказали, но сказали бы так: то, что так выглядит, должно было когда-то принадлежать живому человеку, оно должно было когда-то быть живым, ибо то, что умерло, должно было когда-то быть живым. Следовательно, если кто-то разумно рассуждает о том, как он, изучая Землю в настоящее время, обнаруживает черты умершей человеческой головы, то он должен представлять себе — иначе он был бы просто, позвольте сказать, глуп, — что она когда-то была живой, что Земля когда-то была живой человеческой головой, что она жила в космосе, подобно тому, как сегодня человек живет на Земле.

Однако человеческая голова не могла бы жить, если бы она не получала свою кровь от человеческого тела. Отдельно человеческую голову могли показывать в лучшем случае как фокус. Когда я был еще маленьким мальчиком и жил в деревне, там иногда появлялись труппы бродячих артистов, и они открывали балаган. Если кто-то проходил мимо, то кто-нибудь оттуда выбегали и кричали: господа, пожалуйста, заходите, представление уже начинается! Здесь можно увидеть говорящую человеческую голову! Итак, они показывали живую человеческую голову. Как вы знаете, этот эффект достигается при помощи рличных аппаратов с системой зеркал, так что тела не видно, видно только голову. В ином случае голова, конечно, не могла бы находиться отдельно, так как от человеческого тела к ней должна поступать кровь и все то, что ее питает. Так и Земля когда-то должна была быть такой, чтобы получать питание из мирового пространства. Можно ли привести доводы в пользу того, что Земля когда-то была действительно подобна человеку, что она могла питаться из мирового пространства?

Много размышляют над тем, как происходило то, что Солнце — я вам в последний раз указывал на это, — было некогда соединено с Землей. Но это было очень давно. С того времени Солнце находится вне Земли и дает Земле свет и тепло. Даже то тепло, которое находится внутри Земли, идет от Солнца и только сохраняется зимой. Действительно, можно сосчитать, сколько тепла Солнце отдает ежегодно. Это очень много. Солнце отдает очень много тепла. Физики делают такие подсчеты. Это миллионы и миллионы калорий. Причем, господа, при этих подсчетах физики начинали опасаться, им становилось страшно, когда они получали сведения о том, сколько же тепла расходует Солнце ежегодно; полученные результаты, если считать их верными, свидетельствовали о том, что Солнце должно медленно остывать и все мы должны замерзнуть. Подсчеты выполнены верно, но все же они неправильны. Это бывает. Можно вычислять, можно рассчитывать что-либо самым прекрасным образом, но расчеты не будут соответствовать реальности, хотя они прекрасно выполнены.

Был один физик, шваб, его звали Юлиус Роберт Майер, у него были действительно интересные мысли. Это было в середине XIX столетия. Этот Юлиус Роберт Майер постоянно проживал в Хайльбронне в Вюртемберге, он был врач и, подобно Дарвину, во время своего путешествия по миру делал свои открытия. Однажды, путешествуя по Южной Азии, он сделал исключительно интересные наблюдения на одном из островов; он нашел, что вследствие влияния тепла кровь человека выглядит иначе, нежели в холодной местности. Благодаря этим наблюдениям он пришел к интересным фактам. Эти наблюдения он обобщил и опубликовал впервые в виде совсем короткой статьи. Ее он отослал в один уважаемый германский естественнонаучный журнал. Это было в 1841 г. Но этот естественнонаучный журнал отослал ему эту статью обратно, так как нашлись люди, которые сказали: все это бессодержательный вздор, дилетантизм и глупость. Сегодня те же самые люди, точнее их последователи, считают его работу величайшим открытием XIX века!

Однако поггендорфское издание «Анналы физики и химии», которое было тогда самым известным германским естественнонаучным журналом, не только отослало Юлиусу Роберту Майеру назад ту его работу, в которой он излагал суть проблемы, но, кроме того, посадило его в сумасшедший дом! Поскольку он действительно был чересчур воодушевлен своим учением — оно хотя и не совсем верно, но он был им крайне воодушевлен, и поэтому вел себя несколько иначе, чем другие люди, которые, конечно, не знали столько, сколько знал он, — и вот его ближайшие коллеги-врачи и другие врачи обратили на это внимание, и он попал в сумасшедший дом! Так что вы познакомились с научным открытием, сделанным человеком, которого за это посадили в сумасшедший дом. Если сегодня вы попадете

в Швабии в город Хайльбронн, то на главной его площади вы увидите памятник Юлиусу Роберту Майеру. Но это было сделано, так сказать, задним числом! Это только один пример того, как обходятся люди с теми, у кого в голове есть хоть немного мыслей.

Так вот, видите ли, этот Юлиус Роберт Майер от мыслей об открытом им влиянии тепла на кровь перешел к мыслям о том, как вообще возникает тепло на Солнце. Другие подсчитывали только то, сколько оно отдает. Но Юлиус Роберт Майер спросил: откуда оно получает это тепло? Что делает физика? Можно сказать, что физика ведет подсчет точно так же, как стала бы она вести подсчет в случае человека, который что-то съел, наелся и, кроме того, сделал для себя кое-какие запасы жира и мускульной ткани. Он может жить сорок, шестьдесят дней, но потом он все-таки умрет, если не получит пищи. Такие же подсчеты совершают физики и в отношении Солнца: сколько оно отдает каждый день после того, как оно каким-то чудесным образом получило это тепло. Чем оно когда-то напиталось, что оно съело — этим не интересуются, вычисляют только то, сколько оно расходует.

Откуда оно берет все это? — вот о чем спрашивал Юлиус Роберт Майер. В результате он пришел к выводу, что ежегодно в Солнце влетает большое количество небесных тел, являющихся кометами. Видите ли, это и есть пища Солнца. Если мы даже сегодня будем наблюдать Солнце, то мы сможем увидеть; у него огромный желудок, который поедает ежегодно огромное количество комет. Так же, как мы поедаем свой обед и благодаря этому вырабатываем наше тепло, так и Солнце вырабатывает тепло, когда оно с помощью своего хорошего желудка пожирает кометы.

Это означает следующее, господа: когда кометы уже совсем расплывены и падают вниз, они, тем не менее, представляют собой железное ядро; вниз падает только это железо. У человека в крови тоже есть железо. Если бы человек оказался как-нибудь в раздробленном состоянии, то о нем, вероятно, люди могли бы сказать: там вверху что-то находится, оно блестит и состоит из железа. Поскольку метеоритные камни, на которые распадается комета, состоят из железа, говорят, что и комета состоит из железа. Это, однако, столь же бессмысленно, как бессмысленно было бы полагать, что человек состоит из железа, поскольку в его крови есть железо и в нем можно обнаружить совсем маленькие частички железа. Аналогичным образом обнаруживают метеорные камни, они являются расплывшимися, распавшимися кометами. Однако кометы представляют собой нечто совершенно иное, кометы живут! И Солнце тоже живет, у него есть некий желудок, оно пожирает не только кометы, оно питается так же, как и мы. В нашем желудке тоже есть железо. Если кто-либо ест шпинат, то он не замечает, что внутри шпината находится весьма много железа, относительно много, конечно. Несмотря на это, очень хорошо, если человеку с малокровием советуют есть как можно больше шпината, так как человек тем самым получит для своей крови много безопасного железа, тогда как при введении в желудок обыкновенного железа, оно, большей частью, выводится наружу.

Если бы кометы состояли только из железа и падали на Солнце, то вам бы пришлось увидеть, как все это выделяется обратно! Вы бы тогда увидели совсем иной процесс. Если бы это было так, то тогда, вероятно, в небесном пространстве пришлось бы устраивать гигантский клозет! Но все, конечно, обстоит иначе. Кометы содержат в себе лишь ничтожную часть железа; Солнце же их пожирает.

Мысленно оглянитесь назад, когда Земля имела Солнце в себе. Солнце тогда делало то же самое, что делает оно сейчас, находясь отдельно; оно тоже пожирало кометы. Теперь вы знаете причину, почему эта огромная голова, которой является Земля, могла жить; поскольку Солнце играло роль ее пищеварительного аппарата. Пока Солнце было в Земле, Земля благодаря Солнцу получала из мирового пространства свою пищу, подобно тому, как мы теперь питаемся от Земли посредством нашей системы питания, нашего аппарата питания.

Уже тогда, когда Солнце находилось в составе Земли, Земля могла обеспечивать себя питанием. При этом вы должны иметь представление о том, что Солнце размером гораздо больше Земли, и, следовательно, когда Солнце было внутри Земли, то, в сущности, не Солнце было внутри, а Земля была внутри Солнца. Так что можно представить себе это вот таким образом (см. рисунок), что Солнце тогда было здесь, здесь, внутри, находилась Земля, а в Земле находилась Луна. Итак: Солнце, в Солнце — Земля и в Земле — Луна, в некотором смысле это было в

обратном порядке, не жили у человека. Однако у человека только по видимости желудок невелик; один маленький желудок не смог бы делать многого. Тот маленький желудок, который есть у человека — об этом мы еще поговорим позднее, — выполняет посредническую функцию по отношению к внешнему миру. В сущности, человек находится внутри Земли, так же как Земля когда-то была внутри Солнца. И настоящий земной желудок был тогда центральным пунктом Солнца. Если здесь находилось Солнце (см. рисунок 21), а здесь Земля, то желудок был здесь, в середине; Солнце отовсюду втягивало эти кометы и затем доставляло их в желудок, так что пищеварение Земли происходило все же внутри самой Земли.

Рисунок

Вы опять могли бы сказать: этому противоречит то, что человеческая голова сама не переваривает пищу. Это совершенно верно. Но в этом отношении вся история в целом меняется. Человеческая голова все же немного переваривает. Видите ли, я описывал вам: если мы едим пищу, тогда она прежде всего поступает на язык, к твердому небу. Там она предварительно смачивается слюной, птиалином, и только потом отправляется по пищеводу. Но не только пища идет по пищеводу, ведь человек, в сущности, есть водяной столп — в нем все мягкое, твердые же части находятся в форме отложений, — так что уже во рту какая-то часть пищи всасывается в голову. Какое-то питание, осуществляемое напрямую, идет от неба в голову. Это так. Видите ли, эти вещи не происходят так примитивно, как это обычно предполагают, в этом вы можете убедиться с помощью сравнения. Зародышевое яйцо человека не может быть вынесено наружу, на воздух, для того чтобы там, вовне, его высидивать. Зато это происходит у птиц. Яйцо выходит наружу, на воздух, и высидивается только вовне. Нечто подобное происходит и с человеческой головой (то есть перемещение некоторой функции, процесса в другое место — примеч. перев.). В настоящее время человеческая голова не могла бы пропитать себя пищей, которую получает непосредственно, через небо. Земля же была устроена несколько иначе. Желудок она имела в себе, он же одновременно был и ртом, и с помощью этого рта она достаточным образом питалась. Так что мы можем сказать: пока Солнце было связано с Землей, эти гигантские существа имели возможность пропитать себя, получая пищу из Космоса.

Но я говорил вам: если сегодня исследовать Землю, то она окажется подобна мертвой человеческой голове. Именно так, это мертвая человеческая голова, которая когда-то должна была быть живой. Следовательно, Земля когда-то должна была быть живой. И благодаря Солнцу она питалась.

Я хочу сказать вам, господа, еще кое-что. Видите ли, если вы будете рассматривать зародыш человека в материнском теле на каком-то конкретном этапе и после оплодотворения, я бы сказал, через две, три, четыре недели после оплодотворения, то этот человеческий зародыш выглядит интересно. Прежде всего, в материнском теле, вокруг той части материнского тела, которая называется маткой, находится кожа, содержащая в себе много кровеносных сосудов. Эти кровеносные сосуды, в большом количестве расположенные внутри материнского тела — их нет в человеческом теле, если плод отсутствует, — эти кровеносные сосуды связаны с другими кровеносными сосудами, которые имеет мать. Они повсеместно входят в те кровеносные сосуды. Следовательно, мать в свою собственную кровеносную систему включает этот шар (см. рисунок 22) и если в ином случае кровь циркулирует только в теле, то эта кровь проникает сверх того и в этот шар, в его внешнюю оболочку.

Рисунок

Внутри этого шара, господа, вы обнаружите все органы. Тут есть, например, орган, который выглядит как мешок, а рядом еще один «мешок», только гораздо меньший. В этот мешок, продолжаясь, тянутся кровеносные сосуды, совсем отсутствующие в том случае, когда мать не носит дитя, поскольку и весь шар в целом отсутствует; итак, эти сосуды тянутся и проникают сюда. Так что мы можем сказать: эти сосуды отовсюду входят сюда, и все, что я вам до сих пор рисовал, обозначает развитие эмбриона в течение первых недель; все это находится тут, а рядом в подвешенном положении находится нечто очень маленькое, здесь в подвешенном положении находится крохотный ребенок. Он ничтожно мал и прикреплен здесь.

Это будет выглядеть несколько курьезно, если здесь я нарисую вам теперь ребенка больших размеров, каким он будет в последующее, ближайшее время, когда его надо будет нарисовать вот так.

Рисунок

Эмбрион представляет собой почти одну голову. Остальное очень мало и находится рядом. Вы видите, здесь я пририсовал два таких ответвления, две ножки, которые позднее станут руками. Ног мы здесь почти совсем еще не видим. Но зато на ребенке нарастаются две полости, два кармана, которые я здесь нарисовал, в эти два кармана входят кровеносные сосуды. Эти кровеносные сосуды доставляют питание, и таким образом голова питается. Желудка тут еще нет, сердца тоже нет. Собственная циркуляция крови у ребенка в первые недели отсутствует. Ребенок (эмбрион) представляет собой лишь одну голову. Он растет, постепенно подрастает, и на втором-третьем месяце становится человекообразным, похожим на человека, поскольку нарастаются другие органы. Однако питается ребенок все еще извне, от того, что находится тут в качестве карманов. И затем питательные вещества аккумулируются здесь вокруг (изображается на доске). Но прилив крови усиливается. Дышать ребенок еще не может, он получает воздух окольным путем, через мать. Ребенок, следовательно, представляет собой одну только человеческую голову, тогда как другие органы еще не оказывают какой-либо особой службы. Деятельность легких еще не начата. Деятельность желудка тоже не начата. Есть он тоже не может, он должен получать все питание так, что питается его голова. Дышать он тоже не может. Носа у него тоже еще нет. Органы хвоста и развиваются, но использованы быть не могут. Следовательно, пока ребенок в материнском теле — это одна голова; только все это мягкое. Возникающий позже здесь, внутри мозг страшно мягкий, он очень мягкий и очень живой, он совершенно живой. А если бы вы могли воспользоваться огромным микроскопом и непосредственно рассмотреть голову эмбриона, которая она на второй или третий неделе после оплодотворения, то она выглядела бы очень похоже на то, как я вам описывал Землю, какой она была когда-то, когда по ней передвигались ихтиозавры, плезиозавры и так далее. Все это выглядит чертовски похожим, и отличается только по величине.

Стало быть, можно сказать: что еще сегодня является образом Земли, бывшей когда-то? Человеческая голова, когда эта человеческая голова еще не родилась и существует лишь как зародыш. Эта человеческая голова и есть явное отображение Земли.

А все то, что должно образоваться на ней, эти карманы на теле, то, что расположено вокруг, все это в качестве так называемого последа, после того как он станет непригодным, будет выброшено, а оставшийся человек родится. Следовательно, от того, что отбрасывается как послед, ребенок в материнском теле получает питание, этот послед состоит из искромсанных, разорванных кровеносных сосудов. Это так называемый аллантоис, этот аллантоис — то есть искромсанные органы — является для нас чрезвычайно важным, пока мы находимся в материнском теле, поскольку он заменяет желудок и органы дыхания. Но если мы его больше не используем, если мы уже родились, сами дышим и сами можем есть, то это отбрасывается как послед.

Если вы, господа, рассмотрите то, что я нарисовал вам здесь, то вам нужно будет только представить: здесь находился бы космос, здесь была бы Земля, здесь внутри человеческая голова, а вокруг — совсем разорванное Солнце (см. рисунок 22). И вот наступает рождение, это означает, что прерывается то, что когда-то тут было. Солнце и Луна вылетают наружу, и рождение Земли состоялось. Земля должна дальше обеспечивать себя сама.

Можно при этом описывать двоякое. Сначала я смог описать вам то, о чем я говорил так: Земля когда-то выглядела таким образом, что там были ихтиозавры, плезиозавры и так далее. Ну а сейчас я с таким же успехом смог описать вам человеческий зародыш. Все это только меньше по размерам, но, в сущности, мне приходилось говорить то же самое. Так что сегодня вы могли бы сказать: Земля когда-то была зародышем гигантского человека.

И опять-таки чрезвычайно интересно то, что в более ранние времена люди весьма достойным образом — об этом мы еще поговорим — знали больше, чем последующие люди. Более поздние

люди, изучая главным образом древнееврейские первоисточники, изучая

неправильно истолкованный Ветхий Завет, получали такие представления: тут была Земля, а где-то тут рай и тут появился в зако~~н~~ном виде Адам, подобно маленькому карапузу. Это представление, составленное людьми на основе неправильно истолкованного Ветхого Завета, выгля~~д~~ит примерно так, как если бы сегодня кто-нибудь стал представлять себе, что человек происходит не от того маленького образования, которое находится здесь, поддерживаемое аллантоисом и плодовыми сумками, окруженное кожей и так далее, как будто не человек, а какая-то вещь в себе возникает при этом, но, что человек сидит в материнском теле подобно маленькой блохе, и уже из этой маленькой блохи происходит человек. Примерно так же думают и те, кто считают, что Земля уже была, и Адам и Ева по~~с~~елились и жили на ней подобно блохам, а затем и весь человеческий род. Такое мнение возникло из не~~п~~равильно истолкованного Ветхого Завета, в то вр~~е~~мя как в древности знающие люди говорили не об Адаме, а об Адаме Кадмоне, а это нечто иное, нежели Адам. Он-то и был той гигантской головой, которой была когда-то Земля. Такое представление носит природный, естественный характер. Земной блохой этот Адам Кадмон стал только тогда, когда люди уже не могли себе больше представить, что человеческая голова может быть столь же огромной, как Земля, к~~о~~гда они не могли уже больше поверить в это, и тогда у них появилось неверное представление. Будто бы шуткой оказалось то, что целых девять месяцев пр~~о~~исходило в материнском теле, что из материнского чрева рождался человек.

Мы должны представлять себе, как совершенную реальность то, что человеком была когда-то вся Зе~~м~~ля — вся Земля целиком. И эта Земля была гораздо более живой. Это именно так, господа, а не иначе. Видите ли, если я рисую вам Землю в настоящее время, то она является умершим существом, как челове~~ч~~еская голова, подвергшаяся процессу умирания; если же мы возвращаемся назад к той человеческой гол~~о~~ве, которая находится в материнском теле, то эта г~~о~~лова целиком и полностью проникнута жизнью, она живая. Она такова, какой была Земля когда-то. Сег~~о~~дня же Земля мертва. Но она была когда-то целиком и полностью проникнута жизнью.

Видите ли, если бы люди были в состоянии соп~~оставить и подытожить все, что дает наука, они могли бы кое-чего достичь. Сама по себе наука права, одна~~к~~о люди, которые оперируют современной наукой, ничего с той наукой поделаться не могут. Если сегодня кто-то рассматривает поверхность Земли, то он до~~л~~жен сказать: она подобна умершей голове человека. Мы, в сущности, ходим по мертвецу, который когда-то должен был быть живым. Это я уже говорил вам: я скажу и о том, что из этого следует.~~

В пору моей юности в Вене был один очень изве~~с~~тный геолог, исследователь Земли. Он написал большую книгу «Лик Земли». Вот что там написано: если сег~~о~~дня мы проходим по Богемии или Вестфалии, то мы идем по тому, что умерло. Когда-то это было живым. Некоторые отдельные вещи наука чувствует, но ей не удается связать все эти вещи воедино. То, что я г~~о~~ворю вам, ни в чем не противоречит науке. Подтве~~р~~ждение этому вы можете отыскать везде, если будете следовать науке. Однако сам естествоиспытатель не в состоянии сделать правильных выводов в соответ~~с~~твии с настоящим положением вещей.

Итак, мы приходим к следующему высказыванию: Земля была когда-то огромным человеком. Все чем б~~ы~~ла она. Но она умерла, и сегодня мы странствуем по умершей Земле.

Тут, как видите, остаются еще важные вопросы, два важных вопроса, возникшие в связи с вопросом господина Бурля. Первый из них таков: вернувшись в прошлое, мы видим, что Земля была гигантским ч~~о~~ловеком. Откуда же произошли животные? И второй вопрос: Земля была гигантским человеком. Как же случилось, что в настоящее время человек на Земле стал такой крохотной блошкой? Отчего он стал таким маленьким? Эти два вопроса действительно важны.

На первый ответить не так трудно; надо только при ответе придерживаться фактов, а не различных фантастических представлений.

Господа, представьте себе, что женщина вдруг ум~~и~~рает во время беременности, причем на той ее стадии, когда внутри все выглядит так, как я это рисовал вам на доске. Представьте, что в процессе патологоанатомического вскрытия извлекается наружу этот сфер~~и~~ческий ком, внутри которого находится все то, что должно было бы отпасть с последом, внутри которого находится и эмбрион, который позднее стал бы чело~~в~~еком, — и попробуйте допустить, что после

извлечения мы поместили бы все это не в спирт, где бы все сохранилось, а просто положили куда-нибудь, где влажно, а затем спустя некоторое время вернулись; как вы полагаете, что бы мы увидели? Да, господа, если бы мы через некоторое время вернулись и начали резать все это, то там было бы полно живых организмов; очень маленькие животные сновали бы там. Человеческая голова, которая была живой в материнском теле, умерла. И в процессе ее умирания — нам надо только разрезать ее, чтобы это увидеть — появились всевозможные животные организмы.

Да, господа, представьте себе, что и Земля была когда-то такой человеческой головой в мировом пространстве и она умерла. Надо ли удивляться, что там появились всевозможные животные? Это происходит и сегодня. Рассмотрите это и вы получите представление о возникновении животных. Это можно наблюдать и сегодня.

Это один вопрос. Мы будем говорить об этом дальше, говорить о том, как возникли отдельные животные формы. Но, в принципе, вы видите, что животные должны быть тут. На этот вопрос я сегодня только указываю, позднее я отвечу на него более подробно.

Теперь остается другой вопрос: почему же человек сегодня — какой-то маленький карапуз? Тут вам придется подытожить все, что вам довелось узнать. В первых, вы можете спросить: но ведь в мировом пространстве жил когда-то один человек, который в настоящее время является Землей, он умер, и сегодня это Земля. Так что же, разве он так и не родился? Разве он не размножился? В последний вопрос нет необходимости вдаваться; если бы он размножился, то тогда в мировом пространстве возникли бы своего рода взаимодействия между ними. Нам в первую очередь надо поинтересоваться тем, в какой форме выступило размножение.

Господа, если сегодня исследуют, как размножаются маленькие клетки, то видят, что они сперва имеют вот такой вид (см. рисунок 24), затем такой, затем образуются две клетки. После этого из каждой

Рисунок

образуются снова две; их становится четыре. Таким образом, строится все человеческое тело, так что, в конце концов, оно состоит из исключительно маленьких отдельных животных, которые в крови живут, а в голове умирают. Все они происходят от одной-единственной клетки. Так из одной части первоначальной, первозданной Земли возникла современная Земля — причем она возникла так же, как возникает сегодня человек; не из всего человека, а лишь из некоторой его части. Тут, однако, возникает вопрос: почему сегодня не происходит то же самое? Потому что после того, как Солнце отделилось, Земля уже больше не связана с космосом так, как раньше. Теперь все существа остаются внутри. После того, как Солнце вышло, они освещаются Солнцем извне, в то время как раньше оно находилось внутри! Вы должны теперь согласовать все, что вам довелось узнать.

Вы, господа, вероятно, знаете, что, хотя собака и имеет в общем определенные размеры, ниже которых она не опускается, все же возможно выведение таких маленьких, которые не больше крупной крысы. Если, например, собаке давать алкоголь, то она останется маленькой — существо имеет величину в зависимости от того, что на него действует, — во всяком случае, при этом собака делается страшно нервной.

К тому же даже если бы мир не был наводнен алкоголем — реальное воздействие веществ стало совершенно иным после того, как Солнце отделилось от Земли. Когда оно еще было вместе с Землей, оказывалось совершенно иное действие, нежели позднее, когда Солнце было снаружи. И если вначале человек был так же велик, как и сама Земля, то произошло такое оказало на него такое мощное влияние, что он стал маленьким. Впрочем, это было счастьем для него, ведь если бы он оставался так же велик, как Земля, то все другие, которые рождались, должны были бы вылетать в космическое пространство. Позднее мы услышим, что происходило с ними. Теперь же они могли оставаться на Земле, могли странствовать по Земле друг с другом. Вместо одного Человека теперь возник человеческий род, поскольку человек оставался маленьким.

Это правда, господа: все мы приходим от одного Человека! Ведь это вполне понятно, не так ли? Но этот один Человек вовсе не был такой маленькой земной блошкой, каковы сейчас люди, он и был самой Землей. Когда же Солнце вышло

наружу, то, с одной стороны, эта Земля стала отмирать, и выползли животные, подобно тому, как появляются они сейчас, если что-то умирает. С другой же стороны, еще оставались силы (солнечные), только теперь их побудительное действие исходило не изнутри, от находящегося там Солнца, а извне; поэтому-то человек стал маленьким, и возникло много людей.

Следовательно, человек уменьшается в размерах потому, что Солнце воздействует извне. Все это может стать для вас вполне понятным. Вы только подумайте о том, что если это — Земля, я хочу теперь назвать Землю совсем маленькой — и здесь раньше было Солнце, внутри которого была как бы вставлена Земля, то все силы излучались вот так; если же Земля двигалась, то и Солнце двигалось вместе с ней, это было единое тело (рисунок 25, слева). Теперь же, когда Солнце вышло, все стало выглядеть так: тут находится Солнце и тут — Земля, которая вращается вокруг Солнца. Если Земля находится здесь, то она получает эти излучения; если же она находится там, то получает только это излучение (см. рисунок 25, справа). Вы видите лишь малую порцию излучения. Если Солнце находится снаружи, Земля получает очень мало излучения. Когда же Солнце еще было в Земле, то сюда, внутрь, приходило все воздействие Солнца. Это не чудо, если Солнце, вращаясь здесь, может светить человеку лишь в отдельной точке на Земле, в то время как раньше, когда оно было внутри и должно было светить из центральной точки, мог быть освещаем лишь один Человек. Когда же Солнце начало действовать из окружности, тогда тем самым было вызвано уменьшение человека.

Рисунок

Очень интересно, действительно интересно, что, хотя Ветхий Завет уже с очень давних пор перестали правильно понимать и это неправильное истолкование сохранялось и в более позднее время, азиатские ученые еще говорили об Адаме Кадмоне, являвшемся Единым Человеком, то есть всей Землей в целом; кроме того, у предков современных жителей Центральной Европы, в Швейцарии, в Германии, повсюду была распространена легенда, в которой говорилось: Земля когда-то была гигантским Человеком, Великаном Имиром. И Земля оплодотворялась.

Следовательно, они говорили обо всей Земле в целом так, как сегодня следовало бы говорить об одном человеке. Позднее это, разумеется, перестали понимать, поскольку на место этого поистине красочного легендарного образа — он был исключительно правдив — на место этого истинного образа пришло ложное латинское толкование Ветхого Завета. Следовательно, здесь, в Европе, древние германцы еще обладали древней образной наукой, хотя и сновидческого характера; она носила образный характер, как если бы они видели сны, но эти сны обладали большей реальностью, чем то, что пришло позднее, когда Ветхий Завет стал пониматься неправильно. Тогда вместо того, чтобы говорить о Земле в целом, об Адаме Кадмоне, стали говорить о маленьком Адаме.

Да, видите ли, проникаешься огромным уважением по отношению к той древней, когда-то уничтоженной образной науке, хотя она и имела чисто сновидческий характер. Но она существовала и была затем искоренена. Не надо удивляться этому. В определенное время происходило такое всеобщее искоренение. Вам стоило бы послушать рассказ о том, что существовало, например, в Малой Азии, в Передней Азии, в Северной Африке, в Южной Европе, в Греции и в Италии. Да, господа, в I, II, III столетиях, когда там уже существовало христианство, вы могли бы повсюду, проходя по пахотным землям Азии или Африки, встретить замечательные статуи; они были там повсюду. В этих статуях люди, еще не умевшие читать и писать, выразили то, что когда-то было на Земле. С помощью этих статуй можно было изучать то, что когда-то было на Земле. В этих формах, в этих скульптурных изображениях было выражено то, что Земля когда-то была живым существом.

Но затем люди в ярости и неистовстве просто взяли и уничтожили все то, что существовало в этих статуях. Было уничтожено необычайно многое из того, благодаря чему можно было необычайно многому научиться. То, что в настоящее время обнаруживают, основываясь на древних скульптурных памятниках, не представляет особой важности, является малоценным, поскольку в первые века (нашей эры) хорошо сознавали, что именно важно. Это и уничтожали.

Следовательно, дело обстоит так, что человечество когда-то обладало удивительным знанием; но при этом люди еще грезили. Видите ли, чрезвычайно

интересен тот факт, что когда-то люди, вместо того, чтобы обдумывать что-то — как они должны делать это сегодня, — просто грезили, находясь на Земле. Ночью они, в сущности, делали больше, чем днем. Ибо все то, что они переживали в качестве древней человеческой мудрости, пронизано тем, в чем можно увидеть следующее: эти люди многое **наблю**людали ночью. И эта древняя мудрость существовала у германцев, у тех германцев, которые говорили об исполинском Человеке. Исполинские люди были и после этого. Действительно, человек не сразу стал маленьким. Но, в конце концов, он стал именно **таким**, каковы люди сейчас.

Начиная с этого пункта, господа, мы будем **говорить** дальше, когда я снова смогу быть с вами. Вы **видите** что такой вопрос побуждает говорить о многом. Теперь я должен отправиться в Германию, в Штутгарт. После этого мы сможем говорить дальше. Вы же, **между** тем, подготовите прекрасные вопросы. Я сообщу вам, когда состоится следующее занятие.

ПРИМЕЧАНИЯ

Основа текста: лекции были застенографированы и **решифрованы** профессиональной стенографисткой Еленой Финк (1883—1960). В основу издания 1976 г. была положена вновь расшифрованная первоначальная стенограмма. Уст **ны** отклонения от текста, допущенные в издании 1957 г.

Рисунки в тексте выполнены Леонором Юлигом с **оригинальных** досок Рудольфа Штайнера.

Отдельные издания:

Лекции от 2, 5 и 9 августа и от 16 сентября в книге: «Познание существа человека в отношении его тела, души и духа», Дорнах, 1957.

Лекции от 20, 23, 27 и 30 сентября 1922 г. в книге: «О **различных** состояниях Земли», Дорнах, 1957.

Труды Рудольфа Штайнера, входящие в Полное собрание сочинений (ПСС), даются в Примечаниях с соответствующим **библиографическим** номером. См. также перечень в конце тома.

Первая лекция — в ряду лекций для рабочих, **прочитанных**, начиная с 11 октября 1921 г. данная была первой, от которой сохранилась стенограмма. Рисунки к лекции не сохранились.

Пауль Брок (1824—1880) — французский хирург и **анатом**, работал в области нейрохирургии.

...искусно — здесь и далее в значении «тщательно», «художественно».

...простейшие животные — протозои, простейшие **животные**.

В моем «Основном пункте социального вопроса» — см.: Рудольф Штайнер. «Основной пункт социального вопроса в связи с жизненными потребностями настоящего и **будущего**» (1919), ПСС библ. №23.

...странствуют по Италии со своим Бедекером — **всемирно** известный туристический справочник, составленный первоначально Карлом Бедекером (1801—1859).

Парацельс — более известное из истории мысли имя Филиппа Ауреола Теофраста Бомбаста из Гогенгейма (1493—1541). О смерти Парацельса см.: Рудольф Штайнер. «Основные импульсы всемирно-исторического становления человечества», ПСС библ. № 216, 6 лекция, а также: «Человеческая история в свете духовного исследования», ПСС библ. № 61, 4 лекция.

Жорж Кювье (1769—1832) — французский зоолог и палеонтолог.

...там, наверху, в Кэмпене — утес Кэмпен или Шат-тен, горная возвышенность в Юрских горах в Швейцарии, восточнее Дорнаха, высота 721 м.

Некоторое время назад был в Париже один ученый — Илья Ильич Мечников (1845—1916), русский зоолог и **микробиолог**, работал в Париже; см. эссе Мечникова «Гёте и Фауст» в его труде «Вклад в оптимистическое мировоззрение», Мюнхен, 1908, см. также: Рудольф Штайнер, ПСС библ. № 348, лекция 4 от 2 декабря 1922 г. о взглядах М **на** процессы старения.

*...что Луна когда-то вылетела оттуда, где сегодня **находится** Тихий океан* — ср. с лекцией от 10 октября 1923, ПСС библ. № 351, лекция 2, а также со статьей: В. Клоос. «Следы отделения Луны». В кн.: Лоренцен И. Ф. «Основные проблемы **эволюции**», Гамбург, 1959, стр. 79—83.

...тля — тли, Aphidae, группа насекомых, паразитирующих на растениях.

...фортицелла — вид ресничных инфузорий.

Жан Расин (1639—1699) — французский театральный драматург; его «Аталия» была закончена в 1691 г.

Густав Теодор Фехнер (1801—1887) — «Шляйден и **Луна**», 1856, стр. 170. «Короче: дожди идут чаще, если Луна идет к полнолунию и если Луна расположена ближе всего к **Земле**; ясная погода, ясное небо бывает чаще, если Луна идет к новолунию и если она наиболее удалена от Земли...»

Маттиас Якоб Шляйден (1804—1881) — немецкий ботаник.

Нам это патер так же объясняет — Гёте. «Фауст», часть 1, сцена 16, Сад Марты:

Маргарита и Фауст.

Маргарита:

Так обещай же, Генрих, мне!

Фауст:

Охотно, Все, что могу!

Маргарита:

Скажи ты мне прямой,
Как дело обстоит с религией твоей?
Ты славный, добрый человек, но к ней
Относишься как будто беззаботно.

Фауст:

Оставь, дитя! Мою узнала ты любовь;

Близких сердцу рад свою пролить я кровь;
Не против веры я, кому в ней есть отрада.

Маргарита:

Нет, мало этого: нам твердо верить надо.

Фауст:

Да надо ли?

Маргарита:

Ах, не найти мне слов,
Чтоб убедить тебя! Ты и святых даров
Не чтить.

Фауст:
Я чту их.

Маргарита:
Да, но без охоты
Принять их. В церкви не был уж давно ты,
На исповедь не ходишь уж давно.
Ты в Бога веришь ли?

Фауст:
Мой друг, кому дано
По совести сказать: я верю в Бога?
Священников ты спросишь, мудрецов, —
У них ответ всегда готов;
Но весь ответ их, коль рассудишь строго,
Окажется насмешкой над тобой.

Маргарита:
Не веришь ты?

Фауст:
Пойми же, ангел мой:
Назвать Его кто смеет откровенно?
Кто исповедать может дерзновенно:
Я верую в Него?
Кто с полным чувством убежденья
Не побоится утвержденья:
Не верую в Него?
Он, Вседержитель,
И Всехранитель,
Не обнимает ли весь мир, —
Тебя, меня, Себя?
Не высится ль над нами свод небесный?
Не твердая ль под нами здесь Земля?
Не всходят ли, приветливо мерцая,
Над нами звезды вечные? А мы
Не смотрим ли друг другу в очи,
И не теснится ль это все
Тебе и в ум и в сердце,
И не царит ли, в вечной тайне,
И зримо и незримо вокруг тебя?
Наполни же ты сердце этим чувством,
И если в нем ты счастье ощутишь, —
Зови его как хочешь:
Любовь, блаженство, сердце, Бог!
Нет имени Ему! Все в чувстве!
А имя — только дым и звук,
Туман, который нам свет неба затемняет.

Маргарита:
Как это хорошо, мой друг!
НАМ ЭТО ПАТЕР ТАК ЖЕ ОБЪЯСНЯЕТ,
НЕМНОЖКО ЛИШЬ В ДРУГИХ СЛОВАХ.
(Перевод Н. А. Холодковского под ред. М.

А. Лозинского)

Берут маленькую каплю масла — здесь Рудольф Штайнер описывает так называемый опыт Плато. Ср. с описанием, которое Винценц Кнауер приводит в своем предисловии к «Основной проблеме философии», Вена и Лейпциг, 1892 г.: «Одним из наиболее красивых физических экспериментов является опыт Плато. Приготавливают смесь из воды и спирта с удельным весом, равным удельному весу чистого оливкового масла, и в эту смесь добавляют достаточно большую каплю масла. Она плавает не по поверхности жидкости, но погружается до середины и принимает там форму шара. Чтобы привести ее в движение, в раствор погружают картонную шайбу, нанизанную в центре на длинную иглу, и осторожно погружают ее в каплю, так, чтобы внешний контур шайбы образовал экватор капли. Эту шайбу начинают вращать, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Естественно, масляный шар тоже движется, и, вследствие этого, возникает центробежная сила, под действием которой отделяются те части капли, которые после отделения еще продолжают некоторое время вращаться. Сначала они представляют собой круг, потом отдельные капельки. Таким образом, возникает картина, удивительно похожая на нашу планетную систему: в середине располагается большая капля, соответствующая нашему Солнцу, а вокруг нее вращаются маленькие капли и кольца, которые мы можем рассматривать, как планеты с их лунами». (Лекции во время летнего семестра, девятая лекция, стр. 281 вышеупомянутого сочинения.)

Юлиус Роберт Майер (1814—1878)— физик
Чарльз Дарвин (1809—1882).

...в виде совсем короткой статьи — первое сочинение Ю.Р. Майера «О количественном и качественном определении силы» было им послано 16 июня 1841 г. к Поггендорфу; он ее не опубликовал и не отослал обратно; она нашлась только после смерти Поггендорфа в оставленных им бумагах и была опубликована сначала Фридрихом Цёллнером в факсимильном издании, а позднее И.И. Вейраухом в издании: Ю.Р. Майер. «Небольшие заметки и письма. Дополнения к жизнеописанию», Штутгарт, 1893. Эта первая статья малоизвестна. Более известной и более значительной в научном смысле является вторая статья «Замечания о силах неживой природы», которая была опубликована в 1842 г. в издаваемом Вэллером и Либихом журнале «Анналы химии и фармацевтики», том 42, май, стр. 233. Только в 1845 г. в статье «Органические движения в связи с обменом веществ», Хайльбронн, 1845, Майер прямо указывает на ранее сделанные им наблюдения над кровью человека.

...Но этот естественнонаучный журнал отослал ему эту статью обратно — эта формулировка Рудольфа Штайнера, видимо восходит к тому, что написал друг Майера — Густав Рюмелин (напечатано в «Речи и статьи», Г. Рюмелин. «Новые следы», Фрайбург), у которого об этом сказано так: «Этот манускрипт, посланный в «Анналы физики и химии» Поггендорфа, в котором он мог бы занять достойное место, был отослан назад, как непригодный к публикации. Затем он попал в Гиссен и был принят в «Анналах химии и фармацевтики» Веллера и Либиха. Либих взял этот материал несмело на то, что он не имел прямого отношения ни к химии, ни к фармацевтике». Здесь Рюмелин ошибочно принимает первую статью, которую Майер посылал в «Анналы» Поггендорфа, за вторую, которую он послал в «Анналы» Либиха.

«Лик Земли» — автор — Эдуард Сюэ (1831—1914). Он писал в этом сочинении (изд. 1892, том 1, стр. 778): «Рассуждение земного шара, при котором мы присутствуем....»

ЦВЕТНЫЕ ДОСКИ К ЦИКЛУ ЛЕКЦИЙ ДЛЯ РАБОЧИХ ГЁТЕАНУМА ПОЗНАНИЕ СУЩЕСТВА ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ ЕГО ТЕЛА, ДУШИ И ЛУХА О РАНИХ СОСТОЯНИЯХ ЗЕАЛЛИ

При расшифровке стенограмм не всегда удаётся точно восстановить на какой именно фрагмент изображаемого на доске рисунка ссылаются докладчик. Поэтому текст содержит места, где должна была быть иллюстрация, которая, однако, отсутствует.

Сохранились оригинальные зарисовки и надписи, сделанные Рудольфом Штайнером во время этих бесед-лекций: в то время было принято покрывать доски черной бумагой. Репродукции всех сохранившихся «досок» приведены в отдельном многотомном издании Rudolf Steiner «Wandtafelzeichnungen zum Vortragswerk» (Rudolf Steiner Verlag, Дорнах, Швейцария).

Даже при поверхностном сравнении указанных репродукций со стандартными иллюстрациями в изданиях трудов Р. Штайнера становится очевидной определенная бедность и неполнота вторых. Кроме того, учитывая личность лектора, предмет докладов и обстоятельство, при которых делались зарисовки, можно предположить, что созерцание репродукции в целом, а не просто ее черно-белых фрагментов, способно дать читателю нечто большее.

Исходя из указанного, издательство сочло целесообразным привести в настоящей публикации и фрагменты (как они даны в оригинале), и подборку репродукций досок.

Рисунки к первой лекции не сохранились.